

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

ТАБАЧЕНКО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
докт. пед. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

РУБЛЕВА Лариса Ивановна,
докт. филол. наук, профессор

УШАКОВА Галина Дмитриевна,
канд. пед. наук, доцент

ШУМИЛОВА Татьяна Евгеньевна,
канд. филол. наук, доцент

ВЕРСТКА

О. А. Надточий

КОРРЕКТОР

В. А. Яковлева

В НОМЕРЕ

РАЗДЕЛ I

К 200-летию Н. В. Гоголя

- Веднева С. А.* Гоголевские штудии
Андрея Белого 4
Казакова Н. И. Наш Гоголь 9
Полупан Е. Б. Глаголы как средство
организации временного пространства текста
(на материале произведений Н. В. Гоголя) 12
Рублева Л. И. Нарезный и Гоголь 15
Сичкарь Е. В. Н. В. Гоголь и монашество. 22
Тарасова М. Р. И. А. Ильин о «Выбранных
местах из переписки с друзьями»
Н. В. Гоголя 26
Толстова Е. Н. Философский анализ произведений
цикла «Миргород» 31
Федорова И. В. Ошибки Хомя Брута:
прорыв сакрального круга 37
Чудинова В. И. Н. В. Гоголь в творческом
сознании А. П. Чехова 39
Шумилова Т. Е. Образ Гоголя
в интерпретации Ольги Форш
(роман «Современники», 1926) 44

РАЗДЕЛ II

**Проблемы зарубежной лингвистики
и методики преподавания иностранных
языков**

- Босая Г. Б.* Сравнительный лингвистический
анализ понятия «душа» в английской
и русской языковых культурах 48
Долгополая М. С. Реклама как объект
исследований в русле прагмалингвистики 51
Живоглядов А. А. Роль имени собственного
личного в филологическом анализе
англоязычного художественного текста 54
Машарина Л. Л. Роль «Истории языка
и введения в спецфилологию»
в формировании профессиональной
компетентности лингвистов-переводчиков 60
Мележик К. Н. К вопросу
о грамматической правильности
английской речи 64
Орлин Г. В. Основные компоненты
формально-содержательной сферы
немецкой баллады через призму образности 68
Поздеева А. В. Повышение мотивации
студентов к обучению иностранному языку
посредством инновационных
педагогических технологий 75
Скибина В. И. Различные аспекты
антонимии как методическая проблема 78
Скибина В. И. Особенности перевода
аспектуальных значений русских глаголов
на английский язык 81

Журнал зарегистрирован
Дальневосточным межрегиональным
территориальным управлением
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № 150357 от
05.06.2002 г.

Подписано в печать 25.10.2010.
Формат 60x84¹/₈.
Тираж 500 экз.

Издательство
Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск,
ул. Ленина, 290–32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./ факс (4242) 45-23-17.
E-mail: polygraph@sakhgu.ru

Титяева Г. В. «За» и «против» обучению машинному переводу в подготовке переводчиков	85
Шаповалова Т. Р. Лингвистические информационные ресурсы в парадигме непрерывного открытого образования	88

РАЗДЕЛ III

Проблемы отечественной лингвистистики и лингвистического образования

Добрычева А. А. Парцеллированные конструкции в тексте	95
Гольберг М. С. Речевой повтор как стилевая доминанта литературной критики И. А. Ильина (на примере очерка «Творчество И. С. Шмелева»).	97
Муминов В. И. Суггестивная функция языковых средств в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»	101
Муминов В. И. Ретардационная функция частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»	104
Подколзина Т. В. Лексические сопоставления на занятиях по латинскому языку как фактор развития интереса к изучению истории и культуры античного общества	108
Полупан Е. Б. Средства организации репродуктивного регистра в поэтическом тексте	111
Табаченко Т. С. Категория смысла в когнитивном обучении	114
Чикова Т. В. Жаргонная и арготическая лексика, ее стилистическое использование в произведениях Ю. М. Полякова	117

РАЗДЕЛ IV

Актуальные проблемы журналистики

Зиновьева Н. В. Любовь как способ преодоления одиночества в прозаических произведениях журнала «Числа»	123
Кузовов С. С. «Новый американец» Сергея Довлатова: история создания	126
Ушакова Г. Д., Филипенко Т. В. Отражение социальной сферы на страницах центральной прессы в 90-е годы XX – первое десятилетие XXI века	130

Сведения об авторах	137
--------------------------------------	-----

РАЗДЕЛ I

К 200-летию Н. В. Гоголя

ГОГОЛЕВСКИЕ ИШТУДИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Андрей Белый – признанный новатор языка и стиля русской художественной литературы в XX веке. Вот как характеризует его в этом плане К. Мочульский: «Ни один русский писатель не производил таких бесстрашных экспериментов над словом, как Андрей Белый. Его повествовательная проза не имеет себе подобных в русской литературе...»¹. Сам же Белый признавался в предисловии к своему роману «Маски», что он «учился словесной орнаментике у Гоголя».

К художественному опыту Гоголя Белый-прозаик и Белый-теоретик обращался неоднократно: восхищался, вглядывался, препарировал – учился. Перу Белого принадлежат, в частности, ранняя статья «Гоголь» и обширное исследование «Мастерство Гоголя» (1934). 26 апреля 1909 года он произносит речь при возложении венка на могилу Николая Васильевича Гоголя. 15 января 1933 года выступает с докладом «Гоголь и “Мертвые души” в постановке Художественного театра» (Всероскомдрама).

Каков историко-литературный фон, на котором вырисовывается Гоголь Белого?

Интерес к Гоголю характерен для первых десятилетий XX века в целом, причем независимо от эстетических ориентиров пишущих о нем авторов. Из модернистов назовем, прежде всего, И. Анненского («Художественный идеализм Гоголя», 1902; «Проблема гоголевского юмора» в «Книге отражений», 1906; «Эстетика “Мертвых душ” и ее наследье», 1911), Д. Мережковского («Гоголь и черт»). 20 марта 1909 года в зале Дворянского собрания в Петербурге А. Блок произносит речь к 100-летию со дня рождения Гоголя, вошедшую в его собрание сочинений под названием «Дитя Гоголя» (первоначальные варианты заглавия – «Гоголь и Россия», «Душа Гоголя»). В. Брюсов в том же году делает в Обществе любителей российской словесности доклад «Испепеленный» и как основное в творчестве Гоголя подчеркивает его гиперболизм и фантастику, развивая наблюдения профессора А. А. Потебни

о том, что весь «Гоголь вышел из гиперболы»². Хорошо известна работа одного из теоретиков «левого фронта» Б. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель Гоголя”» (1919), где рассматриваются основные приемы сказа. В 1934 году статью «Памяти Гоголя» пишет В. Ходасевич.

Привлекает внимание анализ творчества классика, названного «...одним из самых выдающихся украинцев всех времен»³ («Неизвестный Гоголь»), в трудах крупного украинского слависта и философа Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977). В работе «О “Шинели” Гоголя» (1938) Чижевский, по словам Н. Надъярных, «бесценные россыпи смыслов добывает... из повтора “даже”, этой “словесной детали”, 73 раза употребленного в повести Гоголя “мало-значашего словечка”, без которого, как выясняется, не проникнешь во внутренний мир Акакия Акакиевича»⁴.

Выдающийся русский критик, мастер эстетического анализа Дмитрий Петрович Святополк-Мирский в статье «Русская литература после 1917 года» (впервые опубликована в журнале «The Contemporary Review», 1922), протягивая нити между золотым и серебряным веками, отмечает: «Лирическая риторика Ремизова и Белого восходит непосредственно к Гоголю, а их отчаянная любовь к причудливым, фантастическим и гротескным аспектам русской жизни определенно предначертана Лесковым и снова Гоголем»⁵. В стиле Ю. Тынянова в «Смерти Вазир-Мухтара» он также обнаруживает «использование гоголевских приемов... в стремлении дать фигурам простые физические формулы»⁶.

В «Истории русской литературы. С древнейших времен по 1925 год», написанной Святополк-Мирским на английском языке и для английского читателя, глава У озаглавлена «Эпоха Гоголя». «Значение Гоголя двояко, – пишет в ней Д. Святополк-Мирский, – он не только был великим писателем; он еще и необычайно интересная личность, любопытнейший психологический феномен. Вероятно, его психологическая

¹ Цит. по: Новиков, Л. А. *Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого* / Л. А. Новиков. – М.: Наука, 1990. – С. 120.

² См.: Андрей Белый. *Проблемы творчества* / Андрей Белый. – М.: Советский писатель, 1988.

³ Цит. по: *Вопросы литературы*. – 1999. – Ноябрь-декабрь. – С. 82.

⁴ Надъярных, Н. *Возможность, равнозначная необходимости* (К изучению литературоведческого наследия Д. Чижевского / Н. Надъярных // *Вопросы литературы*. – 1999. – Ноябрь-декабрь. – С. 85.

⁵ Святополк-Мирский, Д. П. *Литературно-критические статьи* / Д. П. Святополк-Мирский // *Русская литература*. – 1990. – № 4. – С. 128.

⁶ Там же. С. 125.

загадка так навсегда и останется загадкой»⁷. Это перекликается с мыслью Александра Блока: «Если бы сейчас среди нас жил Гоголь, мы относились бы к нему так же, как большинство его современников: с жутью, с беспокойством и, вероятно, с неприязнью; непобедимой внутренней тревогой заражает этот единственный в своем роде человек: угрюмый, остроносый, с пронзительными глазами, больной и мнительный <...> “Спасите меня! Возьмите меня!” – кричит замученный Поприщин; это крик самого Гоголя, которого схватила творческая мука»⁸.

Святополк-Мирский называет громадным недоразумением восприятие произведений Гоголя как «чистой сатиры, направленной против темных, животных сил загнивающей России»⁹. «Произведения Гоголя были сатирическими, – рассуждает он, – но в необычном смысле. Это была не объективная, а субъективная сатира. Его персонажи были не реалистическими карикатурами на явления внешнего мира, но карикатурами на фауну собственной души... *Ревизор* и *Мертвые души* были сатирой на себя, на внутреннее “я” и оказывались сатирой на Россию и человечество, только поскольку и Россия, и человечество в этом “я” отразились»¹⁰. В то же время утверждается гоголевская «сверхчеловеческая сила творческого воображения» («в мировой литературе у него в этом есть равные, но нет высших»): «Если считать мерой оценки писателей их чистую творческую мощь, то Гоголь величайший русский писатель. Ни у Пушкина, ни у Толстого не было ничего похожего на его вулканическое творческое воображение»¹¹.

Выделяя словесную выразительность как главную и самую постоянную черту гоголевского стиля, критик с необыкновенной точностью определяет ее оригинальность. Гоголь «пишет, имея в виду не столько акустический эффект, оказываемый на ухо слушателя, сколько чувственный эффект, оказываемый на голосовой аппарат чтеца. От этого его проза так *густа* и *насыщена*. Она состоит из двух элементов, романтически контрастирующих и романтически крайних – высокой поэтической риторики и гротескового фарса. Гоголь никогда не пишет просто – он всегда либо *ритмизирует*, либо столь же тщательно *имитирует*

ет. И интонации разговорной речи присутствуют у него не только в диалоге. Его проза никогда не бывает пустой. Она всегда живет и вибрирует *живой речью*. И потому переводить ее совершенно безнадежно – она непереводимее всякой другой русской прозы»¹² (курсив мой. – С. В.).

Именно имитацией живой разговорной речи Гоголь близок популярному в русской литературе 20-х годов сказу. Называя «Страшную месть» шедевром, Святополк-Мирский справедливо утверждает, что «это самый большой прорыв Гоголя к чисто орнаментальной прозе»¹³. В нее, кроме сказа, укладывается и его открытый лиризм, и явная суггестивность, и двоемирие крайностей.

Среди влияний на манеру Гоголя, на его технику Святополк-Мирский ставит на первое место традиции украинского народного и кукольного театра, поэзию украинских дум, «*Илиады*» в переводе Гнедича. Реминисценциями из «*Илиады*» полны, в частности, военные сцены «*Тараса Бульбы*», который «занимает в русской литературе единственное, только ему принадлежащее место – у него нет ни подражателей, ни продолжателей» – и вдруг неожиданная параллель, пометка в скобках: «кроме, пожалуй, нашего современника Бабеля в его рассказах о Красной армии»¹⁴. Эта параллель любопытна и тем, что стилистика Бабеля также тяготеет к орнаментальности.

Фраза Святополк-Мирского «Гоголь был и реалист, и нереалист» объясняет, почему именно Гоголь из всех русских писателей XIX столетия оказался ближе всех символистам. На это указывает и советский критик А. Воронский в книге «Гоголь» (1934), определяя его основную манеру как *реалистический символизм*: «Русские символисты эту отвлеченность и мистицизм Гоголя сделали своим знаменем»¹⁵. Выясняя, чем может быть полезен Гоголь советской литературной современности, Воронский тем не менее выделяет у него то, что ценили, прежде всего, символисты – магию слова. Чем не модернистский ракурс оценки: «...причудливое сочетание необыкновенной гибкости, звучности, стихийности и умысла придало языку Гоголя что-то шаманское и колдовское. Язык Гоголя – язык заклятий»¹⁶.

Святополк-Мирский по поводу языка пишет, что «этот общерусский писатель на украинской

⁷ Мирский, Д. П. *История русской литературы* / Д. П. Мирский. – Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1992. – С. 233.

⁸ Блок, А. *Дитя Гоголя* / А. Блок // А. Блок о литературе. – М.: Худ. лит., 1989. – С. 228, 229.

⁹ Мирский, Д. П. *История русской литературы* / Д. П. Мирский. – С. 230.

¹⁰ Там же. С. 230.

¹¹ Там же. С. 234.

¹² Там же. С. 235.

¹³ Там же. С. 237.

¹⁴ Там же. С. 237–238.

¹⁵ Воронский, А. *Гоголь* // А. Воронский. *Искусство видеть мир*. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 690.

¹⁶ Там же. С. 684.

основе», как определял его Д. Н. Овсянко-Куликовский, «не знал хорошо ни русской грамматики, ни русского синтаксиса», «приходилось изобретать собственную грамматику и собственный синтаксис» – и в результате у нас в руках «дивные страницы» гоголевской прозы.

Еще одно качество, отмеченное Святополк-Мирским, могло быть привлекательно для Белого-новатора. «Гоголь (как Толстой, Горький и Андреев – после него) снимал табу и разрушал запреты. У него пошлость действует там, где прежде царили только высокое и прекрасное. *Исторически* (курсив автора. – С. В.) это самый важный аспект его творчества»¹⁷, – заключает критик.

Какой вклад вносит Белый в науку о Гоголе? В «Предисловии» к исследованию «Мастерство Гоголя» Л. Каменев дает труду Андрея Белого следующую оценку: «...это книга, написанная не для читателей, а для писателей», а ее ценность видит в том, что она позволяет «вскрыть законы организации словесного материала как составного и конститутивного элемента художественного произведения»¹⁸. Из более поздних отзывов укажем на статью Дм. Молдавского «Мастерство Гоголя. Заметки о книге Андрея Белого», вошедшую в первую коллективную монографию советских литературоведов «Андрей Белый: Проблемы творчества» (М.: Советский писатель, 1988). В ней отводится особое место этой книге в творчестве Белого как итогового исследования и ее главное значение определяется в связи с умением Белого показать художественную современность Н. В. Гоголя, его влияние и воздействие не только на стилистику прозы самого Белого, но и на литературу и шире – на искусство XX века (Гоголь и Сологуб, Гоголь и Блок, Гоголь и Маяковский, Гоголь и Мейерхольд), его предвидение многого в художественной специфике литературы будущего.

А. Белый обнаруживает у Гоголя стилистические приемы, характерные для лучших стилистов начала XX века. «Что за слог!» – восклицает он, с нескрываемым восхищением обрисовывая грандиозную фигуру: «Весь размах лирики, данный ритмами, от которых себя отвлекает в прозе Пушкин, вложил Гоголь в прозу, заставляя вздрагивать, как струны, вытянутые свои строки, дающие звук ассонансов и аллитераций. <...>».

«Мертвые души» – целая эпопея, раздвигающая границы эпоса. <...>. И до Гоголя – нет эпических поэм в прозе; как нет и в поэмах широкого охвата. Поэма Гоголем влита в прозу; жизнь эпохи – в поэзию <...>. Переродилось самое понятие “проза”; и русская литература заняла первое место в мировой.

Толчок к тому – в Гоголе» [5 – 6].

В ранней своей статье «Гоголь» Белый обращает внимание на некий парадокс: тончайшая ювелирная работа над слогом («чудо технического искусства!») соединяется у Гоголя с грубым оборотом речи, нелепым и даже пошлым приемом («чудный», «роскошный», «очаровательный») – и этим грубым приемом Гоголь умудряется достичь «ослепительной выразительности». Как и Святополк-Мирский, Белый подмечает контраст и выводит обаяние гоголевского слога из соединения изысканных форм с риторикой. Слог Гоголя «одновременно и докультурный и превосходит в своей утонченности не только Уальда, Рембо, Сологуба и других “декадентов”, но и Ницше».

В работе «Мастерство Гоголя» пять глав («Творческий процесс Гоголя», «Сюжет Гоголя», «Изобразительность Гоголя», «Стиль прозы Гоголя», «Гоголь в XIX и в XX веке»). Остановимся на некоторых характеристиках, данных в главе четвертой, носящей заголовок «Стиль прозы Гоголя».

Рассуждая о словесной ткани, Белый утверждает, что об одном только употреблении Гоголем частиц «ни», «не» и союза «и» можно прочесть четыре лекции. Главные характеристики гоголевской фразы: она длинней пушкинской, насыщенной придаточными предложениями, всюду заторы друг друга теснящих глаголов и существительных, «колоннада словесных повторов», «барельефная гирлянда народных словечек, с лукавыми, как рожа фавна из роз, прибаутками, с полукруглыми дугами вводных предложений, над которыми вlepлено междометие в виде “чорт”, или “угодники божие”». *Словом, – причудливое барокко*» (курсив мой. – С. В.) [197].

«У молодого Гоголя много фразовой тухли», но есть уже в первых рассказах короткие, насыщенные, отработанные фразы – и они незабываемы («Чернел... лес, обсыпаясь... на оконечности... тонкой, серебряной пылью»; «В поле становится холодной... Примеркает, примеркает... И – смерклось... Темно, хоть в глаз выстрели»), но типична для Гоголя та фраза, которая «летит на размахах придаточных предложений – без меры в ширину, без конца в длину» (курсив мой. – С. В.) [197]. Белый, не ленись, рисует схемы барочных гоголевских предложений, называя их «синтаксическими узорами речи Гоголя».

Составляя словарь Гоголя, Белый устанавливает специфику его частей речи. Неподражаем глагол Гоголя – он яркое, оригинальное, порой до

¹⁷ Мирский, Д. П. История русской литературы / Д. П. Мирский. – С. 239.

¹⁸ Белый, А. Мастерство Гоголя: Исследование / А. Белый. – М.-Л.: ГИХЛ, 1934. – С. 5, 6. (Далее все цитаты из данной работы А. Белого приводятся по этому изданию с указанием в скобках страниц.)

«вычурности». Для усиления энергии действия и впечатления Гоголь использует следующие средства:

- прием одушевления (топор *вбежал в дверь*, усы *заморгали*, ветер *держит воду рябью*, глаза *вторгаются*, ноги *чешут дробно*);

- прием острания (обычно вода льется; плещется; слово звучит; зерно, пыль сыплется; шуба валится с вешалки – у Гоголя наоборот: *сыплется гром соловья*, *водопад сыпался*, *валится серой пылью вода*);

- прием нагромождения глаголов, равно как прилагательных и существительных (деревья *толпятся... наклонившись, глядят... и не наглядятся, и не налюбуются... и усмеваются... и приветствуют... кивая ветвями* – восемь глаголов при одном существительном);

- выбирает редко употребляемые, народные, звукоподражательные, подчас заумные глаголы (*червонить, шеломить, атукнуть, шарпать, челомкаться, многолюдить*).

Чем, спрашивает Белый, отличается гоголевское *наименить* (от *имение*) и *омедведить* от знаменитых *окалошить, оэкринить* Игоря Северянина, и вывод очевиден – Гоголь близок футуристам, когда выражается: *омедведила тебя жизнь, нахлобучивались сумерки, стены оцеливали*. А такое сочетание существительного с глаголом, как *кони торопились... вковавши очи во мрак*, «вызывает впечатление утонченной силы» и обнаруживает поистине модернистскую изысканность гоголевской метафоры.

Сравнивая глаголы Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Белый подчеркивает, до чего «богат, фигурен, “глаголен” Гоголь».

Подробно рассмотрены эпитеты Гоголя: они метафоричны, метонимичны, синекдохичны, тяготеют к гиперболизму, к нагромождению гипербола, используется острание с заменой обычной приставки и окончания слова на необычные (*приглуповат, из-ветшалы, унывный, мордатый, оглохлый*). Красиво вылеплен, хотя и тяжеловат в композиции эпитет, передающий сложное восприятие: *трепетнолистные купола, подоблачные дубы, зеленолиственные чащи*. Нередок и чисто гомеровский эпитет (особенно в «Тарасе Бульбе»): *зеленокудрые леса, глубоководное место, седочупрунный казак, дюженогие запорожцы*.

Гоголь не только богат необычными эпитетами, он мастер умеренных эпитетов – это тоже живой, яркий ряд: *гибкое* юношество, *обширное* лицо, *статный* подсолнечник, *православный* морозец, *ничтожный* переулочек, *трубочный* курыка, *зыбучая* брань. *Вольное* небо – пример пушкинской простоты.

Излюбленный эпитет Гоголя – «чудный» (в прямом смысле как дивный и в переносном как *чудной*). Употребляет Гоголь и синестетичные эпитеты: *яркий крик, густое слово, красный звук, видимая тишина, толстый бас шмеля; яркий,*

как серебро, крик лебедя. Цветной и фигурный слух Гоголя идет от романтиков и сплетается с позднейшими символистами и экспрессионистами. И хотя Белый приводит примеры «неумеренной роскоши определений», в целом эпитеты Гоголя расценивает как «смесь роскошеств с чувствительными недостатками, но они не изъясняют, а перепроизводство богатств». Больше всего ценятся, разумеется, эпитеты, «сочетающие пушкинскую простоту с протонченным изыском лучших стилистов XX века» [205].

Отзывы самого Белого о стилистике Гоголя по-модернистски причудливы и запоминаются не академичностью формулировок, а яркой образностью:

- В эпитетах «Пушкин показывает красоты северной флоры», а «Гоголь тропичен».

- «Спектр Гоголя, составленный по эпитетам, – переливный, пестрый, павлиний хвост».

- «Гоголь – Плюшкин словечек, нижуший их подчас нарочно бессвязно (курсив А. Белого. – С. В.), чтобы ошеломить, вызвать столпленье у глаз красочных пятен...» [211, 212].

Существительные Гоголя Белый определяет как неисчерпаемый фонд народных языков – украинского и великорусского. Этот фонд изобилует архаизмами, неологизмами, словесными импровизациями вплоть до зауми, а также включает канцелярский слог, технические языки (кухонный, помещичий, лакейский, охотничий, картежный), язык мещан и ремесленников: «из пестрого месива Гоголь выговаривает свой язык», судьба которого – «стать на три четверти русскою литературною речью; и – даже: изменить тот самый язык, в котором Гоголь чувствовал подчас иностранцем себя» [212]. Славно описывает Белый существительные: «словечко для Гоголя, что изюминка, или, что камушек, бросаемый в воду: он мелодичный из воды извлекает звук; и от него – круги: круг за кругом...» [213]. По примерам, которые приводит Белый – *в платье из голубого полутабенку* (*пла – лубо – полу*), *краснозобый курухтан* (*крсз, крх*) и другим – мы видим, что речь идет не просто о том, что с существительными аллитерируют и ассонируют эпитеты, дополнения, глаголы, а что для классической прозы Гоголя естественно явление паронимии, получившее широкое распространение лишь в XX веке – в модернистской поэзии и в неклассической (орнаментальной) прозе. Гоголь также активно использует прием ономапии – именно об этом фраза Белого: «Гоголь мастер отражать звуки слова в словесной группе» [228]. Важно и другое наблюдение: «... в основу положен повтор, связывающий напев с изобразительностью, ибо звуковой повтор ведет к повтору слов, или группы их; а фигура повтора... лежит в основе других фигур Гоголя» [228].

Напевность словесной ткани Гоголя рождается прежде всего за счет повторяемости элемен-

тов: многообразные повторы, внутренняя рифма, изумительная звукопись. Пример ритмической прозы Гоголя, который можно назвать хрестоматийным (по сочетанию ритмов с повторами, по подчиненности образов, красок, синтаксиса и даже сюжета – напеву), взят Белым из «Майской ночи»:

«Парубок, я награжу тебя. Я тебя богато награжу... Я подарю тебе пояс... Парубок, найди мне мою мачеху... Она мучила меня... Посмотри на лицо: она вывела румянец... Погляди на белую шею мою: они не смываются, они не смываются, они никогда не смоются, эти синие пятна от железных когтей... Погляди на белые ноги мои: они – много ходили, не по коврам, – по песку, по земле, по колючему терновнику! А на очи мои, посмотри на очи: они не глядят от слез; найди ее, парубок, найди мне мою мачеху!» [226].

Процесс возникновения художественной речи Гоголя выглядит, по Белому, следующим образом: «...ритм повторным ударом, как молотом, высекает блеск звукописи... из звукового повтора рождается словесный повтор; он им подкреплен; повтор членится в клавиатуру повторов; она двояко подкреплена: звуком и ритмом; повтор, как стебель, выкидывает из себя с ним сплетенные формы: параллелизм, контраст, обрыв, рефрен, кольцо, спираль и т. д., уже тройко подкрепленные: ритмом, звуком, простым повтором; гипербола Гоголя – есть вывод из сложного повтора, как его заострение; крепость ее остроты в том, что она – острие пирамиды, которой повтор – основание; осознание этого основания как аналогии (в параллелизме) рождает сравнение, лабораторию метафор и метонимий...» [278]. Его интонация идет не от литературы, а от живого голоса. Огромно значение паузы.

Белый заявляет, что на послегоголевском литературном пространстве только у Ницше и звукопись, и ритм прозы звучат с гоголевской силой. Даже символисты, провозгласившие синтез слова и музыки, не достигли на практике того, о чем мечтали.

Гоголь наперекор своему веку «превратил прозу в “поэзию-прозу”» [227] и ценен для Андрея Белого ладом, ритмом, музыкой – тем, что он «не только писатель, но и композитор мелодий, великолепно инструментирующий их...» [233] (курсив Белого. – С. В.). К достигнутому Гоголем синтезу слова и поэзии, слова и музыки стремился Белый-прозаик. Он так оценивает

эти свои усилия: «...проза Белого в звуке, образе, цветописи и сюжетных моментах – итог работы над гоголевской языковой образностью; проза эта возобновляет в XX столетии “школу” Гоголя» [309]. Стиль прозы Андрея Белого родился, исходя из эстетики символизма, а также на основе лучших традиций русской классической литературы, среди которых проза Гоголя несомненно выдвигается на первое место.

Гоголь – великий стилист. Вывод, вытекающий из исследования, созвучен другим оценкам творческой сущности писателя, родившимся в 20–30-е годы XX века, но Белый еще и дает во многом уникальный анализ стиля прозы Гоголя. «В своей конкретной части, – уверял при выходе книги автор предисловия, – работа Белого и значительна, и актуальна, и интересна» [12]. То же можно сказать и сегодня, имея в виду «музыкальное ухо Белого, его изощренное внимание к строению словесного материала, поразительную настойчивость в разработке вопросов словесного оформления» [6].

Заслуга Белого-исследователя в своеобразном открытом финале, который он предлагает своему специфическому читателю – читателю-писателю, читателю-филологу: «особенность процесса творчества в Гоголе та, что ни в чем не закончен он... не замкнут собранием сочинений; ищите его в каждом художнике слова; откроете Гоголя там, где ему не положено быть “академиками”» [320].

Среди современных художников слова мы нашли его в Юрии Ковале, для которого авторитет Гоголя высочайший («кланяться издали – наш правильный удел») и который несомненно учился у Гоголя, а, может быть, и у Белого. Последователей объединяет с учителем не только необычность стилистики произведений, связанной со «словесной орнаментикой», синтезом высокой поэзии и гротескового фарса. Их объединяет философия слова: «Может быть, никто из писателей не верил так в магическое, во всемогущее действие слова, как верил в него Гоголь. Он верил, что словами можно пронять и переродить любого человека; считал, что его слово облечено особой силой, данной ему свыше. В слове – спасение от пороков и грехов»¹⁹. Нашел ли такое слово Гоголь? В слове-спасении XXI век испытывает нужду, не менее великую, чем XIX или XX, поэтому драма исканий Гоголя и Белого весьма поучительна для нас.

¹⁹ Воронский, А. Гоголь / А. Воронский. – С. 684.

Наш Гоголь

Он родился на Украине недалеко от Миргорода, местечка, само название которого послужило заглавием для целой книжки. А сначала были «Вечера на хуторе близ Диканьки», и это тоже Украина, или, как тогда принято было называть, Малороссия. Гоголь любил ее, и ему хотелось, чтобы и его читатели испытывали такое же чувство.

С детских лет нам знакомы чудесные рассказы о жизни и людях этого края, песенного и мужественного. И они, как живые, воскресают перед читателем – каждый на свой образец: кузнец Вакула и красавица Оксана, пан Голова и Ганна, вольные казаки и старосветские помещики. Сколько замечательного юмора! Пушкин любил рассказывать, как наборщики в типографии, где печатались гоголевские повести, «начали прыскать и фыркать... потому что помирали со смеху, набирая его книгу». Какой писатель-юморист не позавидует истинно народному признанию!

Гоголь хотел передать читателям музыку украинской речи. И не случайно в первой же его книге поместил целых два словаря украинских слов – более 130. Хотя и тогда, и сегодня почти все они были и так понятны, а многие вошли в наш повседневный язык. Ну кто не знает: «жинка», «бублик», «галушки», «пампушки», «хутор», «кожух», «хлопец», «черевички», «рушник» – да мало ли других.

Братский край! Давно уже украинские характерные имена не воспринимаются как чужие – и сколько их теперь у нас!

Да и для Гоголя это была все та же Русь.

Отец будущего писателя носил двойную фамилию Гоголь-Яновский. Сын оставил только первую часть, хотя в лицее, где он учился, ему пришлось быть Яновским. Он не любил двойную фамилию «на польский манер». Она вызывала у него представления о тех зловещих временах, когда родная его земля была польско-литовским игом. И не случайно у него постоянно звучит: «Пусть же знают все, что такое значит в русской земле товарищество!»

Рассказывать о Гоголе трудно. Очень точно заметил Н. Г. Чернышевский: «Воспоминаний о Гоголе напечатано довольно много, но все они объясняют только второстепенные черты в многосложном и чрезвычайно оригинальном характере гениального писателя». Но то же можно сказать и об анализе его произведений, который был по силам лишь В. Г. Белинскому и самому Н. Г. Чернышевскому.

Сколько ни вставай на цыпочки, с гигантом не сравниться! И невольно ограничимся лишь

деталью, впрочем, хотя и не слишком важными, но не лишенными интереса.

Отец писателя Василий Афанасьевич был не чужд литературным интересам. Писал стихи и водевили, которые ставил в домашнем театре богатого вельможи Л. П. Трошинского. Позже Гоголь даже пытался эти пьесы поставить в Петербурге! Интерес к театру явно был унаследован от отца. Гоголь и сам побывал на сцене – и не без успеха. В школьной постановке комедии Фонвизина «Недоросль» он играл... женскую роль госпожи Простаковой! Один из лицейских друзей писателя позже вспоминал, что лучшего исполнения этой роли он не видал ни в одном профессиональном театре! Но интересен рассказ и о другой постановке там же в лицее.

Заметим, что нравственно сосредоточенный Гоголь был прекрасным рассказчиком и вроде бы весельчаком, и вовсе не молчаливым, но о многом и умалчивал, за что товарищи-лицейсты прозвали его Таинственный Карло и упрекали: «Снял бы хоть раз маску», – на что он отвечал: «Мы все носим невидимую маску, которую снимаем только под видимой».

Лицейсты любили по праздникам разыгрывать спектакли, в том числе и собственного сочинения. Готовили очередной. Гоголь, как обычно, занимался декорациями и на сей раз делал украинскую деревенскую хату. По ходу постановки она была не нужна, но на все вопросы «зачем», ответ был один: «Стало треба».

Собрались родные, знакомые, учителя. Дали занавес. Дальше воспроизвожу по воспоминаниям Т. Д. Панченко, гоголевского однокашника: «Вот появляется дряхлый старик... Опираясь на палку, еле передвигается. Доходит до скамейки, садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет, да наконец захихикал и закашлял таким удушливым и старческим кашлем с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом». За озорство была ему выволочка. Но зачем он так делал?

Нет, это было не озорство, а, если хотите, своеобразный эксперимент. И не единственный. Именно отсюда пошли события и герои: и «майор» Ковалев, у которого нос вдруг сбежал... и стал личностью! И помещик Чертокуцкий, спрятавшийся в коляске от гостей. И покупка мертвых душ, и вся конструкция необычайных поступков его персонажей.

Сила воображения и удивительное понимание человеческих характеров, уникальная способность мысленно проникать в сущность ве-

щей – это и был реализм, мирно уживавшийся с романтической фантазией.

Многое в нем непонятно.

В 1836 году, после триумфального «Ревизора», он уехал за границу. Жил в Германии, во Франции, в полюбившемся ему Риме. Через несколько лет вернулся, а потом снова уехал в Италию, совершил паломничество в Палестину к святым местам. По России он ездил очень мало: Петербург, Москва, подмосковная усадьба друзей. Откуда же такое потрясающее знание России – и городской, чиновничьей, и сельской, крестьянской, и помещичьей? А как пишет!

«Два русских мужика, стоявшие у дверей кабака... сделали кое-какие замечания, относящиеся более к экипажу, чем к сидевшему в нем. “Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” – “Доедет”, – отвечал другой. “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” – “В Казань не доедет”, – отвечал другой»¹.

Подлинно живая речь, без фальши и нарочитости. И ни одного просторечия, как бы крестьянского, без подделки!

Но при чем тут Казань? И что это за город – NN?

Такая анонимность или маскировка вымышленным названием местности в других произведениях, так же как и замена настоящих имен придуманными, нередко пробуждает у читателей желание узнать, что под вымыслом скрывается? Хотя все это никакого особого значения не имеет. Писатель ведь не регистратор фактов и конкретных лиц – для этого есть фельетоны. А в произведении художественном изображается типическое, то что может произойти в любом месте. Как характерное.

Но в отдельных случаях детали оказываются значимыми.

Гоголю важно было показать, что его герой немало поездил в «процессе охоты» на мертвые души. И он перечисляет устами самого героя: Чичиков рассказывает дамам, что видел «много приятных вещей» в Симбирской, Рязанской и Вятской губерниях. И даже в Пензенской у некоего «Фрола Васильевича Победоносного и у брата его Петра Васильевича». Все махинации Чичикова могли совершаться и там.

Но неназванный город NN, стало быть, расположен в других местах. Почему же он не назван? Чем он хуже других? Да не в этом же дело. Задача-то была совсем другая. Как считал В. Г. Белинский, Гоголь хотел изобразить *всю Россию*, а не один какой-то, пусть и губернский город.

А вот маршрут своему герою он сочинил очень длинный. Хотя, как у него в обычае, зама-

скировал. В самом деле лишь вскользь упоминается, что расположен он между Москвой и Петербургом – Манилов мечтал построить башню, чтобы можно было издали видеть и то и другое. Сюда приезжают купцы из Сольвычегодска – это тогдашняя Вологодская губерния, и из Усть-Сысольска (ныне столица Республики Коми – Сыктывкар). Несколько раз упоминается Вельегонск, бывший город Тверской губернии. Плюшкинского беглого крестьянина поймали в Царевко-кокшайске (ныне столица Республики Марий Эл) – это все север европейской части России. А уж какой город NN – выбирайте по карте!

Черты северорусского быта сказываются в описаниях дворов и поместий. Очень точный язык, характерный для тех мест. И так далее.

И это все?

Нет, не все. Странствия Чичикова продолжают-ся во втором томе книги. А пейзаж-то здесь совсем другой – чего ему мозолить глаза в одних и тех же местах? И вот начало второго тома: «Как бы исполинский вал какой-то крепости... шли, извиваясь на тысячу с лишком верст горные возвышения... над бесконечными просторами равнин... темными гущами леса... Река, блеснув в нескольких извивах в сопровождении мостов, мельниц и плотин...».

По этим и другим штрихам можно догадаться, что это Поволжье. Где еще могут быть «отломы известково-глиняного свойства»?

Постоянно звучит в книге настойчивый мотив движения. «Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты... летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль»². Постоянно присутствует и привлекает наше внимание образ «птицы-тройки», которая «могла только родиться в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разлетелась на полсвета!»

Иносказательные упоминания вереницы городов и местностей обобщают то, что хочет обрисовать писатель. А личные имена людей помогают охарактеризовать героя – немало они могут о нем сообщить. До Пушкина и Гоголя писатели любили давать своим персонажам имена-характеристики, зачастую выглядевшие искусственными: Стародум, Здравомыслов, Скотинин, Влюбчин. Или уже прямо похожие на кличку: Дурдурин, Честон, Милон, Милена, Хвастун и т. д. Но и для писателей-реалистов топонимика имела значение. Хотя имена они придумывали более тонкие и тоже хлесткие: Собакевич, Плюшкин, Хлестаков, Ляпкин-Тяпкин, бессмертное – Держиморда! Иногда колебались в выборе, меняли прозвание: у Гоголя городничий был сначала не Сквозник-Дмухановский, а Сквозник-Прочухан-

¹ Гоголь, Н. В. Избр. соч.: В 2-х т. / Н. В. Гоголь. – Т. II. – М.: Худ. лит-ра, 1984. – С. 174.

² Там же. С. 368.

ский; судья был не Ляпкин-Тяпкин, а Припекаев. Фамилии давались автору не сразу.

Во втором томе «Мертвых душ» выведен некто деловой человек Костанжогло. Гоголь все время ищет, кого бы противопоставить российскому помещику, лентяю и расточителю. Лучше всего грека – греки великие коммерсанты! Гоголь дает ему «греческую» фамилию Скудронжогло от слова (оно есть в словаре В. И. Даля) «скудаться» – скупиться, прижимать деньги. Но это не соответствует характеру героя. В Москве Гоголь жил недалеко от табачной фабрики, где на вывеске было означено имя владельца – Бостанжогло, и герой был переименован. Но бостанжи – это титул, чин турецкий, что опять же не подходит. А у Гоголя был в лицее друг грек. Звали его Константин. Ну вот так и появился окончательно Костанжогло!

Велик Гоголь как писатель и как мыслитель. Не случайно в среде российских литераторов появился афоризм: «Все мы родились из рукава гоголевской “Шинели” – произведения, легшего в основу русского реализма. Но далеко не проста мысль Гоголя, хотя и послужила бурному обсуждению, критике и иногда совершенно незаслуженным обвинениям.

В конце жизни Гоголь написал ставшее обвинением, штампом претензий к писателю – «Выбранные места из переписки с друзьями».

Первый том «Мертвых душ» Гоголь завершил подлинным гимном России: «Русь, куда ж несешься ты?... Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства»!

А второй том, так и не оконченный, писатель начинает как бы сменивши программу: «Зачем же выставлять напоказ бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства?... И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок»³.

Вот тут и появился Костанжогло. Он-то и сыграл роль детонатора того взрыва, что сопровождал последние годы Гоголя. Ведь он хотел найти и изобразить идеальных героев в среде идеальных же деловитых помещиков, честных чиновников, справедливых предпринимателей. Это среди собакевичей и ляпкиных-тяпкиных? А где было взять других? Вот и появляется барин-филантроп, у которого 200 тысяч годового дохода, а соседние крестьяне просят его: «Константин Федорович, возьми нас к себе, уж у вас всякому уму научишься...». Гоголь очень хотел найти нечто положительное, чтобы стало положительным на-

чалом на фоне вот этого самого «несовершенства нашей жизни», а выходило все то, чего не было. Уже это первое отступление от жизненной правды вызывало неодобрение даже друзей.

В душе Гоголя происходил мучительный процесс. Его ужасала та правда жизни, которую он сам с такой силой изобразил в первом томе. Он думал, искал, сомневался, сам себя пытался опровергнуть, снова писал, зачеркивал, сжигал и снова писал.

Он пытается выразить свои взгляды через философские рассуждения, через нравоучительные картинки и советы – так появляются эти злополучные «Выбранные места из переписки с друзьями». Но то, что писал здесь Гоголь, никак не могло удовлетворить ни одно из общественных движений – ни «правых», ни «левых». Писатель и сам это понимал: «Восточные, западные, нейтральные – все ополчились, это правда, я имел в виду маленький щелчок каждому из них». Но щелчок оказался громким. Первым ополчился «Неистовый Виссарион» своей разгромной статьей, а потом ставшим знаменитым личным «Письмом к Гоголю».

Гнев критика имел основания. Белинский перечисляет самые острые и злободневные общественные проблемы. Он упрекает Гоголя в том, что тот не хочет существующую действительность обличать, а как бы соглашается с порядком вещей, даже с самодержавием и крепостничеством. Белинского обидели и рассердили ироничные отзывы Гоголя о «недоучившихся студентах» – либеральной молодежи, которые Белинский принял и на свой счет. Конечно, много в книге было субъективного, спорного, незрелого. Гоголь предлагал свои «меры и способы» воздействия на действительность, явно несбыточные. Но немало того, о чем поведал писатель – о помощи бедным, о религии, необходимой людям, о том, что «нужно любить Россию», и многом другом, говорит об искренности Гоголя и содержит немало справедливого и полезного. С ним можно было о чем-то спорить, но называть его «проповедником кнута, апостолом невежества» было несправедливо. Объяснить нападки можно лишь обострением идеологической борьбы.

Как и Пушкин, Гоголь – великий русский писатель. Одна из небольших африканских стран объявила А. С. Пушкина своим национальным поэтом...

Пушкина хватит на всех. Но на всех хватит и Гоголя. И пусть наши братья считают его своим национальным писателем. Но вряд ли нужно переводить его творчество на украинский язык, при этом отвергая всемирно известные подлинники на русском!

³ Гоголь, Н. В. Избр. соч.: В 2-х т. / Н. В. Гоголь. – Т. II. – М.: Худ. лит-ра, 1984. – С. 370.

Глаголы как средство организации временного пространства текста (на материале произведений Н. В. Гоголя)

Центральная роль глагола в синтаксисе — общепризнанный факт.

Глагол позволяет видеть окружающий мир как в движении, так и в статике. Посредством видо-временных форм, сложной семантической структуры глагол создает временное пространство предложения и текста. Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм (В. В. Виноградов). Глагол как самая сложная и самая емкая грамматическая категория рассматривался в лингвистической литературе в различных аспектах — в лексикографическом (А. Н. Тихонов), в семантико-грамматическом (В. В. Виноградов, Ю. Д. Апресян, В. В. Богданов, Л. М. Васильев), в синтаксическом (И. П. Распопов, Ш. Балли и др.). В последние десятилетия XX столетия лингвистика текста обратила внимание на текстовые функции частей речи и в том числе текстовые функции глагола (Э. Беневист, Н. С. Поспелов, Г. А. Золотова, М. А. Шелякин).

Глагол разнообразен по семантике и функциям в тексте. Глаголы классифицируются как полнозначенательные и неполнозначенательные, акциональные и неакциональные. Акциональные глаголы обозначают физические или ментальные активные действия лица и составляют центр глагольного поля. В произведениях Н. В. Гоголя можно выделить следующие группы глаголов по характеру действия:

1) Речемышлительные глаголы.

— Так ты *думаешь*, земляк, что плохо пойдет наша пшеница? — *говорил* человек, с вида похожий на заезжего мещанина...

— Да *думать* нечего тут; я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве... если мы продадим хоть одну мерку.

— Кого ты, земляк, *морочишь*? Привозу ведь, кроме нашего, нет вовсе, — *возразил* человек в пестрядевых шароварах.

«Да, говорите себе, что хотите, — думал про себя отец нашей красавицы...»

2) Глаголы эмоционального действия.

— Два месяца только в стороне родной, и уже *соскучилась*! Может, и я надоел тебе?

— О, ты мне не *надоел*, — молвила она, усмехнувшись. — Я тебя *люблю*, чернобровый казак!

3) Глаголы социативного действия.

- Девушки подняли крик, *перемешались*.
- *Обнимемся*, сынку!
- Не час, не другой *бьются* ляхи и казаки.

4) Глаголы конкретного физического действия.

♦ На двор *выкатили* бочку меду и немало *поставили* ведер греческого вина.

♦ Тут *снял* он с себя пояс, *бросил* вниз саблю, чтоб не *звенела*, и, ухватясь за ветви, *поднялся* вверх.

5) Глаголы движения.

♦ Колдун *стал прохаживаться* вокруг стола, знаки стали быстрее перемещаться на стене, а нетопыри *залетали* сильнее вниз и вверх, взад и вперед.

♦ По каменным ступеням *спустился* он... Тихо *вошел* он, не скрипнувши дверью...

В неакциональных глаголах ослабевает семантика активного действия.

Неакциональные глаголы у Н. В. Гоголя выражают разного рода отношения между предметами:

1) Локализирующее значение:

• Как вкопанный *стоял* кузнец на одном месте.

• *Сидит* пан Данило за столом в своей светлице, подперевшись локтем, и думает.

2) Экзистенциональное значение:

— Мать кузнеца Вакулы *имела* от роду не больше сорока лет.

— За Фомою Григорьевичем *водилась* особенного рода странность: он до смерти не любил пересказывать одно и то же.

3) Партитивное значение — значение классификации или части и целого:

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он *составляет* все.

4) Значение принадлежности:

Они никогда *не имели* детей, и оттого вся привязанность их сосредоточилась на них же самих.

5) Значение состояния:

♦ *Шумит, гремит* конец Киева: есаул Горобець празднует свадьбу своего сына.

♦ Последний день перед рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь *наступила*. *Глянули* звезды. Месяц величаво *поднялся* на небо посветить добрым людям и всему миру.

Некоторые глаголы утрачивают части грамматических свойств и приобретают значение связочных. Связки в русском языке, по словам В. В. Виноградова, представляют собой гибридный тип слов, совмещающих функции глагола

и связки. Связочные глаголы в произведениях Н. В. Гоголя весьма продуктивны и имеют следующие значения:

1) Модальные глаголы, выражающие оценку предикативного признака как возможного, желательного, необходимого:

- ...он всех знает и потому больше, нежели всякий другой, *может* встретить в толпе приятелей, *может* через них разведать, *может* заглянуть во все кафе и остерии, может заговорить даже, не возбудив ни в ком подозрения своей фигурой.

- Отворотился хоть бы в сторону, когда *хочешь* чихнуть! – проговорил дед, протирая глаза.

2) Фазисные глаголы, обозначающие стадии в развитии процесса:

– Тут глаза его *начали* смыкаться так, что принужден он был ежеминутно протирать кулаком...

– Нет, полно, пора *перестать* дурачиться.

3) Глаголы-компенсаторы, выступающие как средства косвенной номинации действия:

- ♦ ... кузнец шел и ничего не видал и не *участвовал* в тех веселостях, которые когда-то любил более всех.

- ♦ Но все пошло иначе: черт только что *представил* свое требование, как вдруг послышался голос дюжего головы.

Действия, свойства, названные глаголами различных семантических групп, могут быть наблюдаемыми и ненаблюдаемыми, могут выражать результат наблюдения и знания.

Значения глаголов реализуются в текстах различного типа. В зависимости от коммуникативного намерения автора – сообщить свое наблюдение или знание, выразить свое отношение к происходящему, воздействовать на собеседника – отбираются глаголы, отличающиеся по лексико-грамматическим свойствам.

В любом тексте обнаруживается позиция говорящего в пространстве и во времени. Время является организующим фактором, который соединяет текст с читателем, автором, героем. Основным языковым средством организации временного пространства текста является глагол. Глаголы, сообщающие о качествах, свойствах лица или предмета, о признаках или явлениях природы, формируют репродуктивный (изобразительный) регистр в двух разновидностях – изобразительно-описательной и изобразительно-повествовательной.

Автор помещает «наблюдательный пункт» в той же временной плоскости, в которой происходит действие. Для создания текста изобразительно-описательного характера Н. В. Гоголь обращается к следующим глагольным формам:

1) Глаголы несовершенного вида настоящего времени, характеризующие предметы и явления лица и субъекты действия:

- Все как будто умерло; вверху только, в не-

бесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела *отдается* в степи.

- Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать детей, входит он потихоньку в хату; *смотрит*: дети *пялятся* к нему задом и в испуге *указывают* ему пальцами...

Здесь настоящее актуальное время обозначает действия, происходящие как бы на глазах у говорящего.

2) Глаголы несовершенного вида прошедшего времени, фиксирующие действия и состояния в статике:

- На ту пору была там ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах *рябело*. Но так как было рано, то все еще *дремало*, протянувшись на земле. Возле коровы лежал гуляка парубок с покрасневшим, как снегирь, носом; подале *храпела*, сидя, перекупка с кремнями, синькою, дробью и бубликами; под телегою *лежал* цыган; на возу с рыбой – чумаки; на самой дороге раскинул ноги бородач москаль...

3) Глаголы совершенного вида прошедшего времени, иллюстрирующие переход от действия к состоянию или изменение состояния:

- ✓ Мороз *увеличился*, и вверху так *сделалось* холодно, что черт перепрыгивал с одного копытца на другое...

Глаголы, воспроизводя динамические состояния и действия, организуют текстовое время изобразительно-повествовательного регистра. В тексте глаголы активного действия повествуют о событиях, сменяющихся во времени, способствуют развитию, движению сюжета. В изобразительно-повествовательных отрезках текста Н. В. Гоголя употребляются следующие глагольные формы:

1) Глаголы несовершенного вида прошедшего времени, которые обозначают протяженные во времени действия:

– *Воевал* король Степан с турчином. Уже три недели воюет он с турчином, а все не может выгнать.

– *Ехали* с небольшим две недели.

2) Глаголы совершенного вида, обозначающие действия, последовательно сменяющие друг друга:

- ♦ Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-что *закушивал*. В половине десятого сядились ужинать. После ужина тотчас *отправлялись* опять *спать*, и всеобщая тишина *водворялась* в этом деятельном и вместе спокойном уголке.

- ♦ Они вышли в сени. Сотник *отворил* дверь в другую светлицу, бывшую насупротив первой. Философ *остановился* на минуту в сенях *высморгаться* и с каким-то безотчетным страхом *переступил* через порог.

В художественных текстах Н. В. Гоголя используются также фрагменты информативного,

волюнтивного и реактивного регистров. Фрагменты текста репродуктивного и информативно-го характера в основном встречаются в монологическом типе речи. В информативном регистре автор использует глаголы, которые сообщают о знаниях, накопленных в результате предыдущего опыта, о знаниях, уже имеющихся. Время в информативном регистре – внесюжетное, так как автор не является непосредственным наблюдателем в точке отчета «здесь и сейчас». Поэтому в информативных текстах используются глаголы настоящего расширенного времени, а также глаголы со значением расширенного имперфектного времени и формы прошедшего совершенного и несовершенного времени, абстрагированные от конкретных моментов речи. Для информативных художественных текстов Н. В. Гоголя характерно в основном использование глаголов:

1) Прошедшего времени несовершенного вида:

∇ Этот пузатый Пацюк *был* точно когда-то запорожцем; но выгнали ли его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он *жил* в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не *работал*, *спал* три четверти дня, ел за шестерых косарей и *выпивал* за одним разом почти по целому ведру!..

2) Прошедшего времени совершенного вида:

♦ Сегодня великий инквизитор *пришел* в мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, *спрятался* под стул... Однако ж он *увидел* меня и *выгнал* палкою из-под стула.

Формы прошедшего времени глаголов в текстах Н. В. Гоголя информируют о фактах про-

шедшего, которое абстрагировано от конкретных отрезков сюжетного времени текста.

Глаголы в повестях Н. В. Гоголя также формируют временное пространство в волюнтивном и реактивном регистрах. Фрагменты волюнтивного и реактивного характера наблюдаются в основном в диалогической речи. В волюнтивном регистре используются глаголы повелительного наклонения, которые создают значение вневременности, значение, не соотносящееся ни с моментом речи, ни со временем текста:

♦ Матушка, *спаси* своего бедного сына! *урони* слезинку на его больную головушку! *посмотри*, как мучат они его! *прижми* по груди своей бедного сиротку!

Одна и та же морфологическая форма глагола по-разному воспринимается в различных коммуникативных регистрах: единично, конкретно наблюдаемое действие – в репродуктивном регистре; протяженное или многократное действие – в информативном; вневременное действие – в волюнтивном или реактивном регистрах. Актуальное время обычно дается в репродуктивном регистре, узуальное – в информативном. Регистровые функции глагола и временное пространство текста зависят от контекста, способа восприятия, коммуникативных намерений автора. Актуальные временные отрезки формируют развивающуюся сюжетную линию. Время узуальное иллюстрирует фоновые знания. Глаголы актуального времени воплощаются в зрительные образы, а глаголы узуального времени передают информацию, изображенную «за кадром». Глаголы помогают автору создать в произведении единое временное пространство, организуя определенные типы текста.

Нарежный и Гоголь

Романы Нарежного – явление примечательное в русской литературе первой трети XIX века. В рецензиях того времени восторженные отзывы соединяются с упреками. Автора хвалили за создание живых картин жизни и ругали за отсутствие вкуса. Творчески он был тесно связан с прозой XVIII века. Однако если его предшественники были еще далеки от естественности в изображении и слоге, то Нарежный всеми силами старался приблизиться к действительности. В этом несомненна его близость к Н. В. Гоголю.

В 1842 году в одной из работ В. Г. Белинский заметил: «Литературное поколение до Карамзина было торжественное... следовавшее затем поколение было чувствительное... нравственность при всем этом не забывалась и шла своим путем... в литературу начал проникать элемент исторический и сатирический, в котором выразилось стремление общества к самосознанию. Пользуясь этим направлением времени, некоторые ловкие литературщики с успехом пустили в ход разные нравоописательные, нравственно-сатирические и исправительно-исторические романы и повести, которые будто бы изображали Русь, но в которых русского было – одни собственные имена разных Совестьдралов и резонеров. Но тут были и достойные уважения исключения, из которых самое яркое – романы и повести талантливого, но не развившегося Нарежного. В Гоголе это направление нашло себе вполне достойного и могучего представителя»¹.

Создание романа «Аристион, или Перевоспитание» в 1822 году – важная часть творческой биографии Нарежного. Незаурядность творческого дарования проявилась в самом выборе предмета изображения, в стремлении к обновлению жанровой формы, в проявлении индивидуализации. Автор использует традиционную для просветительского романа воспитания форму путешествия, позволяющую показать эволюцию и духовное просветление героя, становящегося свидетелем и участником событий рубежа XVIII–XIX веков.

Посещение поместий и встречи с их хозяевами способствуют возмужанию Аристиона. Автор сознательно ограничивает себя установкой на морально-нравственное дидактическое повествование. Событийность здесь не выдвигается

на первый план, уступив место внутреннему действию. Охват социальных явлений сконцентрирован только на проблеме воспитания души, показано формирование морального облика молодого человека. Кратко сообщаются основные и типические моменты жизненного пути главного героя произведения. Это рождение, детство, первые формы образования, устройство жизненной судьбы. Герой пытается осмыслить свое место в мире, уяснить и реализовать свою ценностную ориентацию. Большую роль играет авторитет родителей, их влияние на героя.

Главным героем романа является юноша из известной дворянской семьи, рано оторванный от родительского дома, утративший связь, потерявший нравственную основу. В соответствии с просветительским реализмом характер поставлен в экспериментальные обстоятельства, помогающие автору реализовать поставленную задачу: показан процесс «перевоспитания» в бывшем родительском поместье развращенного модным воспитанием света молодого человека. Скудную схему романа воспитания разнообразит элемент занимательности, связанный с «обретением» якобы умерших родителей. Мистификация придает сюжету авантюристичность. Активно используются диалог с читателем, расширение круга действующих лиц, авторские объяснения сюжетных движений: «Да не осудит кто-либо, что Аристион так скоро и охотно принял намерение неизвестного ему человека почитать вместо отца своего. Ах! К счастью и отец его не более был ему известен. Он любил его за благодеяния, от него получаемые, с потерей его, он потерял все, а с тем вместе и воспоминание о нем приносило одно горестное чувство. Ныне другой незнакомец обещается быть его благодетелем, как же не прилепиться к нему, сколько бы строгого послушания он не потребовал»².

Автор показывает внешние и внутренние изменения героя. Герой проверяется «ежедневной жизнью». Оставшись без денег, он возвращается в родное поместье, которое в руках Горгония. Сначала граф Кассиан ведет с ним длинные нравоучительные беседы, затем из города приезжают «ученые мужы» для обучения философии, истории и другим наукам. В распоряжении Аристиона превосходная библиотека.

¹ Сочинения Белинского: В 12 т. – СПб., 1859–1862. – Т. 6. – С. 288–289.

² Нарежный, В. Т. Аристион, или Перевоспитание: В 2 ч. / В. Т. Нарежный. – СПб., 1822. – Ч. 1. – С. 87. (Далее цитирование по указанному источнику. В круглых скобках – часть и страница.)

Жизненный путь героя разделен на две половины: до поместья Горгония и после приезда туда. Имя хозяина поместья, который организует «перевоспитание», является, как это принято у просветителей, «говорящим» или «значащим». В славянских апокрифах встречается упоминание о «звере Горгонии» (своеобразная трансформация античного образа горгоны Медузы), который охраняет рай от людей после грехопадения³. Место действия, таким образом, выбрано не случайно. Аристион сначала получает теоретическое представление о нравственной жизни в замкнутом пространстве поместья Горгония, а затем с помощью Кассиана познает окружающий внешний мир.

Идеи Ж.-Ж. Руссо и его сентиментальные романы рассматриваются нами как ближайший источник «Аристиона». Герой способен возродиться к нравственной жизни лишь вдали от цивилизации, на лоне природы, в кругу нравственно совершенных людей. Чистоте чувств и любви герой учится, держа в руках «Новую Элоизу». Описание встреч героя во время путешествия, бытовые зарисовки соседствуют с самоанализом Аристиона, фиксацией его внутренних переживаний и эмоций. Одной из своих задач романист считает изобразить по примеру Руссо жизнь «чувствительного сердца». В романе немало эпизодов, выявляющих сложные душевные трансформации героя. Усиление психологизации романного повествования особенно проявляется в сценах встреч Аристиона и Людмилы. Герой, находящийся во власти желаний, тем не менее трезво оценивает «свое неимущество». Морально-дидактическая установка автора, согласно которой порок должен быть наказан, а добродетель вознаграждена, приводит в столкновение со сферой эмоциональной жизни сердца, что приводит к размыванию четкости моральных критериев, ослаблению функциональности категорий добродетели и порока в этической оценке поступков героя. Мы видим, таким образом, соединение двух традиций романа XVIII века: просветительской и сентиментальной. С одной стороны, герой твердо движется от заблуждения к истине. С другой – он не лишен «чувствительности». Его переживания отличает высокая степень эмоциональности.

В первой главе характер героя четко определен: «Он был молод, строен, крепок, богат. О нем говорили, что он храбр до дерзости, вспыльчив до крайности, ветрен до дурачества, щедр до расточительности, самолюбив до надменности, но вместе с тем прямодушен, откровенен, чувствителен к красоте и чести» (I, 1). Единственное изменение, которое зафиксировано в романе, – его кризис и перерождение.

Идея жизни героя в данном произведении основана на категории счастья – несчастья. Несколько раз меняется судьба Аристиона. Начало его жизни типично для дворянской среды, где с первых шагов начинали готовить к светской жизни. Став военным и проявив свой характер, он испытывается автором. Нравственное падение героя сначала объясняется скукой: «Он скоро почувствовал в сердце пустоту, в душе утомление, и рассеяние представилось ему необходимым» (I, 7). Затем – любовью к актрисе Фионе. Автор остроумно использует игру слов: несчастья героя начались после «счастливого знакомства» с ней. Следующее испытание – отсутствие денег. Запутавшись в долгах, он вынужден действовать по советам своего слуги, который помогает ему тайно бежать из столицы: «Он едва не лишился чувств; дрожа во всем теле, опустился в кресла, уставя мутные глаза на приближавшегося Макара. Тяжелая гора легла на сердце его, кровь в жилах то кипела, то леденела; он едва дышал, и холодный пот струился по лицу отчаянного» (I, 46). Помочь ему может только социальная изоляция.

Использование традиционного для просветительской прозы мотива дружбы – основа перевоспитания героя. Он подружился с Кассианом, который играет роль наставника, страдает во время его отъезда. Полюбив Людмилу, он преображается духовно. Любовь толкает его на приключения. Герой способен принимать решения, проявлять характер. Таким образом, поведение Аристиона определено в значительной степени ощущениями.

Указание на возраст героя (25–26 лет) позволяет соотнести события его жизни с реальным временем, намеченным контурно. Читатель воспринимает описание жизни героя через целое и частное. Для утверждения нового типа повествования автору необходимо показать героя как через положительные (дань героизации), так и через отрицательные качества.

Личность проявляет себя в отношениях с миром, обществом, средой. Одной из важнейших черт романа Нарезного следует назвать пристальное внимание автора к окружающей героя микросреде, влияние которой он чувствует и соответственно реагирует. Нарезный интуитивно почувствовал этот важный признак романа нового типа. Без воссоздания среды и микросреды романисту трудно показать внутренний мир личности. Изменения в герое начинаются с бесед в библиотеке, а углубляются благодаря любви к Людмиле и «путешествию» по окрестным поместьям (подобный прием позже будет использован Н. В. Гоголем в «Мертвых душах»).

³ Мифологический словарь. – М., 1991. – С. 159.

Путешествие, совершаемое Аристионом, отличается от путешествия героев авантюрных романов, где многое было отдано во власть случая. Романисты XVIII века, починяясь духу своего рационалистического времени, стремились преодолеть господство окказиональной стихии и четко детерминировали описываемые события. В организации системы образов видим соответствие этому: каждый из помещиков позволяет Аристиону сделать существенное наблюдение над человеческой природой, «дурными привычками» людей. Например, после встречи с Тарахом следует вывод: «пороки лишают нас свободы действовать своими телесными органами», бедность крестьян Тараха вызывает чувство сострадания и желание помочь, сожаление о деньгах, которые он промотал в столице. Мудрый Горгоний говорит: «Надо не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать, тогда все виденное и слышанное оставит надолго и даже навсегда такие впечатления, какие некогда родит и хорошая проповедь» (II, 18). Каждая из встреч является необходимым звеном идеи перевоспитания.

На рубеже XVIII–XIX веков автор осознается не как созерцатель идей, «подражатель» природы, а как выразитель определенного круга чувств и мыслей. Важна роль автора произведения в подборе материала для утверждения важной общественной идеи. Проблема субъективной направленности художественного произведения, «тезис о первенствующей роли *идеи, мысли* в произведении искусства»⁴ находят свое место в рационалистической эстетике Просвещения. Автор рассматривается как выразитель определенной точки зрения, четко выражающий свою позицию. Концепция автора включает в себя направленную интерпретацию и оценку выделенных им жизненных явлений, воплощение в произведении взгляда на мир в его целостности.

В «Учебной книге словесности...», над которой Гоголь работал в 40-е годы, читаем: «Все лица, долженствующие действовать или, лучше, между которыми должно завязаться дело, должны быть взяты заранее автором; судьбою всякого из них озабочен автор и не может их пронести и передвигать быстро и во множестве, в виде пролетающих мимо явлений. Всяк приход лица, в начале, по-видимому, незначительный, уже возвещает о его участии потом. Все, что ни является, является потому только, что связано слишком с судьбой самого героя»⁵. В этом рассуждении мы видим, с одной стороны, указание на влия-

ние «пролетающих мимо явлений», то есть обозначена проблема случая, с другой, указана другая проблема – определенности и конкретности. Дальнейшее развитие романа в конце XVIII–XIX веке привело к диалектическому отказу от всеохватывающей детерминированности и вновь ввело случай, но уже на новых условиях.

Эпизоды посещения главным героем соседей-помещиков содержательно значимы и соответствуют общей идее произведения. Яркими и сочными мазками создает Нарежный запоминающиеся образы-портреты невежественных и праздных помещиков, предвещающие таких известных героев поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», как Ноздрева, Плюшкина и других. Это пан Сильвестр, страстный охотник, пустивший свое хозяйство по ветру, скупец пан Тарах, игрок и кутила пан Парамон и другие. На близость писателей в создании самобытных типов помещиков одной из первых указала Н. А. Белозерская: «Перед читателем, как и в “Мертвых душах” Гоголя, хотя еще в грубом необработанном виде, выступают самобытные типы или, вернее, смело очерченные наброски типов тогдашних помещиков, с их семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками...»⁶.

При анализе образов помещиков, созданных Нарежным, необходимо учитывать требования к созданию характера в эстетике классицизма. Доминанта классицистического характера позволяла дать четко и ясно моральные оценки, исключала всякие противоречия внутри героев. В описаниях гоголевских героев статичность преодолена. Но это не значит, что его герои ясны с самого начала. Они постепенно раскрываются, обнаруживая свои неожиданные качества. Особое место в галерее гоголевских персонажей занимает Плюшкин. У него есть своя история и биография, яркие детали в портрете. Тема омертвления человека, связывающая воедино все нити поэмы, в Плюшкине переводится во временную перспективу. «Прореха на человечестве» – не итог, а результат всей его жизни. А. Галахов справедливо заметил, что пан Тарах представляет «фамильное сходство с Гарпогоном великорусским, художественно изображенным в лице Плюшкина»⁷.

У Нарежного характеры помещиков подчинены основной идее произведения, наделены яркими, запоминающимися чертами. Каждый персонаж имеет уже сложившийся характер, свое устойчивое «ядро». Заметим, что в галерее персонажей романа пан Тарах занимает особое

⁴ Руднева, Е. Г. Пафос художественного произведения / Е. Г. Руднева. – М., 1977. – С. 55.

⁵ Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: В 8 т. / Н. В. Гоголь. – М., 1984. – Т. 7. – С. 407–408.

⁶ Белозерская, Н. Василий Трофимович Нарежный. Историко-литературный очерк: В 2-х ч. / Н. Белозерская. – СПб., 1896. – Ч. II. – С. 106.

⁷ Галахов, А. История русской словесности / А. Галахов. – СПб., 1868. – Т. II. – С. 183.

место. Он характеризуется несколькими персонажами, что придает образу многогранность и сложность. Внешняя противоречивость суждений («примерный муж в скромности и хозяйстве», «скарעד», «несчастный человек», «гнусный скряга», «у него и годовая корка хранится под замком») объясняется желанием автора быть беспристрастным и разобраться в природе человека, дать его объективное изображение. Аристион слышит злые реплики крестьян, недовольных своим хозяином, знакомится сам с героем, затем видит примеры «бережливости». Дополняет оценочные суждения героя и окружающих описанием «челядинцев» Тараха, которые «состоят из парней, у коих, кроме лохмотьев на теле и отваги в душе ничего не осталось, и девок такого же покроя». В характеристике героя автор использует формулы обобщения, подчеркивая типичность созданного характера: «Если бы можно было из десяти скряг слепить одного, то вышел бы пан Тарах». Или: «Благодарю тебя, господи, что не все – паны Тарахи». В комических сценах, как и в прежних романах, активно используется гротеск. Гротескность образа Тараха усилена рассказом об одном случае из жизни героя, когда он объелся яичницей. Это единственный персонаж, данный во времени. Автор замечает, что пан Тарах был некогда только бережливым хозяином, «но достоинство это простер до того, что сделался гнусным скрягою» (II, 30).

Антипод Тараха – весельчак пан Парамон. Он осуждает соседей за скупость и праздность, предается веселью. Автор в характеристике Парамона подчеркивает его общественное положение, развращающее влияние на окружающих: «Тунеядец, развратник, губящий себя, свое семейство, всех окружающих и готовящий себе проклятие от всех, коих благосостояние вверено его власти» (II, 61). Парамон напоминает гоголевского Петуха. Деревня его превратилась в развалины, «самый дом помещичий близок к разрушению, дубовый лес вырублен, дети его крестьян бегают полуголыми и нищенствуют».

Пан Сильвестр показан человеком, который не умеет управлять крестьянами, ведет праздный образ жизни, все время проводит на охоте. «Хозяйствовать» для него – бить крестьян плеткой. Это прообраз Ноздрева. Подобен Сильвестру и его сын – «лентяй, грубиян, охотник таскаться по лесам и болотам и теперь двадцати двух лет не знает грамоты».

Дидактизм романа воспитания обязывает автора дать положительного героя в лице пана Германа, находящего счастье в «трудолюбивой, умеренной жизни». Это закреплено «значащим»

именем героя: в южнославянской мифологии так называли персонажа, воплощающего плодородие⁸. Для Нарежного важно подчеркнуть, что Герман испытал нужду, а она «есть превосходный учитель правилам житейским» (II, 80).

Еще до Гоголя, который в «Мертвых душах» портрет и характеристику каждого помещика начинает с описания его деревни, жилища, комнат, мебели, картин, развешанных по стенам, Нарежный в анализируемом романе использует описание вещей для полноты обрисовки типических фигур.

Для романиста важна бытовая обстановка, способствующая созданию образов. Воссоздавая материальное окружение героя, мир вещей, он раскрывает особенности характера героя. Так, например, в первом изображении Тараха дается следующее описание: «Бледный, иссохший, с тусклыми взорами старик сидел на скамеечке у непокрытого испачканного стола. Перед ним стояла миса яшной кашицы, в которую он наливал по каплям льняное масло. Подле него сидела такая же старуха и считала капли» (II, 21). Автор неоднократно будет подчеркивать, что герой носит маску несчастного человека. В сцене приезда доктора, напоминающего о необходимости уплатить за визит, автор указывает: Тарах «вскричал голосом здорового рассерженного дворянина» (II, 24) и т. п.

Характеристика помещиков дополнена описанием господского дома и крестьянских изб. Однотипное построение описания позволяет выделить идею порочности или добродетельности героев: положительные герои живут благополучно, отрицательные – убого. Идея разрушения или созидания определяет характеристику героя:

Описание дома Парамона	Описание дома Германа
«По правую руку увидели развалины довольно обширной деревни, а по левую – господский дом, также довольно обширный и также близкий к разрушению » (выделено мною. – Л. Р.).	«Подшли к хутору, который состоял из небольшого, но красивого господского дома и двух крестьянских хат. Хутор расположен был на холме, по покатости коего зеленел сад , покрытый цветом. В подножии холма протекал широкий ручей. Прочный мост соединял поле с помещьем» (выделено мною. – Л. Р.) (II, 64).

⁸ Мифологический словарь. – М., 1991. – С. 151.

Использование этого приема принципиально важно для авторской позиции. Это сформулировал Кассиан: «Наружность двора, дома, сада, слуг и служанок достаточно дают нам знать о свойстве хозяина» (II, 85). Поэтому слуги Тараха, Парамона, Сильверста всегда «босые», «в лохмотьях», а слуги Зинаиды – «опрятно одеты», их платья «простого фасона».

Можно выделить особо мотив сада, повторяющийся неоднократно в описаниях. Сад понимается автором как возделанная и украшенная человеком природа, то есть имеет характеризующее значение. С другой стороны, сад в традициях классической или классицистической литературы символизирует мир в целом. «Сад, – заметил Д. С. Лихачев, – всегда выражает некую философию, представление о мире, отношение человека к природе, это микромир в его идеальном выражении»⁹. Заметим, сад – не только характеризующая деталь, но и место действия. По саду водит Кассиан Аристиона в момент знакомства, в саду встречаются молодые герои, за садом ухаживает Людмила. Таким образом, использование предложенной формы описания В. Т. Нарезным – свидетельство его мастерства. В произведениях Н. В. Гоголя также немало замечательных описаний, в которых используется образ сада.

В. Т. Нарезный активно использует такие виды описания, как *портрет, пейзаж, интерьер*. Категория «описание» имеет богатую историю изучения и использования. Приведем лишь одно определение. В «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова читаем: «*Descriptio* – *описание* есть несовершенное и неточное *определение*, *definitio*. Оно показывает некоторые свойства предмета и обстоятельства вещи, достаточные для получения о ней понятия и отличения от других вещей, не разбирая, однако ж состава ее и самой сущности»¹⁰. При изображении предмета автор сосредоточивает свое внимание на его внешнем виде и внутренних качествах. Подвидом описания Н. Остолопов считал *характеристики* – изображение душевных переживаний, нравственных состояний. В сатирических целях Нарезный использует контрастное портретирование. Колоритны образы «первых в городе ученых» – Ефросина, «маленького и толстого», и Полихрония, «высокого и худого». Гротескность усилена несколькими неожиданными деталями: Ефросин – «Голова его опрокидывалась назад, глаза закатывались под лоб, и нередко брызги, сыпавшиеся из уст его, орошали лежащих перед ним Вольфа, Лейбница, Декарта, Локка, Ньютона. Разбирая свойства душ и духов, он, казалось, их видел, отличал каждый состав их, ошупы-

вал, измерял, весил и ни одна возможная из сих способностей, не оставалась незамеченной, неисследованной»; Полихроний – «был уныл и робок. Губы его бледнели, пальцы невольным образом дрожали, голос его был дребезжащ, прерывист; он казался осужденным грешником, сидящим на эшафоте» (I, 132–133). Контрастное портретирование героев будет использоваться Нарезным в романе «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», как, впрочем, и Гоголем в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Индивидуально-авторский тип художественного сознания Нарезного проявляется в использовании различных приемов комизма, характерных для сатирической прозы XVIII века. Одним из них является прием зоологизации. В XIX веке описание персонажей, построенное на откровенном сближении с животными, будут использовать в жанре «физиологического очерка». Нарезный плодотворно использует эту живописную манеру: «Один как дикий волк рыщет по полям и лесам, а другой как летучая мышь сидит в гнезде своем безвылазно»; «они росли и жили, как дикие звери, имеющие острые зубы и длинные когти и с помощью сих орудий доставляли себе пропитание» (II, 57). В описании персонажей, построенном на откровенном сближении с животными, ощущается не только связь с сатирической литературой XVIII века, но и с жанром «физиологического очерка».

Автор прибегает также к необычному описанию жизни этих людей, с использованием театральных масок. Это отражается в названиях частей – «Сельские картины», «Праздник в будни». Автор в описаниях часто использует сравнения: «Едва они вступили в лесняк, как целая куча полунагих мальчиков и девочек бросилась к ним в образах маленьких Гарпий. Бедняжки протягивали руки, дергали обоих за полы, падали ниц, хватались за ноги и продолжали вопить ужасным образом» (II, 46). Важно, что и сами герои, комментируя увиденное, усиливают театральность и карнавальность. Так, например, Кассиан, друг и наперсник Аристиона, рассказывает о поместье Парамона, используя театральную терминологию: «Началось торжественное шествие по двору. Прочие подняли радостный крик и хохот. Это первое действие будущей комедии значит, что господский сын, играя в городки со своими челядцами, проиграл и в наказание везет на себе выигравшего» (II, 46). В действии несколько картин. Во втором главное действующее лицо – дочь хозяина, которая, проиграв в карты крестьянке, получает по носу. Автор использует деталь для

⁹ Лихачев, Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. – СПб., 1991. – С. 8.

¹⁰ Остолопов, Н. Словарь древней и новой поэзии: В 3 ч. / Н. Остолопов. – СПб., 1821. – Ч. 2. – С. 296.

завершения эффекта сценичности: он упоминает о костюмах и материале, из которого они сшиты. Все герои одеты одинаково, например: хозяин «в халате из той же материи, из какой были шаровары на сыне и юбка на дочери» (II, 49). Название главы – «Дворянские увеселения по деревням» соответствует отношению автора к изображенной картине веселья: «Рука у гудошника худо двигалась, у волынщика сделалась одышка, у цымбалиста пальцы одеревенели, у плясунов и плясуний подгибались ноги» (II, 56). «Люблю жить весело», – заявляет хозяин. Таким образом, отмеченные нами особенности воплощения авторской идеи «перевоспитания», усложнение сюжетно-композиционной организации текста, введение ярких бытовых зарисовок в текст, отказ от формы рассказа от первого лица – все это свидетельствует о поиске адекватной художественной формы для решения поставленных задач.

Живые характеры соседствуют с лицами фантастическими, роман смешался со сказкою, поэзия с риторикой. Однако талант писателя проявился, как мы заметили, в создании ярких, колоритных фигур помещиков. Намеченные типажки будут творчески переосмыслены Н. В. Гоголем через несколько лет.

Нарежный создает свою утопию, проецируя ее на реальную действительность, руссоистский идеал естественного братства изображен здесь как реальная данность, как факт жизни конца XVIII века. При всех отмеченных достоинствах и недостатках роман «Аристион, или Перевоспитание» должен быть оценен как новое явление в жанре романа воспитания. Прав был один из рецензентов, который указывал на более важную проблему, чем погрешности в языке: «Впрочем, недостатки сего романа мало важны, и он мог бы называться хорошим, если бы слог был чище и ровнее. Желаю господину Нарежному успехов **в сем роде словесности, не менее других полезном и занимательном, но который у нас еще очень мало обработан**» (выделено мною. – Л. Р.)¹¹.

В романе «Бурсак» Нарежный отказывается от схематизма описания, показывает духовную эволюцию главного героя, идею судьбы народа в прошлом, настоящем и будущем. Эпическая цельность и твердость характера, свойственные образу, позволяют предположить знакомство Н. В. Гоголя с образом гетмана Никодима, а также другими персонажами романа Нарежного, например, атаманом разбойников Сарвилом. На это обратил внимание исследователь А. Н. Архангельский: «Создавая образ Тараса Бульбы,

Гоголь, вослед “Запорожцу” В. Т. Нарежного, полностью реабилитирует тип воина-запорожца, освобождает его от авантюрно-разбойничьих и демонических черт, которыми этот тип наделен в его ранней прозе»¹².

Продолжение темы гетманства мы находим в поздней повести «Заморский принц» (1823). В образе пана Златницкого, этого кичливого потомка гетманов, Нарежный высмеивает спесивость и высокомерие, свойственные дворянской знати. Когда губернатор делает ему замечание, связанное с опустошением полей крестьян во время охоты, помещик негодует. В своем доме он отводит специальную комнату для портретов своих предков и свою племянницу желает выдать замуж только за принца, в крайнем случае, за князя. Напомним, что в романе «Российский Жилбаз, или Похождения Гаврилы Симоновича Чистякова» уже встречался образ кичливого пана Златницкого, что позволяет говорить об устойчивости интереса автора к созданному типу, стремлении добиться сатирической заостренности черт.

Буйство фантазии, увлечение приключенческим романом, позволяющим соединять необычные встречи и впечатления героя в единое целое, а также знакомство с романтическими повестями и романами, изобилующими событиями, разворачивающимися с фантастической стремительностью, уводят автора подчас от истины, побуждают занимать читателя описанием необыкновенных приключений героев, делают роман во многом неправдоподобным. Его превосходство над многими современниками состоит как в даровании, так и в чисто внешних причинах.

Героями романов предыдущего периода развития русской литературы были чаще всего персонифицированные идеи. Нарежный выписывает людей с присущими им индивидуальными свойствами.

Предшественники Нарежного предпочитали пользоваться языком, который не позволял передать живых картин времени, нравы, характеры. Он, напротив, смело вводил разговорную лексику, речь его героев часто является средством характеристики. Хорошо зная народную речь, он свободно ею пользовался, создавая живые картины жизни, характеры, раздвигая тем самым границы мира. Но он в то же время не сумел или не захотел преодолеть тяжеловесность слога. Для него написание и издание книг было делом жизненного обеспечения. Он торопился, не вычищал, допускал ошибки, за что его справедливо

¹¹ Благонамеренный. – СПб., 1822. – Ч. XIX. – № 39. – С. 506.

¹² Архангельский, А. Н. Тарас Бульба / А. Н. Архангельский // Энциклопедия литературных героев: Русская литература XVII – первой половины XIX века. – М., 1997. – С. 171.

ругали рецензенты. Но еще больше превозносили за самобытность созданных им характеров. Это и позволяет рассматривать Нарезного как предшественника Гоголя.

Универсализм – качество романа нового времени, стремящегося охватить весь мир в его разнообразных проявлениях. Форма романа обладала тем потенциалом, который позволяет создать

всеобъемлющую поэтическую картину мира за счет детализированного описания нравов и протяженности во времени. Это учли и использовали оба писателя, имевшие своих читателей и почитателей. Не всегда полноценное восприятие произведения адекватно его оригинальности и самобытности. Оценка значимости произведения может завершиться через поколения.

Н. В. Гоголь и монашество

Духом схимник сокрушенный...
В. А. Вяземский

Подобно тому как у святых вся жизнь, начиная с зачатия и рождения, подчинена их высокому служению, так и жизнь Николая Гоголя с первого ее момента была устремлена к Богу.

Мать Гоголя, Мария Ивановна (в девичестве Яновская), дала обет перед чудотворным образом святителя Николая, если будет сын, назвать его Николаем, и просила местного священника молиться до тех пор, пока не известят его о рождении ребенка и попросят отслужить благодарственный молебен (1809 год).

Среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником; дед закончил Киевскую духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию.

Понятие о Боге запало в душу Гоголя с раннего детства. В письме к матери в 1833 году он вспоминал: «Я просил вас рассказать мне о Страшном Суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно... рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это зародило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

Подростковый период жизни (1821–1828 годы) Гоголь встретил в Нежинской гимназии, где увлекся поэтическим и театральным творчеством. Быть как все ему казалось наиболее важным, поэтому в этот период он редко посещает храм, проявляет вольнодумство в вопросах веры.

После переезда в Санкт-Петербург (1828 год) Гоголь поступает на службу и активно погружается в литературную деятельность. Однако внешняя занятость не мешает ему задумываться о трезвенной, размеренной жизни. В 1836 году он пишет раздумья о Боге: «Стой, христианин; оглянись на жизнь свою... На улицах пусто. Карет нет. В лице прохожего видно размышление. Я люблю тебя, время думы и молитвы. Свободнее, обдуманнее потекут мои мысли... Великий Пост, какой спокойный, какой уединенный его отрывок!»

В этот период времени Гоголю пришлось осознание ответственности писателя за слово, за все им написанное: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок бога человеку... Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже

лучше раздастся гнилое слово о гнилых предметах...» («Выбранные места из переписки с друзьями»).

«Обуздывающий язык будет жить мирно, и ненавидящий болтливость уменьшит зло...» (Сирах 19.6.).

Если брать направленность раннего творчества Гоголя, то в ней есть одна очень характерная черта – он хотел возвести людей к Богу путем исправления недостатков и пороков, то есть способом «доброго примера». Вторая половина жизни писателя была озаглавлена направленностью его к искоренению недостатков в себе самом; усмирить в себе «внешнего человека» и взрастить «внутреннего». «Говорить и писать о внешних чувствах и движениях человека нельзя по воображению, – говорил Гоголь в «Авторской исповеди», – нужно заключить в себе самом хотя бы небольшую крупицу этого, – словом, нужно сделаться лучшим».

Гоголь много путешествует, долгое время живет в Риме на вилле Зинаиды Волконской. Здесь он серьезно знакомится с католицизмом. Но католиком писатель не стал. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он так пишет о Православии. «...Эта церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей ...она одна снесена с неба для русского народа ...она дает силу России. И эту церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!»

Летом 1840 года, находясь за границей, Гоголь пережил очень серьезную душевную травму, он даже написал духовное завещание, однако затем последовало «чудесное выздоровление», и, по словам Сергея Тимофеевича Аксакова, ему открылся новый путь: «...у него начинается постоянное улучшение в себе духовного человека, достигшего впоследствии такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесною оболочкою человека».

Косвенное отражение духовной жизни Гоголя начала 1840-х годов можно найти в повести «Портрет». В первой его части писатель описывает тернистый путь юного художника Чарткова, которому очень невезло в жизни: нищета, долги, учитель со своими классическими требованиями к искусству, и вдруг судьба дает ему шанс: он находит в старой лавчонке удивительный портрет ростовщика. С этого момента происходит усиление сюжетной линии: несметное богатство в буквальном смысле сваливается на героя в виде

клада, найденного в окладе картины. В этом произведении Гоголь впервые поднимает в литературе вопрос о путях и формах возникновения демонической личности. Он шаг за шагом показывает уникальное падение еще вчера «положительного» человека до «античеловека», которого не могут удовлетворить ни богатство, ни власть, ни блеск дорогих салонов. «Им овладела ужасная зависть; вечная желчь присутствовала на лице его. Казалось, в нем олицетворился тот страшный демон, которого идеально изобразил Пушкин».

Во второй части повести писатель рисует другой образ художника (без имени), который, несмотря на тяготы жизни, сохраняет в себе все прекрасные человеческие качества. Ему так же, как и Чарткову, представился быстрый путь внешнего благоустройства жизни, но он отказывается от него, уходит из мира и становится монахом. Перед ним открывается путь благочестия (теодиция). Вот как описывает Гоголь его внешность: «Я изумился, когда предстал предо мною прекрасный, почти божественный старец! И следов измождения не было заметно на его лице; оно сияло светлостью небесного веселья. Белая как снег борода и тонкие, почти воздушные волосы такого же серебристого цвета рассыпались картинно по груди и по складкам его черной рясы и падали до самого вервия, которым опоясывалась его убогая монашеская одежда».

Очистившись подвижнической жизнью отшельника, он возвращается к творчеству и пишет картину, которая поражает зрителей святостью изображенного. В конце повести монах-художник наставляет своего сына: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызгнуту одним пятном грязи из-под колеса, и уже весь народ обступил его, и указывает на него пальцем и толкует о его неряшестве, тогда, как тот же народ не замечает множества пятен на других проходящих, одетых в будничные одежды. Ибо на будничных одеждах не замечаются пятна».

В феврале 1842 года он признается своему другу Николаю Языкову: «Мне нужно уединение, решительное уединение. Я не рожден для тревожений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха».

Гоголь принимается за чтение книг духовного содержания, изучает творения св. Тихона Задонского, св. Димитрия Ростовского, еп. Иннокентия (Борисова), известного проповедника и духовного писателя журнала «Христианское чтение». В этот период времени он впервые пишет для своих друзей ряд духовно-нравственных наставлений или «правил», которыми они должны были руководствоваться в повседневной жизни.

В январе – феврале 1845 года Гоголь живет в

Париже у графа Александра Петровича Толстого, регулярно посещает все службы в местном храме и изучает чинопоследование Литургии св. Иоанна Златоуста и Литургии св. Василия Великого на греческом языке, пользуясь библиотекой настоятеля русской посольской церкви протоирея отца Димитрия Вершинского, бывшего профессора Петербургской духовной академии. Гоголь работает над книгой о Божественной Литургии, которая увидела свет уже после смерти писателя в 1857 году. По воспоминаниям современников, Гоголь «хотел сделать это сочинение народным единственно ради научения и пользы всех сословий». «Если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримеримою ненавистью между собой то, сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату» («Размышления о Божественной Литургии»). В этот период времени писатель снова возвращается к мысли о принятии монашества.

В июне 1845 года Гоголь посещает город Веймар и гостит у местного священника отца Стефана Сабина, выдающегося богослова, историка, филолога, составителя первого в России библейского лексикона. Он пытается получить благословение для ухода в монастырь, но отец Стефан убедил его не принимать окончательного решения.

Позже, уже находясь в России, Гоголь так описывает это решение: «Нет выше звания, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, как желанную душе моей, о которой уже и помышление мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать. Чтобы приобрести право удалиться от мира, нужно уметь распрощаться с миром. Нет, для вас так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь ваш – Россия!» («Выбранные места из переписки с друзьями»).

В последние десятилетия жизни Гоголя тяга его к монашеству все более возрастает. Не давая монашеских обетов нестяжания, целомудрия и послушания, он был монахом в миру. Гоголь не имел своего дома и жил у друзей. Свою долю имения он отказал в пользу матери и оставался нищим. После смерти Гоголя все его имущество включало в себя несколько десятков рублей серебром, книги и старые вещи. Им был создан фонд «На вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством» с годовым вкладом более двух с половиной тысяч рублей.

Напряженная внутренняя жизнь последних лет жизни писателя не могла не отразиться на его внешнем облике. Анненков, видевший в 1846 году Гоголя в Париже, вспоминал: «Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его поблед-

нело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа».

Итогом кризиса 1845 года стали «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга была враждебно встречена многими мыслящими людьми той эпохи: Тургеневым, Щепкиным и другими.

Распространились слухи, что Гоголь помещался. В который раз подтвердились слова апостола Павла: «Душевный человек не принимает того, что от духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1-е, Кор. 2. 14).

«В миру любят людей, потому что они полезны или приятны, любят для себя» («Святые старцы России»).

В 1848 году Гоголь предпринимает паломническую поездку в Иерусалим. О своем намерении совершить путешествие туда Гоголь публично объявил в предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями», при этом он испросил прощения у всех своих соотечественников – «начиная от святителей» и кончая теми, «которые не веруют вовсе в молитву». В Святом Граде Гоголь, как и все паломники из России, проходит по местам земной жизни Спасителя, говеет и причащается Св. Таин у Гроба Господня, молится за всю Россию.

В письме к Жуковскому в феврале 1850 года он так описывает свое духовное состояние в период поездки: «Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился причаститься о Святых Таин, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно было во мне сгореть и остаться одно небесное».

Зиму 1850–1851 года Гоголь провел в Одессе, где встречался со своим давним другом схимонахом Сергием Святогорцем, насельником Афонского Пантелеимоновского монастыря (Руссика). Знакомство их состоялось через протоирея Матфея Константиновского, духовного отца Гоголя и графа Толстого.

Гоголь и Оптиная пустынь – это наиболее яркое время в жизни писателя. Здесь писатель побывал трижды: в июне 1850 года, в июне и сентябре 1851 года.

Согласно преданию Гоголя, послал в Оптину Иван Киреевский, ставший незадолго до этого духовным чадом отца Макария. Он, как никто другой, понимал значение старчества в жизни православных христиан.

«Среди общей холодности и равнодушия, при совершенном нежелании людей видеть и чувствовать дальше собственного существа многим

живется трудно. Нужен человек, которому можно было бы сносить все, что волнуется в душе, которому бы без утайки можно было открыть все думы и надежды, доверить всякую тайну, чтобы стало легче и счастливее и нужно, чтобы это чувство было разделенное... Нужен в жизни сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище – сердце внимательное» («Святые старцы России»).

В Оптиной Гоголь, по воспоминаниям иноков, присутствовал на всенощном бдении, во время которого «молился весьма усердно и с сердечным умилением, затем посетил старцев».

По возвращении домой Гоголь написал оптинскому иеромонаху Филарету письмо со следующими словами: «Ради самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечастной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо».

Именно в первый свой приезд Гоголь познакомился с выдающимися старцами Оптиной – игуменом Моисеем и иеромонахом Макарием.

Посещение Оптиной произвело на Гоголя глубокое впечатление. Спустя три недели, он написал графу Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптиную Пустынь и навсегда унес о ней воспоминания. Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше. Благодать, видимо, там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное».

Во второй раз Гоголь был в Оптиной пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851 года. Писатель посещает службы, беседует со старцем (отцом Макарием), который благословляет его на написание книги по географии России для юношества. Замысел этой книги возник у Гоголя давно, и именно с ним связаны предполагаемые поездки по монастырям. В набросках официального письма (июль 1850 года), испрашивая материальной помощи у правительства, он изложил свои соображения по этому вопросу так: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом».

Старец Макарий дал на это благословение, но предупредил писателя, чтобы тот ждал препятствий в этом деле: «По желанию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то

и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения». Замысел этой книги остался так и неосуществленным.

В третий и последний раз Гоголь посетил святую обитель в сентябре 1851 года. Двадцать четвертого сентября Гоголь был у старца Макария в скиту. Очевидно, между ними был особый разговор, содержание которого осталось нам неизвестным. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Есть предание, что незадолго до смерти он (Гоголь) говорил своему близкому другу: “Ах, как много я потерял, что не вступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?”»

По возвращении в Москву из Оптиной Гоголь едет в Троице-Сергиеву лавру, там он встречается со своим давним другом архимандритом Феодором. Показательна судьба отца Феодора, она представляет собой как бы перевернутый вариант судьбы Гоголя. Оба они стремились внести христианские начала во все сферы человеческой жизни – личную, семейную, общественную. Но путь их был противоположен. Отец Феодор впоследствии подал прошение о снятии с себя сана и выходе из монастыря для того, чтобы проповедовать христианство в миру: он стал публицистом и литературным критиком. Гоголь, напротив, тянулся к монашеству из мира, который не мог его вполне удовлетворить, и бросил литературу ради спасения души. «Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я все прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал

связи со всем тем, что мило человеку на земле» («Авторская исповедь», 1847 год).

Среди святых отцов наиболее близкими Гоголю по духу были Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Исаак Сирий, Иоанн Лествичник. Известно, что «Лествица» была одной из любимых книг Гоголя. Еще в 1842 году он писал Жуковскому: «Живет в душе моей глубокая неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя стою еще на низайших и первых ее ступенях».

В этом свете вся жизнь Гоголя сопоставимая с монашеским подвигом – мучительная борьба между духовными и художественными устремлениями, сожжение рукописей, попытки ухода в монастырь, отказ от себя и мученическая кончина – предстает как образ духовной лестницы, постоянного восхождения, а произведения его являются видимыми ступенями на этом нелегком пути.

«Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всякий прелазай иначе есть тать и разбойник».

«Не полюбивши России, не полюбите вы своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к богу, а не возгоревшись любовью к богу, не спастись нам».

«Я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогшему духом» («Авторская исповедь»).

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в их деревне приют для бедных девиц и по возможности превратить его в монастырь и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались...».

И. А. Ильин о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя

«Выбранные места из переписки с друзьями» – последняя книга Н. В. Гоголя (1809–1852). Отпечатанная в Петербурге в конце декабря 1846 года, она поступила в продажу в самом начале 1847 года, вызвав большой общественный резонанс (можно сказать, что споры по поводу этой книги продолжаются до сих пор). Восстанавливая события минувших дней, И. А. Ильин пишет: «...книга выходит в свет и – разражается буря. В книге усматривают лишь недостаток либерально-радикального духа, лишь безупречную передачу тогдашнего положения в обществе (с крепостничеством, бюрократизмом, слабым правопорядком и пр.). В самом Гоголе видят политического перебежчика, реакционера, заносчивого *всесудию*, с ним вступают в противоречие. Социалистически радикальный критик Белинский, который до сей поры ценил Гоголя превыше всего и любил его, написал ему резкое, злобное письмо, от которого Гоголь пал окончательно духом...»¹. Голоса поддержки тонут «в хоре мелочного критиканства, придилок ложных и даже оскорблений»².

Среди тех, кто книгу принял, в разное время были П. А. Плетнев, А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, П. А. Вяземский, Л. Н. Толстой, К. В. Мочульский, В. В. Зеньковский и, конечно, И. А. Ильин. Он называет книгу Гоголя «изумительной (по искренности, почвенности и одинокой мужественности) попыткой – найти и указать русской интеллигенции выход и путь»³. (Выход из кризиса *веры*, из «обезбожения»; путь к подлинному духовному лидерству и чести⁴.) И. А. Ильин находит в письмах Гоголя «поистине кладезь выстраданной жизнью мудрости, с конкретно применимой этикой, со здоровыми органически, консервативными политическими воззрениями, с великолепной, тонко выраженной литературной этикой касательно русского языка и изящной словесности»⁵.

Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» состоит из 32-х глав, которые в жанровом отношении представляют собой завещание, письма, фрагменты писем, статьи, архитипически восходящие к проповеди и исповеди. И. А. Ильин в своих сочинениях цитирует по преимуществу десятую и тридцать первую «литературные» главы (десятая – «О лиризме наших поэтов», тридцать первая – «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Десятая глава у Гоголя – это письмо, конкретно – В. А. Жуковскому («Письмо к В. А. Ж.....му»), 31-я, по жанру, – программная статья, построенная на материале русской поэзии от Ломоносова до Лермонтова⁶. Именно на эту статью ссылается И. А. Ильин в одной из своих последних в определенном смысле тоже программных статей «Когда же возродится великая русская поэзия?» (Была опубликована в июне 1954 года в рамках публицистического проекта «Наши задачи» – выпуски 207-й, 208-й из 215-ти.) Учитывая кульминационно-итоговый характер обеих работ, имеет смысл внимательнее присмотреться к тому, *что* из гоголевского текста и *как* актуализирует И. А. Ильин.

Обращает на себя внимание уже сама однотипность названий указанных статей: «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» (у Гоголя), «Когда же возродится великая русская поэзия?» (у Ильина) – оба заголовка сформулированы в виде вопросов, при этом у И. А. Ильина вопросительная интонация закреплена соответствующим знаком. Оба автора, размышляя о русской поэзии, поднимают (и выносят в заглавие) проблемы, принципиально важные для общественного сознания в данный конкретный момент, 1847, 1954 годы, и в самой далекой временной перспективе. Таким образом, намечается масштаб исследований, характеризующий и

¹ Ильин, И. А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 254–255.

² Там же. С. 276.

³ Ильин, И. А. Духовный кризис русской интеллигенции / И. А. Ильин // Справедливость или равенство? Публицистика 1918 – 1947 годов. – М., 2006. – С. 397.

⁴ Хотя для самого Гоголя, по мнению И. А. Ильина, здоровым, творчески-трезвым средством мироощущения вера все-таки не стала. (См.: Ильин, И. А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 254.)

⁵ Ильин, И. А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 275.

⁶ Н. В. Гоголь называет имена Ломоносова, Державина, Петрова, Дмитриева, Хемницера, Богдановича, Капниста, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Дельвига, Козлова, Баратынского, Крылова, Тютчева, Плетнева, Гнедича, Ф. Глинки, Давыдова, Языкова, Вяземского, Фонвизина, Грибоедова, Лермонтова – всего 24 имени.

Гоголя, и Ильина как мыслителей большого размаха и «долгого» исторического дыхания.

Структурно статья И. А. Ильина делится на две части. Определяя в первой части революцию 1917 года как срыв в духовную пропасть⁷, И. А. Ильин полагает, что поначалу в сложившейся ситуации русскому человеку помогали выживать юмор и терпение. Позже, говорит он, наметился возврат к вере и молитве⁸. И вот великая русская поэзия, по мнению И. А. Ильина, возродится тогда, когда «в русской душе запоет ее последняя священная глубина»⁹. Эта глубина уже дана русскому человеку, но еще не воспринята его сердцем полностью и окончательно. А поэзию творит именно сердце... Развивая во второй части заявленный тезис, И. А. Ильин, в частности, пишет:

«Это не означает, что подлинная поэзия не нуждается ни в чем, кроме поющего сердца. Наоборот – она требует всего человека: она вовлекает в жизнь чувства (сердца) – и волю, и мысль, ибо поэзии свойственно желать до воспламенения и мыслить до самой глубины. Но важнейшее и главное есть поющее сердце, и все иные силы и способности должны подчиниться ему и проникнуться его живоносною струей, его пением, его мелодией.

Так было в русской классической поэзии и восемнадцатого и девятнадцатого века. И это было тогда же осознано и выговорено Гоголем (гл. XXXI “Переписки с друзьями”. “В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность”). Он пишет, между прочим: “Огонь излетел вдруг из народа. Огонь этот был восторг”¹⁰ и “восторг этот отразился в нашей поэзии, или лучше – он создал ее”¹¹. Уже Ломоносов творил

как “восторженный юноша”¹²: “всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной”¹³... Державин творил великое только в состоянии “одушевления”¹⁴, “напряженного силою вдохновения”¹⁵... Даже у Капниста проявился “аромат истинно душевного чувства”¹⁶... А вот “благоговейная задумчивость Жуковского”¹⁷ “исполняет все его картины” особого “греющего, теплого света”¹⁸... А Пушкин был сам “точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты”¹⁹...»²⁰

Устанавливая преемственную связь, И. А. Ильин прямо цитирует Гоголя (11 микроцитат только в указанном фрагменте и еще одна неточная цитата – в конце статьи²¹). И. А. Ильин как бы продолжает разговор, начатый сто лет назад, сохраняя подчас даже особенности речевой манеры Гоголя. Так, он охотно (не менее охотно, чем Гоголь) использует синтаксический параллелизм с анафорическим зачином. Например, у Гоголя: «Струи его (самородного ключа русской поэзии. – М. Т.) пробиваются в наших песнях, в которых...», «Струи его пробиваются в пословицах наших, в которых...», «Струи его пробиваются, наконец, в самом слове церковных пастырей...»²². Или: «Еще в ней (в поэзии. – М. Т.) слышней выступают наши народные начала. Еще не бьет всей силой <...>. Еще никто не черпал <...>. Еще доселе загадка <...>. Еще ни в ком не отразилась <...>. Еще тайна для многих <...> и т. д. У Ильина: «...оно (сердце. – М. Т.) будет прозаично, сухо, мертво; оно не создаст поэзии; оно даст только рифмованные строчки»²³... Или: «Мы признаем <...>. Мы увидим <...>. Мы на-

⁷ Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 313.

⁸ Там же. С. 314.

⁹ Там же. С. 317.

¹⁰ См.: Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 213. (Цитаты по указанному изданию уточнены нами: у И. А. Ильина они даны без ссылок на определенное издание.)

¹¹ Там же. С. 214.

¹² Там же. С. 214.

¹³ Там же. С. 215.

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ Там же. С. 220.

¹⁷ Там же. С. 224.

¹⁸ Там же. С. 224.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 318–319.

²¹ См. у И. А. Ильина (о Пушкине): «... “исторгает из всего, как ничтожного, так и великого одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творении Бога – его высшую сторону, знакомую только поэту” (слова Гоголя)». (Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 323.); У Н. В. Гоголя: «...из всего, как ничтожного так и великого, он исторгает одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творенье Бога, – его высшую сторону, знакомую только поэту». (Указ. источник. – С. 227.)

²² Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 212.

²³ Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 318.

учимся ...»²⁴. И снова: «Мы видим в ней <...>. Мы видим сквозь нее ...»²⁵ и т. д. Ильин, как и Гоголь, склонен к долгим периодам, к сложному построению фраз (правда, при всей сложности синтаксических конструкций И. А. Ильин предпочитает прямой порядок слов – Гоголь тяготеет к инверсии, прихотливому «плетению словес»).

На содержательном уровне И. А. Ильин естественно дополняет гоголевский ряд имен (представив его в собственном исследовании именами Ломоносова, Державина, Капниста, Жуковского, Пушкина, Баратынского, Языкова, Лермонтова) тремя десятками новых – из контекста русской поэзии второй половины XIX – первой половины XX века²⁶. Он «присваивает» гоголевскую статью современности, развивая, уточняя основные ее положения. Так, он разделяет мысль Гоголя о том, что поэзию творит восторг, что она – голос чувства, сердца. Но если у Гоголя поэтический восторг на русской почве изначально порождается светом науки, европейского просвещения²⁷ (называя среди источников самобытной русской поэзии народную песню, пословицы и слово церковных пастырей²⁸, Гоголь специально подчеркивает, что светоносного начала не видно ни в одном из них²⁹), то Ильин подлинную поэзию обуславливает исключительно светом веры – всегда. Гоголь только ставит задачу высшего – христианского – воспитания поэта, только в идеале ориентирует поэзию на высшую – христианскую – битву за душу человека³⁰; И. А. Ильин утверждает более чем определенно: «Все русские

великие поэты сосредоточивали свой чувствующий опыт на том, что есть *главное, важнейшее или прямо священное* в жизни мира и человека. Они созерцали *Божье*; и взволнованное, умиленное сердце их начинало петь»³¹.

По Ильину, уже Пушкин совершил акт национального самосознания, «утвердил наше национальное бытие»³²; «Пушкин был *живым средоточием русского духа, его истории, его путей, его проблем, его здоровых сил и его больных узлов*»³³. Пушкин, по Ильину, «*есть чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости*»³⁴. Гоголь утверждает несколько иное. Он пишет: «...поэзия наша не выразила нам нигде русского человека вполне, ни в том *идеале*, в каком он должен быть, ни в той *действительности*, в какой он ныне есть. Она собрала только в кучу бесчисленные оттенки разнообразных качеств наших...»³⁵, чтобы сохранить их до лучших времен. Что касается Пушкина, то, как и В. Г. Белинский³⁶, как впоследствии Ф. М. Достоевский в пушкинской речи (1880)³⁷, Н. В. Гоголь ставит в заслугу поэту его поразительную чуткость, его способность «на все откликаться»³⁸ (не ограничивая этой способности кругом «чужих национальностей», но и не акцентируя русскости Пушкина как таковой – в значении первоосновы его творчества): «И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком – грек, на Кавказе – вольный горец в полном смысле этого слова; с отжившим чело-

²⁴ Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 323.

²⁵ Там же. С. 323.

²⁶ Вторая часть статьи И. А. Ильина «Когда же возродится великая русская поэзия?» (шестая, пятая страницы) содержит 39 имен поэтов. Помимо перечисленных выше, это имена Тредьяковского, Веневитинова, Тютчева, Хомякова, гр. А. К. Толстого, Майкова, Апухтина, Бенедиктова, Некрасова, Фета, Полонского, Плещеева, Надсона, Брюсова, Бальмонта, Белого, Блока, Вяч. Иванова, Гумилева, Кречетова, Ахматовой, Городецкого, Северянина, Маяковского, Володина, Есенина, Ф. Сологуба и др.

²⁷ Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 213, 214 и др.

²⁸ Там же. С. 212.

²⁹ Там же. С. 214.

³⁰ Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 259.

³¹ Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 317.

³² Ильин, И. А. Пророческое призвание Пушкина / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 41.

³³ Там же. С. 42.

³⁴ Там же. С. 45.

³⁵ Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 255.

³⁶ Например, в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинский пишет: «...Конечно, и в тех сочинениях Пушкина, которые представляют чуждые русскому миру картины, без всякого сомнения, есть элементы русские, но кто укажет их? Как доказать, что, например, поэмы: “Моцарт и Сальери”, “Каменный гость”, “Скупой рыцарь” могли быть написаны только русским поэтом и что их не мог бы написать поэт другой нации?» (См.: Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1848 года / В. Г. Белинский // Взгляд на русскую литературу. – М., 1982. – С. 532–533.)

³⁷ Ф. М. Достоевский, в частности, пишет: «Перечтите “Дон-Жуана”, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец» и т. д. (Достоевский, Ф. М. Пушкин (1880) / Ф. М. Достоевский // Искания и размышления. – М., 1983. – С. 397.) Там же: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте человеческого мира такого явления не повторилось». (С. 398.)

³⁸ Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 230.

веком он дышит стариной времени минувшего; заглянет к мужику в избу – он русский весь с головы до ног...»³⁹

И. А. Ильин, отстаивая свою правду, говорит с полной ясностью и определенностью:

«...И подобно тому, как Шекспир в “Юлии цезаре” остается гениальным англичанином; а Гете в “Ифигении” говорит как гениальный германец; и Дон-Жуан Байрона никогда не был испанцем, – так и у гениального Пушкина: и Скупой Рыцарь, и Анджело, и Сальери, и Жуан, и все по имени чужестранное или по обличию “напоминающее” Европу, есть *русское*, национальное, гениально-творческое видение, узренное в просторах общечеловеческой тематики. Ибо гений творит из глубины национального духовного опыта, *творит*, а не заимствует и не подражает. За иноземными именами, костюмами и всяческими “сходствами” парит, цветет, страдает и ликует *национальный дух народа*. И если он, гениальный поэт, перевоплощается во что-нибудь, то не в дух других народов, а лишь в *художественные предметы*, быть может, до него узренные и по-своему воплощенные другими народами, но *общие* всем векам и доступные *всем народам*»⁴⁰. (И. А. Ильин и самого Гоголя называет *субстанциально русским художником*⁴¹.)

И. А. Ильин извлекает из Гоголя и «присваивает» современности концептуально важные для него сокровища духовного опыта, расставляя, усиливая соответствующие акценты, характеризуя самого Гоголя как «настоящего прозорливца»⁴², «остроумнейшего и ответственного

русского мыслителя»⁴³, как художника «значительного в главной идее своего творчества»⁴⁴. И. А. Ильин цитирует «Выбранные места из переписки с друзьями» в статьях «Пророческое призвание Пушкина» (1937)⁴⁵, «Александр Пушкин как человек и характер» (1943)⁴⁶, «Пушкин в жизни. 1799 – 1837»⁴⁷, «Николай Метнер – композитор и провидец (Романтизм и классицизм в современной русской музыке)»⁴⁸, в работе «Сущность и своеобразие русской культуры»⁴⁹, в «Аксиомах религиозного опыта»⁵⁰, в письмах к Е. Е. Климову от 28.4.1951 г.⁵¹, 14.9.1952 г.⁵², 13.3.1953 г.⁵³, 7.6.1953 г.⁵⁴...

Очень важно, что И. А. Ильин рассматривает «Выбранные места из переписки с друзьями» без отрыва от остального творчества Гоголя – ничему их не противопоставляя, никаких границ между этим произведением и другими не проводя. Размышляя о Гоголе, И. А. Ильин устанавливает для себя два обязательных правила (методологических основания): первое – не делить Гоголя «как бы на два образа», один из которых воспринимается «как нечто художественное, сатирическое, прогрессивное (чуть ли не либерально-радикальное)», а другой предстает «как нечто религиозно-мистическое и одновременно политико-реакционное»⁵⁵. До тех пор, пока остается эта «узколобая политиканствующая дихотомия», утверждает И. А. Ильин, «истинного Гоголя не уразуметь вовек»⁵⁶. И второе – ко всему, что сказал, написал и сделал Гоголь, надо относиться *серьезно*⁵⁷, во всем, даже самом анек-

³⁹ Гоголь, Н. В. *Выбранные места из переписки с друзьями* / Н. В. Гоголь. – М., 1990. – С. 231.

⁴⁰ Ильин, И. А. *Пророческое призвание Пушкина* (1937) / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 44–45.

⁴¹ Ильин, И. А. *Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни* / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 240–241.

⁴² Ильин, И. А. *Пушкин в жизни. 1799 – 1837* (1949) / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 87.

⁴³ Ильин, И. А. *Сущность и своеобразие русской культуры* (1942) / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 391.

⁴⁴ Ильин, И. А. *Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни* / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 240.

⁴⁵ Ильин, И. А. *Пророческое призвание Пушкина* (1937) / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 39.

⁴⁶ Ильин, И. А. *Александр Пушкин как человек и характер* / И. А. Ильин // *Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии* (1906 – 1954). – М., 2001. – С. 192.

⁴⁷ Ильин, И. А. *Пушкин в жизни. 1799 – 1837* / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 87.

⁴⁸ Ильин, И. А. *Николай Метнер – композитор и провидец (Романтизм и классицизм в современной русской музыке)* / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 505.

⁴⁹ Ильин, И. А. *Сущность и своеобразие русской культуры* (1942) / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 391–392, 393.

⁵⁰ Ильин, И. А. *Аксиомы религиозного опыта* / И. А. Ильин. – М., 2002. – С. 453.

⁵¹ Ильин, И. А. *Письма. Мемуары* (1939 – 1954) / И. А. Ильин // *Собр. соч.* – М., 1999. – С. 53.

⁵² Там же. С. 55.

⁵³ Там же. С. 58.

⁵⁴ Там же. С. 59.

⁵⁵ Ильин, И. А. *Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни* / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 242.

⁵⁶ Ильин, И. А. *Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни* / И. А. Ильин // *Собр. соч.: в 10 т.* – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 242.

⁵⁷ Там же. С. 243.

дотическом, фантазмагорическом у Гоголя необходимо, по Ильину, различать лирико-мистическую, трагико-мистическую сторону⁵⁸. С этих позиций И. А. Ильин и оценивает «Выбранные места из переписки с друзьями», многими нитями связывая их не только с предыдущим творчеством Гоголя, но и с последующими явлениями русской культуры, полагая, например, что именно из этой книги (и «Современника» Пушкина) вырос Достоевский-публицист – со всеми его целями, идеями, осмысленно-пророческим пафосом⁵⁹. И. А. Ильин относит Гоголя к людям, живущим в трех измерениях⁶⁰ – в телесно-душевно-духовном континууме (с тенденцией вырваться за пределы телесного, о чем свидетельствует смерть писателя). Приобщение Гоголя духовному уровню (измерению) бытия как раз и позволяет И. А. Ильину определить его как *гениального* художника (в отличие от художников *талантливых*, несклонных к созерцанию, содержательно индифферентных, по мнению Ильина, обеспокоенных, прежде всего, самовыражением в искусстве).

Уточняя сказанное, И. А. Ильин добавляет, что, обладая недостаточно гибким формообразующим актом, Гоголь не всегда соответствует своему собственному созерцанию, а потому еще

правильнее было бы определить его как *малоталантливый гений*. Вот и неудачу «Выбранных мест из переписки с друзьями» И. А. Ильин объясняет «невезучей формой»⁶¹, в которой сразу увидели «высокомерие, надменность, преднамеренность морального пророчества», желание «самовластно поучать» людей⁶². На самом деле природа книги была иной. Она рождалась «в великие мгновения вдохновенья», когда горизонт Гоголя, по Ильину, «простирался далеко во Вселенную, и он в своего рода мистическом экстазе видел заветную цель, дальнюю перспективу, огромные задачи и при этом чувствовал, как его собственные силы растут»⁶³. Именно в такие минуты «он имел неосторожность писать своим не разумеющим его друзьям нечто до того чрезвычайное, что показывало его в невыгодном свете как человека нескромного, чванливого, высокомерного, даже охваченного манией величия»⁶⁴. И. А. Ильин был далек от подобных оценок. Более того, он считал, что Пушкин и Гоголь ставили перед собой сознательную цель «*вызвать к жизни в России эпоху религиозного очищения, отдав этому все свое художество, всю силу своего созерцания*»⁶⁵. Возможно, это преувеличение, но И. А. Ильин верил, что мир ждет наступления этой эпохи. И ждет по сей день.

⁵⁸ Ильин, И. А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 241.

⁵⁹ Ильин, И. А. Достоевский как публицист / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 342.

⁶⁰ См.: Ильин, И. А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 257.

⁶¹ Там же. С. 276.

⁶² Там же. С. 276.

⁶³ Там же. С. 253.

⁶⁴ Там же. С. 253.

⁶⁵ Там же. С. 272.

Философский анализ произведений цикла «Миргород»

Напряженная работа Н. В. Гоголя по формированию своей эстетической программы происходила в условиях интенсивного общения писателя с передовыми деятелями отечественной культуры. Глубокое осмысление и обсуждение проблем своего времени позволило Н. В. Гоголю во многом предвосхитить многие идеи русской религиозной философии, еще тогда не сложившиеся.

Таким образом, развитие мировоззрения Гоголя невозможно в полной мере понять без обращения к философско-антропологической проблематике русской философской мысли XIX века.

Исследователи полагают, что на создание цикла повестей «Миргород» большое влияние оказал Г. С. Сковорода¹.

Григорий Саввич Сковорода был первым философом на Руси, в точном смысле слова, по оценке В. В. Зеньковского², родоначальником русской философской мысли, духовным начинателем и основоположником всех крупных последующих умственных течений в русском обществе. Подпочвенная таинственная сила православной святыни дает в нем первый росток наружу, обращенный к миру, направленный на текущий поток истории³.

Противоположность учения Сковороды новоевропейскому рационализму находит принципиальное выражение, прежде всего, в его символизме, а символизм Сковороды логически вытекает из его антропологизма. Человек есть центр и малое «все» мира. Отсюда вытекает задача внутреннего, метафизического изучения человека, основа неразрывной связи русской философской мысли и художественного творчества.

Сковороду называют тайным отцом славянофильства. В. С. Соловьев считал его своим «духовным предком».

Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) – «старец», бессребреник, нищий и бездомный старик, любитель священной Библии был одним из образованнейших людей своего времени. Мудрец и мистик, неустанно ведущий в сердце «духовную брань», взыскующий «града невиди-

мого», с мучительной остротой переживающий трагическую двойственность бытия. В выборе философом диалогической формы рассуждения проявился осознанный отказ от авторитарно-систематизаторского стиля мышления, а отказ от христианской обрядности привел его к жизни странствующего философа, «монаха в миру». Учение свое Сковорода строил методом интерпретации священного текста⁴.

Философия для «русского Диогена» не сумма готовых знаний, но прежде всего путь, рискованный поиск, выявляющий природу человека, преобразующий его существование.

Это «веселое ремесло и умное веселие» насквозь пронизано стихией игры.

Философский диалог Сковороды есть «симфония», соглашение сердца с сердцем и с Богом.

Бога Сковорода называл «безупречным зеркалом», и каждая ступенька бытия является, в свою очередь, «зеркалом» Бога.

«Зеркало» становится также элементом конструирования философской модели бытия как отражения «идеи» в материи, которая, утратив собственное совершенство в следствие потери самотождественности, распадается на «бесчисленный песок» подобий-отблесков.

Мир со всей совокупностью страстей предстает в виде расставленных «венцом» зеркал, которые отображают человека и творящуюся в нем борьбу между разумом и страстями⁵. В сознании же неразумного человека такая модель зеркального отражения предстает как бы «опрокинутой»: здесь господствует обратная перспектива, своего рода зеркальная инверсия, когда греховный разум человека вместо того, чтобы отображать вечное, отображает в себе бесформенную материю.

Разработка учения о «двух натурах» и «трех мирах» связана у Сковороды с библейским и раннехристианским представлением о Софии, которая есть мысли и советы, промысление Божества о мире. Это «план» мироздания, соотношение «видимой» и «невидимой» натур.

Космос «софиен», и София «космична», а

¹ Например: Чижевский, Д. О «Шинели» Гоголя / Д. Чижевский // Совр. записки. I. XVII, 1938. – С. 189–190; Вайскопф, М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Контекст / М. Я. Вайскопф. – 2-е изд. – М.: Рос. гос. гумм. ун-т, 2002.

² Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Ленинград, «Эго», 1991. – С. 64.

³ Эрн, В. Г. Сковорода и последующая русская мысль: в кн. Г. С. Сковороды «Жизнеописания, сочинения» / В. Г. Эрн. – М.: «Эвролинц», 2002.

⁴ История русской философии: учебник / Под ред. М. А. Маслина. – 2-е изд. – М.: КДУ, 2008. – С. 91.

⁵ Сковорода, Г. С. Соч.: В 2-х т. / Г. С. Сковорода. – Т. 1. – М., 1973. – С. 301.

Мир – это вертоград Божий, насажденный и взращенный Премудростью⁶.

В мире между двумя натурами ощутимо некоторое несоответствие. Форма творящая и форма сотворенная рассогласованы. Это несоответствие и рассогласование преодолевается философом, богословом, открывающим в священном тексте Премудрость замысла Бога. Социальная динамика, движение человека по общественной лестнице к вожделенному «центру» становится у Сковороды знаком негативного, неистинного существования. Позитивным же является движение внутрь, осуществление божественного о себе замысла «внутреннего человека». Это происходит путем самопознания.

Таким образом, София есть «внутреннее человечество», «невидимая натура» микрокосма, совокупность умопостигаемых предвечных личностей. Однако именно в микрокосме разрыв между двумя натурами достигает катастрофического размера.

Причину разрыва Сковорода проясняет посредством создания модели «мир – театр». София становится сценарием «вселенского чудотворного театра» на основе символического, аллегорического представления Священного Писания. На уровне человека-микрокосма София – особый промысел, его роль в «божественной комедии».

«Театральная софиология» Сковороды есть своеобразная попытка решения проблемы зла, т. е. вариант теодицеи. Таким образом, своеволие человека, отвергающего божескую волю и стремящегося утвердить свой порядок вещей, становится истоком зла в мире, превращая мир в низменный маскарад, театр суеты и амбициозного лицедейства⁷.

«Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости», – иллюстрирует Сковорода свою «театральную софиологию». Над фонтаном надпись сия: «Неравное всем равенство»⁸.

Философское творчество Сковороды чаще всего предстает в форме толкований к «символическому миру», важнейшая черта которого – его многосоставность и «синтетичность». «Частицы разбитого зеркала едино все лицо изображают. А разнообразная Премудрость Божия в различных в стовидных, тысячеличных ризах в царских и в сельских, в древних и нынешних, в богатых, в нищих, в самых подлых и смешных одеждах как крын в тернии, сама собою все украшая, является одна и та же»⁹. Потребность

на деле выявить это тождество приводит Сковороду к аллегоризму в толковании библейских текстов, а личность Христа Сковорода склонен рассматривать как историческое проявление «совершенного человека».

Наиболее важным в облике «совершенного человека» Сковорода называет самодостаточность – автаркию, которая достигается путем «богоподражания». Она предполагает также понимание счастья как душевного покоя. Мудрый человек схож с гомеровскими олимпийцами, с их неугасимым смехом, бесстрастностью и блаженной полнотой, в размышлении над священным текстом. Идеальный гностик – смеющийся Христос.

«Верховнейшею наукою» Сковорода признает богословие, рассматриваемое как наука о самопознании и достижении человеком счастья. Философская любовь есть «вечный союз между Богом и человеком», сила, причащающая «внешнего», эмпирического человека к его вечной идее. Этика Сковороды не носит нормативного, «безличного» характера, она индивидуальна и конкретна.

Предмет любви и влечения, к которому стремится душа мудреца, не вне его, а внутри. Существо человека в его сердце, в его воле, поэтому в самопознании сущность человека не исчерпывается одной интеллектуальной стороной. Отсюда достаточно критическое отношение Сковороды к отвлеченному, уводящему от самопознания и изменения своего бытийного статуса знанию. «...мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса и обеспокоили брюхо земное ради металлов, размежевали планеты. Доискались в Дуне гор, рек и городов, нашли закомплетных миров несчетное множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремления водные, что денно новые опыты и дикие изобретения. Боже мой, чего не умеем, чего мы не можем! Но то горе, что при всем том кажется, что чего-то великого недостает»¹⁰. Оторванная от жизни духа наука не имеет смысла. Человек познает не для того, чтобы отвлеченно знать, а для того, чтобы истинно быть, возрастая в истине, изменять привычные параметры своего существования в направлении ее божественной полноты.

Итак, истинное счастье состоит в душевном мире, а мир – согласие с Богом. Путь спасения

⁶ Сковорода, Г. С. Соч.: В 2-х т. / Г. С. Сковорода. – Т. 1. – М., 1973. – С. 334.

⁷ Там же. Т. 1. – С. 303.

⁸ Там же. Т. 1. – С. 439.

⁹ Там же. Т. 2. – С. 61.

¹⁰ Там же. Т. 1. – С. 326–327.

ведет из «мирского мира» в подлинный, духовный. Аллегорически переосмысляя фольклорный сюжет о союзе, заключенном безногим и слепым путниками, Сковорода в «Разговоре пяти путников о истинном счастье в жизни» описывает их братское возвращение к Небесному Отцу, что «живет в нагорном замке, называемом *Миргород*». И далее: «Блаженны, кои день ото дня выше поднимаются на гору пресветлейшего сего Мира-Города... Се-то пасха или переход в ИЕРУСАЛИМ: разумеи: в город мира и в крепость его Сион»¹¹. Иначе говоря, «Миргород» Сковороды – это перевод слова «Иерусалим» в его популярной на Руси этимологии.

Восхождение совершается у Сковороды «от подлости на гору, от свинских луж к горным источникам». Н. В. Гоголь дает другие реалии: свинья и лужа, а вместо горного Сиона дана церковь, куда по воскресным дням, в праздник праздников, отправляются в дружеском согласии Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, как бы пародируя увечных друзей-путешественников у Сковороды, для которых характерен не разговор о мире, а несмертельная ненависть.

Суть сюжета «Миргорода» можно определить как отражение «модели деградирующего в своем развитии мира»; изображение последовательного отступления (апостасии) от евангельского завета любви к ближнему. Общая логика повестей в христианском контексте представляется как четыре ступени неуклонного отступничества от Бога, путь от естественного родства людей к бессмысленной вражде. В этом процессе писатель увидел трагизм истории и антропологическую катастрофу.

Основная идея Н. В. Гоголя состояла в том, что падению мира противостоит неразрушимая любовью старосветских людей, которая выполняет миссию «удерживающей православной культуры», ценностный смысл которой показан в повести «Старосветские помещики».

«Понять произведение литературы – это значит понять его идею»¹². Идейно-ценное произведение не включает в себя ничего лишнего, каждая деталь, каждая черта стиля, каждое слово подлинно художественного произведения нужны, образно значимы. Одной из важнейших особенностей произведения является его структура и художественное пространство. В «Старосветских помещиках» структура пространства становится одним из главных выразительных

средств. В большей мере «условное» пространство становится своеобразной формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, что дает возможность моральной характеристики литературных персонажей. Все художественное пространство повести разделено на две неравные части. Первая – «весь остальной мир». Вторая – это мир старосветских помещиков.

Внутренний мир старосветских помещиков – ахронный. Он замкнут со всех сторон, не имеет направления, и в нем ничего не происходит, составляющие его персонажи внутреннего мира соединены¹³.

Характерно, что героев Н. В. Гоголя удерживает от богоотступничества именно воспитанное в лоне православной культуры чувство покоя. На это обратили внимание многие исследователи, например, Дунаев: «...покой усадьбы старосветских старичков есть символическое отражение покоя горного мира – в миру дольнем. Жизнь их скромных владетелей так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и неспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении»¹⁴.

Отгороженный от суеты внешнего мира, мир старосветских помещиков чужд стремлению к земным сокровищам, а смысл их жизни состоял в стремлении отдавать все другим. Н. В. Гоголь пишет: «Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражалась на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствием чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ»¹⁵.

Главное же, на чем основывается жизнь старосветского мира, – любовь, которая проявляется не только в добром бескорыстии ко всякому, пришедшему из внешнего мира за их частоколом, но и в том светлом и чистом чувстве, которое стало основным содержанием жизни двух стариков, так, что они даже не замечают его.

Таким образом, православный контекст повести проявляется в показе глубокого отличия жизни толстогубовцев от остального мира, но в этом есть и свой трагизм: являясь земным отражением мира горного, эта «удерживающая» культура обречена на гибель, а ее хрупкий идеал полностью недостижим. Обреченность ее прояв-

¹¹ Сковорода, Г. С. Соч.: В 2-х т. / Г. С. Сковорода. – Т. 1. – М., 1973. – С. 327, 343.

¹² Гуковский, Г. А. Изучение лит. произведения в школе. Методические очерки о методике / Г. А. Гуковский. – Тула: Автограф, 2000. – С. 73–75.

¹³ Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: «Искусство», 1997. – С. 625–639.

¹⁴ Дунаев, М. М. Православие и русская литература / М. М. Дунаев. – М.: Христианская литература. – Т. 4. – С. 104.

¹⁵ Гоголь, Н. В. Соч.: В 2-х т. / Н. В. Гоголь. – Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1965. – С. 225.

ляется как в медленном разрушении частокола, так и в естественном умирании семьи, не имевшей детей, что делает земной рай обманчивым.

Единственной защитой героев Н. В. Гоголя является церковная ограда, возле которой просит похоронить себя Пульхерия Ивановна. А это означает, что именно «православная церковь становится в данном произведении для героев таким духовным пространством, которое и по-смертно *соединяет* их»¹⁶. Известно, что о такой же посмертной судьбе мечтал и Н. В. Гоголь.

В дальнейших повестях цикла трагическое противоречие усиливается. Образно говоря, «золотому веку», в котором жили «старосветские люди» первой повести сборника, приходит на смену «век серебряный» «Тараса Бульбы», где герои уже имеют врагов и есть насильственная смерть.

Действие начинается в день возвращения сыновей после учебы домой, и отец тут же предлагает им отправиться на Запорожскую сечь, чтобы там «погулять». Причем Бульба подводит под это решение «философскую базу»: «Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия ... я плевал на все это!... А вот, лучше, я вас на той неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму»¹⁷. Тут можно вспомнить достаточно критическое отношение Сковороды к отвлеченным, оторванным от жизни духа наукам, иронически обыгранное Гоголем.

В варианте Тараса «набираться разуму» означает обрести некие навыки воина. Он восклицает: «Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам все это?»¹⁸ Сказавши это, Бульба начал колотить и швырять горшки и фляжки, он разрушает все, к чему прикасается.

Стремление уничтожить других оборачивается самоуничтожением. Сыновья и все товарищи Тараса гибнут: один четвертован, с другого содрали кожу, у третьего отрезали голову и засолили ее в бочке.

Истинный патриотизм предполагает существование Родины, границы земли своей, дома, но прошлое вычеркнуто из памяти казаков, настоящее в пьяном угаре или в кровавой битве, будущее – насильственная смерть.

Война рождается не в суете жизни, а в головах людей, в их сознании. Проблема войны становится проблемой антропологии. Размышления Гоголя и Сковороды о своеволии человека, отвергающего закон и божескую волю, стремя-

щегося утвердить свой порядок вещей и в итоге ставшего источником зла в мире, во многом совпадают.

Во время войны, среди насилия и жестокости, Андрий влюбляется в панночку. У нее чужое имя. Для старосветских помещиков такой проблемы не существовало. Не было деления на нации и народы. Для христианского сознания вообще нет проблемы национальности или государственных границ. Человек есть гость сердца моего. Так считали Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович.

Андрий изменяет казачеству, предаёт родных и товарищей, но переходит на заведомо слабую, страдающую сторону, рискует умереть от голода в осажденном городе. Однако выбирать из ряда неоднозначных мотивировок его поведения лишь одну было бы не правильно. Ведет Андрия любовь, но, спасая панночку, татарку и весь польский город, Андрий погубил свою душу. Вражда народов оборачивается враждой «мужского» и «женского» начал. Текст Гоголя вызывает массу библейских ассоциаций, но по уровню сложности, глубине, неоднозначности это не религиозный, поучительский текст, а подлинно философский.

Он ушел к любви, свободно выбрав свой жизненный путь. А человеку свобода выбора изначально дана Богом при сотворении мира. Так что убийство Андрия становится убийством свободы, данной человеку высшим существом. Гоголь сталкивает ценности официального, патриотизма и гуманные ценности мира. И убийство Андрия стало убийством ценностей мира, жизни как ценности.

Война, ведущаяся во имя православной веры, оказалась на деле уничтожением вековой культуры народа, которую взращивали, создавали, сберегали поколения живущих. «Ничего не жалейте!» – повторял только Тарас.

В повести Н. В. Гоголь обнаруживает амбивалентную природу описываемой войны.

Созидающей и укрепляющей основой рыцарского братства запорожцев является утешение духовное, радость от сознания осмысленности своего бытия. Это, в свою очередь, следует из содержания самой повести. В знаменитой речи о товариществе Тарас Бульба говорит о родстве «по душе, а не по крови» и обличает то, что «свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке». Герой, напоминая казакам об их долге, прямо призывает их положить за друзей свои души¹⁹.

Утешение происходит у запорожцев от мыс-

¹⁶ Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. – Петрозаводск, 1995. – С. 64.

¹⁷ Гоголь, Н. В. Соч.: В 2-х т. / Н. В. Гоголь. – Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1965. – С. 239–240.

¹⁸ Там же. С. 242.

¹⁹ Виноградов, И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания: К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2000. – С. 126–127.

ли о принятии ими на себя подвига исполнения заповеди Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Следующему гоголевскому герою предстоит вступить в прямую брань с нечистой силой.

Гоголя всегда чрезвычайно интересовал герой, не имеющий своего лица, своего дела, своей внутренней организации и мгновенно адаптирующийся под структуру окружающего его пространства. Г. А. Гуковский видел в этом отражение выдвинутой просветителями XVII века идеи формирующего влияния среды на человека. Но Лотман отмечает, что воздействие среды на человека было для Гоголя частным случаем изменения характера и поведения людей. Его скорее интересует мгновенная трансформация, резкое, беспереходное изменение человека²⁰.

Возможным ключом к объяснению происхождения этого интереса является совпадение взглядов Гоголя и Сковороды на проблему происхождения зла. Зло у Сковороды – это беспорядок, отказ человека от своей внутренней, предусмотренной божественным сценарием роли и игра роли чужой.

Вот как о главном герое пишет С. А. Шульц: «Хома Брут – человек без своего внутреннего пространства, безо всякой связи с абсолютом, с родом (его сиротство подчеркнуто) – человек, попадающий под власть сил Хаоса»²¹. С. А. Шульц подчеркивает, что в результате потери своего внутреннего ядра Хома оказывается обречен.

Гоголь делает Хому Брута отнюдь не «злодеем» и не «разбойником», но человеком обыкновенным, средним, «пошлым». Опираясь в своем повествовании на житийную традицию, писатель показывает различие в поведении Хома и жизни святых. Философ Брут был нрава веселого. Он «любил лежать и курить трубку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал *крупного гороху*, но совершенно с философским равнодушием»²².

Причина падения и гибели Хома, по замыслу автора, проистекает не столько от внешних обстоятельств, наличия горя и зла в мире, сколько в отсутствии добродетели. От душевной и физической лени героя.

На первых страницах повести Н. В. Гоголь описывает состояние Православного братского монастыря, показывает разрушение основ православной веры. Так, богослов Халява, друг

Хома, «был рослый, плечистый мужчина и имел чрезвычайно странный нрав: все, что ни лежало, бывало, возле него, он непременно украдет. В другом случае характер его был чрезвычайно мрачен, и когда напивался он пьян, то прятался в бурьян, и семинарии стоило большого труда его сыскать там»²³.

Предметом дальнейших размышлений Н. В. Гоголя является сельская церковь. Она была ярким символом «медного века», деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправляли никакого служения. Вытеснение христианского духа из мирской жизни подтверждается полуразрушенной церковной оградой, ветхим старинным иконостасом, молчаливыми и давно оглохлыми деревянными церковными стенами. Очевидно, «как мало заботился владелец поместья о боге и о душе своей»²⁴.

Характерной особенностью повести является изображение нечистой силы, постоянно присутствующей в православной церкви. В результате оскверняется Божий храм, рушится православная вера. Создается впечатление, что Н. В. Гоголь исходит из положения, согласно которому самый глубокий источник апостасии не в стремлении отдельных народов к насилию, а в трагическом упадке самой православной веры.

Ветхая ограда церкви когда-то большого селения не могла удержать «нечистую силу» от вторжения в сам храм, превращающую «Божью святыню» в «мерзость запустения». Десакрализация мира приводит к тому, что «сама церковь уже перестает быть надежной защитой от натиска враждебных Богу сил». Церковная ограда, упоминаемая в первой повести цикла, уже не является преградой для апостасийного процесса.

Апогеем десакрализованного мира стала сцена, в которой «вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы... Двери сорвались с петель, и несметная сила чудовищ влетела в божью церковь»²⁵. Так совершилась десакрализация Божией святыни.

Вошедший священник остановился при таком посрамлении Божьей святыни и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет к ней дороги.

²⁰ Лотман, Ю. М. Реализм Гоголя / Ю. М. Лотман // О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: «Искусство», 1997. – С. 648.

²¹ Шульц, С. А. Гоголь. Личность и художественный мир: пособие для учителей / С. А. Шульц. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 63.

²² Гоголь, Н. В. Соч.: В 2-х т. / Н. В. Гоголь. – Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1965. – С. 356.

²³ Там же. С. 356.

²⁴ Там же. С. 377.

²⁵ Там же. С. 386.

В повести «Вий» эта жажда «видеть» превращается в разрушительную силу рассудка: Хома Брут – Фома неверующий. «А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не побоялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать»²⁶ – просто объяснил Тиберий Горобець.

Напечатанная в 1834 году «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» рассказывает о пустой, бессодержательной вражде, которая осмысливается Н. В. Гоголем как символ «железного века», недолжного существования обособившихся от былого «товарищества» людей. Герои продолжают тяжбу (вражду) уже в самой церкви, перенося тем самым прозаическую ссору в совершенно иную духовную перспективу. Самим вторжением в праздничный день демона разлада в это духовное пространство манифестируется отказ от любви Бога и отказ от Его благодати. В результате нарушения евангельских заповедей («И то уж весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собой» [1 Кор. 6:7]) праздничный день оборачивается днем скучным и больным, окна церкви поэтому «обливались дождливыми слезами». Это была тяжба с самим Богом.

«А какой богомольный человек Иван Иванович!» – восклицает рассказчик. Эта «богомольность» героя тут же и «доказывается» разговором героя с нищей: «Чего же ты стоишь? Ведь я тебя не бью!». Речь, очевидно, опять идет о неисполнении героем, бывшим семинаристом и «поповичем», заповедей, которые ему, «человеку ученому», должны быть хорошо известны: «Если брат и сестра наги и не имеют дневно-го пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “Идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе»²⁷. Этой чертой Ивана Ивановича Гоголь как бы сравнивает его с другими своими героями. Так, например, на любовь к нищим старосветской помещицы Пульхерии Ивановны указывает, очевидно, то «множество народа всякого звания», что, по замечанию рассказчика, собралось на ее похоронах.

Очевидно, что повествование о ссоре, о брани, разрушающей тихую идиллию миргородской жизни, представляет собой новый рассказ о не-

должном поведении человека, о нарушении христианских заповедей.

Вещь разобщает людей. Ведь причиной ссоры стало ружье, которое стоит денег, а его Иван Иванович предложил обменять на свинью и два мешка овса, которые вовсе не имеют той цены ружья.

В данном споре пришел конец их дружбе: ссора двух приятелей превратилась в смысл их жизни.

На самом деле все пространство Миргорода поделено внутренними границами на мельчайшие, но изолированные территории. Основным признаком миргородского ландшафта являются заборы: «Направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень». Он – граница маленького мирка. По сути дела, содержание повести сводится к тому, как условная граница становится пропастью между двумя мирками²⁸.

Миргород, обуянный эгоизмом, перестал быть пространством – он распался на отдельные частицы и стал хаосом.

Ссора двух Иванов настолько естественно вписывается в общую картину жизни Миргорода, что становится ясно: автор играет с читателями, сначала вводя нас в заблуждение. Та характеристика, которую он дает Миргороду, не соответствует истинному положению вещей.

Ссора, начавшаяся из-за пустяка, вырастает в глобальную проблему, которая захватывает всех жителей города.

Автор дает понять читателям, что истинной причиной послужили внутренняя пустота героев, отсутствие между жителями Миргорода прочных человеческих связей, их разобщенность. Все это, по Гоголю, является показателем искажения человеческой сущности. В соответствии с этой идеей писатель и производит трансформацию ситуации ссоры, которую мы проследили. Она не исчерпана, и этим объясняется сюжетная незавершенность «Повести...», которая, тем не менее, имеет интонационный финал: грустный осенний пейзаж, шум дождя и жалоба рассказчика, логично вытекающая из всего содержания повести: «Скучно на этом свете, господа!».

«У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди, – писал Гоголь матери 2 октября 1833 года. – Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего». Слова эти можно было бы поставить эпиграфом к гоголевскому циклу и даже ко всему гоголевскому творчеству.

²⁶ Гоголь, Н. В. Соч.: В 2-х т. / Н. В. Гоголь. – Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1965. – С. 388.

²⁷ Там же. С. 391.

²⁸ Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: «Искусство», 1997. – С. 640.

Ошибки Хома Брута: прорыв сакрального круга

Неглуп, с определенной силой духа, во многом предусмотрителен... И все-таки он не спасся... Проблема спасения, а вернее сказать, неспасения души главного героя повести Н. В. Гоголя «Вий» (из цикла «Миргород») показана автором на фоне вполне ясно прорисованной картины всеобщего оскудения Церкви. Об этом читателю говорят и образы далеко не ревностных в христианской вере риторов, богословов и философов (воспитанников бурсы). Об этом говорит и во многом соответствующее отношение простых людей к семинаристам и к их наставникам как к пронырам, зачастую – пьяницам и лжецам, несмотря на бесспорное уважение к ним при этом... О церковном оскудении нам говорит и заброшенный в хуторе храм, в котором, очевидно, давно не осуществлялись не то что богослужения, но и элементарная уборка... Настолько заброшенный, что столь явно проявляла себя нечисть в нем, обитавшая в заветном хуторе, где происходит действие повести. Даже слово «бог» (в христианском смысле) во всем произведении ни разу не представлено с большой буквы... только с маленькой.

Соответственно, молодой философ Хома Брут, прежде всего, был представитель своего времени. Он далеко не самый ревностный христианин, блюдущий посты и мыслящий о спасении собственной души. Во многом Хома – обманщик и человек склонный к прелюбодеянию. Интересно в этом смысле вспомнить его рассказ о том, как ходил он в сочельник к булочнице или как при одной из первых встреч с ведьмой, глядя на ее распростертые объятья, Хома подумал: «Эге-ге!.. Только нет, голубушка! Устарела», после чего напомнил старухе, что «пост нынче»¹. Да и не веровал настолько Хома, чтобы хотя бы допускать те события, которые произошли с ним.

И все-таки он – избранный. Именно ему среди других жертв страшной панночки при столкновении с ней пришлось на ум... молиться. Именно ему выпало судьбой одолеть ее, убить ведьму, тем самым – бросить вызов всей существующей нечисти... Именно ему суждено было сразиться с ведьмой, побороть страх и принять свой удел, свой крест до конца. Последнего, увы, принять свою судьбу и нести свой крест до конца, Хома

никак не смог выдержать. И дело даже не в том, что он был недостаточно духовно подготовлен к такому повороту, просто никак не мог герой принять этот вызов судьбы, боялся не выдержать испытание, словно чувствовал свое бессилие...

Конечно, многие ошибки духовного плана Хома совершал еще до столкновения с собственным испытанием, тем самым, возможно, привлекая к себе внимание темной силы. Не придавал значение словам, несущим сакральное, иногда заклинательное звучание. Интересен в этом смысле отрывок повести, где заплутавшие герои (ритор, философ и богослов) ищут ночлега.

«Что за черт! – сказал философ Хома Брут, – сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор.

Богослов помолчал, поглядел по окрестностям, потом опять взял в рот свою люльку, и все продолжали путь.

– Ей-богу! – сказал, опять остановившись. – Ни чертова кулака не видно...»²

На протяжении всей повести Хома не один раз мечется между восклицаниями, подобным «что за черт?» и «ей-богу!», не придавая значения важным в этих восклицаниях словам. Интересно, что и сама старуха-ведьма, приютив на ночлег бурсаков, говорит: «...Вот черт принес каких нежных паничей!»³

Излишняя склонность Хома к соблазну (к выпивке, суетным мыслям, веселости, к обману и постоянное желание стащить что-нибудь у товарища), отсутствие так называемого страха Божия, безусловно, не представляет его заурядным в соответствующем окружении (среди самих бурсаков и хуторских жителей). Однако, возможно, эту ошибку – небрежное отношение к собственной душе, Хома так и не осознал до конца (или же осознал слишком поздно). Именно эта его беда заставляла героя, как бы храбрясь, нюхать табак в храме (в те самые страшные и важные для него ночи); являться в храм Божий в нетрезвом состоянии по принципу «была не была!».

Хома является человеком насколько внутренне сильным и защищенным, настолько и темным, бездумным. Он интуитивно толкает ногой свинью в хлеву (по всем христианским канонам –

¹ Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести / Н. В. Гоголь. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1985. – С. 316.

² Там же. С. 313.

³ Там же. С. 315.

бесовское животное)... Это происходит с ним прямо перед первым столкновением с ведьмой. Так же интуитивно он съедает почти один до-вольно старого поросенка (в пост и после первой страшной ночи служения в храме над покойни-цей). Во многом важности всего происходящего Хома до конца не понимает (не осознает своей миссии, а соответственно – и силы).

Попытка убежать от своего дела является очень важной ошибкой, равной попытке убежать от себя, от собственной судьбы. Пытаясь исчез-нуть из хутора перед последней ночью в храме, перед последней, решающей встречей с ведь-мой, Хома демонстрирует свое падение духом (в своих же глазах). Герой показывает нежелание нести свой крест до конца и очень сильно осла-бевае энергетически, унывает.

Неожиданный порок, так называемая «задняя мысль», представлен в произведении как еще одна ошибка Хома Брута. Это не только духов-ная слабость, но и своего рода слабина, которую дает себе герой, впадая в сребролюбие. Хома, идя на тяжелые душевные испытания, смеет утешать себя мыслью о награде, о червонцах, которые сулил ему сотник (отец умершей пан-ночки-ведьмы). Правда, если в самом начале испытаний (перед первой ночью в храме) Хома руководствуется холодным расчетом, говоря сам себе: «Три ночи как-нибудь отработаю... зато пан набьет мне оба кармана чистыми червонца-ми»⁴, в последние ночи такая мысль может лишь только проскальзывать в голове героя.

Указанные ошибки и сложные качества Хома Брута не мешали ему спастись на протяжении почти трех ночей при встрече с ведьмой. Сакраль-ный круг, подкрепленный молитвой и верою героя, начертанный им в первую ночь в храме быстро, в страхе; во вторую ночь – поспешно, но заблаго-временно; в третью – самозабвенно... защищал его от нечистой силы, не позволяя потусторонне-му миру распознать самого молящегося (Хому).

Ошибка, с которой зачастую очень сложно бо-роться и человеку воцерковленному, не минула и главного героя повести. Это есть чувство страха. Страх не Божиего (о котором говорит священник на каждой литургии перед причастием), а стра-ха человеческого. Страх слабого человека перед злом вынуждал Хому бежать от собственного кре-ста, но при этом герой в определенные моменты старался верить в себя, говоря: «Не побоюсь, ей-богу, не побоюсь!»⁵ Перед последней страшной ночью в храме Хома не мог позволить себе игру в

крагли (в основе которой лежит легкое и веселое отношение к нечистой силе), ибо испытывал он попеременно страх Божий и человеческий.

Чувство страха создавало почву для основ-ной, главной ошибки, погубившей Хому. Так описывает автор чувство человеческой слабости перед неведомым соблазном, ужасом, которое наполняло героя: «Он подошел ко гробу, с ро-бостью посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз. Такая страшная, сверкающая красота! Он отво-ротился и хотел отойти; но по странному любо-пытству, по странному перечисляющему себе чувству, не оставляющему человека особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взгля-нуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз»⁶. Не выдержал этого испыта-ния соблазна Хома и в самый кульминационный момент столкновения уже не только с ведьмой, а с наиболее крупным представителем нечистой силы – с Виём. Посмотрел ему в глаза Хома (пре-кословя своему Хранителю, внутреннему голо-су), испугался... и пропал, потеряв всю свою ду-ховную защиту, уделив внимание нечистой силе. А, как говорили Святые отцы: «Лукавому только наше внимание и нужно».

Два чувства жили в этом человеке, и на это указывает автор – предчувствие темное, гово-рившее ему, «что ждет его что-то недоброе»⁷ и безотчетное чувство, которого философ «сам не мог растолковать себе»⁸. Увы, слишком безотчет-ным предстало оно в результате.

Подводя итоги ко всему вышесказанно-му, можно сделать вывод, что герой повести Н. В. Гоголя Хома Брут, сочетающий в себе указанные человеческие слабости (пустословие, подверженность соблазнам, слабость духа [уны-ние], сребролюбие, страх перед истиной, впа-дение в искушение [в прелесть]), представляет собой не просто образ человечества в целом, а образ интеллигенции. Не случайно главный ге-рой, на которого возлагаются все надежды на спасение, является философом-семинаристом, с говорящим вариантом имени Фома (предполага-емо – неверующий, малoverный, так как испу-гался и не устоял перед соблазном). Не случайно философу дана фамилия Брут (созвучная имени человека предавшего, ступившего на неистин-ный путь, не устоявшего в истинных убежде-ниях). Возможно, в повести «Вий» Н. В. Гоголь столь аллегорически преподнес свои убеждения на тему отношений «религии и интеллигенции».

⁴ Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести / Н. В. Гоголь. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1985. – С. 327.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Там же. С. 319.

⁸ Там же. С. 319.

Н. В. Гоголь в творческом сознании А. П. Чехова

В юбилейный гоголевский год усилился интерес к творчеству Н. В. Гоголя, при этом особое внимание уделяется воздействию писателя на всю последующую литературу. Интерес к художественному миру А. П. Чехова также не ослабевает, а, наоборот, все больше возрастает. Существование взаимных связей между произведениями, принадлежащими разным литературным эпохам, разным традициям, наличие осознанной творческой работы художника с литературным опытом предшественников, включенность его в свободный диалог с художественным мышлением другого писателя, в частности Н. В. Гоголя, определяет наш угол зрения на проблему «Чехов и Гоголь».

«Какой великий учитель для всех русских, а для нашего брата писателя в особенности!...»¹ – сказал Ф. М. Достоевский, многие произведения которого, по существу, «выросли» из гоголевского творчества. Без учета отношения к творчеству Н. В. Гоголя вряд ли можно понять творческую эволюцию Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, Г. И. Успенского и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Несомненно, что Н. В. Гоголь был непосредственным учителем для таких русских писателей XX века, как М. М. Зощенко и М. А. Булгаков. Но в какой мере и был ли он учителем для А. П. Чехова?

Проблема влияния Н. В. Гоголя на А. П. Чехова – одна из самых интересных и дискуссионных в чеховиане. К вопросу гоголевских традиций в творчестве Чехова обращались такие литературоведы, как Г. П. Бердников, П. М. Бицилли, М. П. Громов, В. Б. Катаев, А. В. Кубасов, А. П. Кузичева, М. Л. Семанова. Однако специальной монографической работы, посвященной многообразию форм «сближений» и «отталкиваний» художественных миров Гоголя и Чехова, пока нет, несмотря на ее очевидную необходимость.

Творчество Гоголя и Чехова сопоставлялось критиками и литературоведами еще при жизни Чехова. В конце 1880-х – начале 1890-х годов в молодом писателе видели, как и в Гоголе, прежде всего «обличителя человеческой пошлости». В произведениях Чехова находили «чисто гоголев-

скую чуткость к пошлой и темной стороне русского человека и русской жизни»². Обращение к мелочам, «дрязгам» жизни, юмор по поводу абсурдности человеческих поступков дали повод многим из современников Чехова увидеть в нем «нового Гоголя».

Но уже тогда и впоследствии критики и литературоведы, сравнивая Гоголя и Чехова, обнаруживали не столько сходство, сколько отличия. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, сопоставляя Чехова с Гоголем, отмечал такие противоположные гоголевские черты Чехова, как «широкий умственный кругозор и рациональность мысли», «отрава глубокой скорби»³. И в то же время сочетание «лирического подъема» с изображением «тусклой, безнадежно вялой жизни» в «Скучной истории», «Иванове», «Именинах», «Дуэли», «Ионыче» сближает, по мнению критика, Чехова с Гоголем. В итоге Д. Н. Овсяннико-Куликовский все-таки называет Чехова прямым наследником Гоголя: «И мы вспомнили Гоголя, вспомнили безотрадные картины и типы “Мертвых душ” и лирический подъем, поэтическое движение великой скорбной поэмы. Наследие Гоголя досталось Чехову, – но в то же время как своеобразно, как самобытно и ново оно у Чехова, и как много говорит оно нашей душе, заставляя ее откликаться и звучать всею старою тоской ее, всеми ее новыми скорбями!»⁴.

Б. М. Эйхенбаум в статье «О Чехове», написанной через десять лет после смерти писателя, указывал на различный характер их творчества: «...Что есть более разного и непохожего в русской литературе, чем Гоголь и Чехов? Оттого, что они оба смеялись и шутили, разница между ними еще значительнее. У одного – кривая, страдальческая и часто злобная усмешка, усмешка человека, который постоянно видит перед собой черта и хочет “выставить его дураком”, а у другого – грустная, добрая близорукая улыбка, улыбка врача, который шутит у постели тяжелого больного. У одного – “рожи” вместо людей, постоянный излом жизни, трагическая карикатура, гротеск, у другого – юмор на фоне слегка искаженной, слегка шаржированной действительности»⁵.

¹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1964. – С. 162.

² Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Этюды о творчестве А. П. Чехова // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. Антология. – СПб., 2002. – С. 524.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 524.

⁵ Эйхенбаум, Б. М. О Чехове // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. Антология. – СПб., 2002. – С. 962.

Проводя резкую грань между двумя писателями, Эйхенбаум далее замечает: «Гоголь – великий “меланхолик”, для которого “все на свете обман” и “все кажется нам не тем, что оно есть на самом деле”... Чехов – великий мечтатель, для которого “счастье и правда существуют где-то вне жизни”, а если и есть на этом свете “жизнь чистая, изящная, поэтическая”, то “где-то”»⁶ (Курсив Б. М. Эйхенбаума. – В. Ч.). Эйхенбаум противопоставляет Гоголя и Чехова с точки зрения их мировоззрения, подхода к жизни и творческого метода, то есть одного (Гоголя) считает романтиком, а другого (Чехова) – реалистом.

Одним из первых глубокий анализ и свое понимание проблемы «Гоголь и Чехов» дал известный литературовед П. М. Бицилли в 1934 году в статье «Гоголь и Чехов: проблема классического искусства». П. М. Бицилли попытался определить значимость творчества обоих писателей для классического литературного наследия, сопоставить их и найти общность и различия между ними.

Основная мысль работы П. М. Бицилли, как и статьи Б. М. Эйхенбаума, сводится к тому, что Гоголь и Чехов являются противоположными по типу художниками, так как Гоголь не хотел быть «чистым художником», как, например, Флобер, а мечтал быть учителем жизни, пророком⁷. Исследователь объясняет, как с этой точки зрения возможно все-таки сопоставление этих двух, казалось бы, несоизмеримых величин: «Гоголь – величайший изобразитель людской пошлости в ее, так сказать, общечеловеческом аспекте. Чтобы понять Плюшкина, не нужно быть непременно русским, как и для того, чтобы понять Гарпагона, – французом. Но есть и другой аспект пошлости – национальный. У каждого народа есть свой особый, ему одному присущий оттенок пошлости <...> Натуре Чехова были совершенно чужды те свойства романтической пошлости, которые процветали в России, столь пышно и столь усердно культивировались, что именно они стали выдаваться за специфические свойства “русской души”. В свое время Чехов был единственным, с необычайной зоркостью увидевшим русскую пошлость и высмеивавшим ее, как все, что он делал, – как бы вскользь, без подчеркиваний»⁸.

Таким образом, при кажущемся внешнем раз-

личии сопоставлений Чехова с Гоголем их авторы разграничивают писателей как художников противоположного типа: Чехов является прямым продолжателем объективной, непоучающей, краткой манеры Пушкина, а Гоголь, наложивший, по словам К. Леонтьева, «свою тигриную лапу»⁹ на всю последующую русскую литературу XIX века, стал основателем «учительного», воспитательного направления, которое впоследствии и стали называть гоголевским. Писатели, следовавшие за Гоголем, хотели непосредственно влиять на общество, преодолевая, как им казалось, рамки художественной условности.

Несмотря на различие творческих установок, значимость Гоголя для Чехова несомненна. Об этом говорят как произведения, так и письма Чехова, убеждающие в том, что гоголевский художественный мир был духовным достоянием писателя.

В письмах Чехова содержатся многочисленные, как правило, восторженные оценки творчества Гоголя. Так, в письме А. С. Суворину от 20 февраля 1889 года Чехов тепло отзывается об «удивительных достоинствах» «Женитьбы» Гоголя, называя ее «превосходной пьесой» (П 3, 160)¹⁰. Мастерство Гоголя служит для Чехова своеобразной меркой, индикатором оценки других писателей и произведений. В письме А. С. Суворину этого же года Чехов, достаточно критически оценивая роман И. А. Гончарова «Обломов», называет это произведение «неважной штукой» и пишет: «Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уж крупен, чтобы из-за него писать целую книгу. Обрюзглый лентяй, каких много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сию персону в общественный тип – это дань не по чину. <...> Остальные лица мелкие, пахнут лейковщиной, взяты небрежно и наполовину сочинены. Эпохи они не характеризуют и нового ничего не дают. Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный малый, а я не верю <...> наполовину он сочинен, на три четверти ходулен. Ольга сочинена и притянута за хвост. А главная беда – во всем романе холод, холод, холод... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов» (П 3, 202). При этом искусственности книги Гончарова Чехов противопоставляет жизненность, достоверность сочинений Гоголя: «Зато

⁶ Эйхенбаум, Б. М. О Чехове // А. П. Чехов: *pro et contra*. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. Антология. – СПб., 2002. – С. 963.

⁷ Бицилли, П. М. Гоголь и Чехов: проблема классического искусства / П. М. Бицилли // Литературное обозрение. – 1994. – № 11/12. – С. 39.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Леонтьев, К. Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого. Критический этюд / К. Леонтьев // Вопросы литературы. – 1989. – № 1. – С. 229.

¹⁰ Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983. (Здесь и далее все цитаты из произведений А. П. Чехова даны по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках. Письма обозначены буквой «П»). Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде наш.)

как непосредственен, как силен Гоголь и какой художник! Одна его “Коляска” стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг и больше ничего. Это величайший русский писатель» (П 3, 202). Характерна и шутивная подпись к этому письму: «Ваш *Акакий Тарантулов*». Видимо, желая смягчить резкость и категоричность своих слов, Чехов соединил кротость гоголевского персонажа с ядовитой сущностью насекомого.

В письмах Чехов неоднократно защищает Гоголя от разного рода нападок. Так, когда он пишет об украинофильстве, то называет «глубокомысленными идиотами» тех критиков, «которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки» (А. Н. Плещееву, 9 октября 1888 г.; П 3, 19).

В письме А. С. Суворину 30 ноября 1891 года Чехов рассказывает о своей встрече с Боборыкиным и беседе с ним и высказывает недоумение и раздражение по поводу того, что Боборыкин, собираясь написать «нечто вроде физиологии русского романа», «отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого...». Чехов сетует: «Он ставит его особняком, вне русла, по которому тек русский роман. Ну, а я этого не понимаю» (П 4, 307–308).

В чеховских письмах Гоголь, его произведения, имена гоголевских персонажей упоминаются множество раз. С их помощью писатель, шутя или всерьез, передает свои наблюдения и впечатления. В одном из ранних писем Чехов именует своих таганрогских земляков Камбуровых Николаем и Иоанном *Добчебобчинскими* (П 1, 35). Иван Федорович Шпонька, городничий, Манилов, Ноздрев, Коробочка, Плюшкин – таков далеко не полный перечень гоголевских персонажей, которыми «пестрят» чеховские письма.

С этими персонажами произведений Гоголя А. П. Чехов часто сравнивал себя и других. Он пишет А. Н. Плещееву 30 сентября 1889 года: «Я чувствую какой-то зуд и *ноздревский задор*, когда знаю, что у меня в столе лежат деньги» (П 3, 256). В письме А. С. Лазареву (Грузинскому) 1 ноября 1889 года: «Если бы Вы не прислали мне марок, то от этого не пострадали бы ни я, ни литература. Что за рыцарство? Точно я *Плюшкин* или беден, как Диоген. Не пришлете ли уж кстати почтовой бумаги и конвертов?» (П 3, 275). В письме к одному из литераторов, разбирая его произведение, Чехов иронизирует: «...Знаки препинания, служащие нотами при чтении, представлены у Вас, как пуговицы на мундире *гоголевского городничего*. Изобилие многоточий и отсутствие точек» (П 2, 200).

Во время поездки в Таганрог в 1887 году и пу-

тешества по Украине в 1888-м Чехов особенно часто обращается в письмах к гоголевским образам и мотивам. Описывая город Славянск Донецкой области в письме из Таганрога от 11 мая 1887 года, Чехов сравнивает его с Миргородом: «Город – *нечто вроде гоголевского Миргорода*; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешаны афиши зверинца, под заборами экскременты и репейник, на пыльных и зеленых улицах гуляют свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядят приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек, мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносится пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармонийка, визг какой-то бабы...» (П 2, 81).

В гоголевском духе он передает свои впечатления от поездки по Украине в письме к сестре, М. П. Чеховой, 14 июля 1888 года: «От Симферополя начинаются горы, а вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополи, на горах темнеют виноградники – все это залито лунным светом, дико, ново и настраивает фантазию на *мотив гоголевской «Страшной мести»*. Особенно фантастично чередование пропастей и туннелей, когда видишь то пропасти, полные лунного света, то беспросветную, нехорошую тьму... Немножко жутко и приятно. Чувствуется что-то нерусское и чужое» (П 2, 294).

Вернувшись из Полтавской губернии, Чехов пишет Н. А. Лейкину 21 июня 1888 года: «Был я в Лебедине, Гадяче, в Сорочинцах и во многих *прославленных Гоголем местах*. Что за места! Я положительно очарован» (П 2, 286).

Чехов путешествовал по Полтавской губернии с практической целью: купить хутор. О будущей перспективе своей жизни на Полтавщине он пишет А. Н. Плещееву: «...Не успеет наступить унылый октябрь, как я стану подписываться так: “Полтавский помещик, врач и литератор *Антуан Шпонька*”» (П 2, 316). В письме к А. С. Суворину 29 августа 1888 года шутит: «...Пожалуй, не успеет еще наступить октябрь, как я попаду в сонм *Шпонек и Коробочек*» (П 2, 322). Заветную мечту о переселении в гоголевские места он выражает и в письме С. А. Андреевскому 25 декабря 1891 года: «Теперь Ваши книжки переплетены и в числе прочих моих драгоценностей лежат в сундуке, ожидая отправки в Сорочинцы, *где родился Гоголь* и куда уезжаю я на постоянное жительство» (П 4, 334).

В письмах Чехова этого периода встречается также шутивное подражание стилю Гоголя. Например, письмо А. С. Суворину 22 марта 1890 года (П 4, 46) датировано следующим образом: «22 мартабря», что отсылает нас к «Запискам сумасшедшего», где есть такая запись: «Мартобря 86 числа между днем и ночью».

Во время путешествия в Сибирь в чеховских письмах также часто встречаются блестящие зарисовки с натуры, в которых сходство с тем или иным гоголевским персонажем оказывается одной из характерных черт описываемого человеческого типа. Так, он пишет 16 мая из Томска родным: «Стоп! Нельзя писать: пришел знакомиться редактор “Сибирского вестника” Картамышев, местный Ноздрев, пьяница и забулдыга» (П 4, 82). Далее в этом же письме читаем: «После чая сажусь писать вам это письмо, прерванное приездом заседателя. Заседатель – это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратник, лгун, певец, анекдотист и при всем том добрый человек» (П 4, 89). В письме от 20 мая из Томска Чехов вновь вспоминает своего нового знакомого, называя его уже не иначе как Ноздрев: «Сегодня обедал с редактором “Сибирского вестника” Картамышевым. Местный Ноздрев, широкая натура... Пропил 6 рублей» (П 4, 93).

Поручика Шмидте, с которым Чехов познакомился по дороге на Сахалин на пароходе «Ермак», он характеризует так: «...пехота, высокий, сытый, горластый курляндец, большой хвостун и Хлестаков, поющий из всех опер, но имеющий слуха меньше, чем копченая селедка, человек несчастный, промотавший прогонные деньги, знающий Мицкевича наизусть, невоспитанный, откровенный не в меру и болтливый до тошноты» (П 4, 119).

Долго вынашиваемый Чеховым замысел покупки хутора в гоголевских местах на Полтавщине так и не осуществился. В 1897 году из Мелихова, которое вскоре приобрел Чехов, он пишет: «Имение у меня не важное, не красивое, дом небольшой, как у помещицы Коробочки, но жизнь тихая, не дорогая и в летнее время приятная» (П 6, 362). Другое письмо из Мелихова (А. С. Суворину 21 июня 1897 года) начинается так: «Здравствуйте! Я, нижеподписавшийся, все время сижу дома, у себя в Мелихове и постепенно обращаюсь в помещика Коробочку» (П 7, 17). Заканчивается это письмо словами: «Будьте здоровы и благополучны и, пожалуйста, не забывайте помещика Коробочку» (П 7, 18).

В. Б. Катаев предположил, что где-то в первой четверти 1897 года Чехов еще раз перечитывал Гоголя, так как «в этот период количество цитат из Гоголя, скрытых и явных, в письмах Чехова сильно увеличивается»¹¹. По его мнению, «это

обращение к Гоголю не прошло бесследно для творчества Чехова следующего, 1898 года» и такие произведения, как «Маленькая трилогия» («Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви») и рассказ «Душечка», корнями уходят в «гоголевскую почву»¹².

В творчестве Чехова есть целый ряд рассказов, которые различные исследователи называют гоголевскими, так как они вольно или невольно написаны на гоголевскую тему, в них появляются гоголевские персонажи и образы, гоголевские мотивы и ситуации. Г. П. Бердников указывает в этой связи на рассказы «Дорогая собака», «Толстый и тонкий», «Шило в мешке», «Справка», «Скука жизни», уточняя, что «гоголевскими» их можно назвать лишь условно, «потому что ни один из них не был подражательным»¹³.

А. В. Кубасов отмечает многочисленные стилизации в творчестве Чехова, отсылающие нас к произведениям Гоголя. По мнению исследователя, начало рассказа «Приданое» «почти открыто стилизует начало гоголевской повести “Старосветские помещики”»¹⁴. Как «гоголевский» А. В. Кубасов рассматривает рассказ Чехова «Гусев», в котором, по его убеждению, «следование Чехова за Гоголем отразилось на всем строе»¹⁵.

Рассказ «Сапожник и нечистая сила» – явная пародия на «страшные» повести Гоголя. Этим рождественским рассказом, написанном для «Петербургской газеты» в декабре 1888 года, Чехов символически завершает год, ставший для него «гоголевским».

Обращаясь к одним и тем же явлениям, типам, характерам, что и Гоголь, Чехов в их создании шел другими путями, сотворяя свой неповторимый стиль. Так называемое гоголевское в произведениях Чехова, в типах, в картине русской жизни, нарисованных им, входит в иные связи, преломляется иным образом и становится «чеховским» содержанием. Преемственность разворачивается не столько по линии прямого продолжения идей и образов одного писателя в коллизиях и сюжетных перипетиях другого: здесь явственно то отталкивание, которое Ю. Н. Тынянов считал одним из главных проявлений традиции¹⁶. Наглядным примером является чеховская «Степь» (1888).

Внешнее родство поэмы Гоголя «Мертвые души» и повести Чехова «Степь» отмечалось

¹¹ Катаев, В. Б. Гоголевский год // В. Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники / В. Б. Катаев. – М., 2004. – С. 44.

¹² Там же.

¹³ Бердников, Г. П. Гоголь и Чехов: К вопросу об исторических судьбах творческого наследия Н. В. Гоголя / Г. П. Бердников // Вопросы литературы. – 1981. – № 8. – С. 129.

¹⁴ Кубасов, А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации / А. В. Кубасов. – Екатеринбург, 1998. – С. 46.

¹⁵ Там же. С. 267.

¹⁶ Тынянов, Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. – Л., 1929. – С. 57.

еще при жизни Чехова. Причем близость эта устанавливалась в самом общем виде, часто – намеренно утрированно. Н. К. Михайловский, перефразируя Гоголя и подчеркивая «вторичность» чеховского произведения, писал: «Черт вас возьми, степи, как вы хороши у г. Чехова».

В тексте самой повести нет прямых ссылок на Гоголя, хотя его имя возникает в письмах Чехова несколько раз в связи с работой над ней. В письме Д. В. Григоровичу 5 февраля 1888 года он признается: «Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наерундил немало. Три четверти повести не удались мне» (П 2, 190).

П. М. Бицилли поставил «Степь» особняком в чеховском творчестве как произведение, которое служит лишним оправданием для сопоставления Чехова с Гоголем, и притом отнюдь не только с точки зрения историко-литературной. Она, по словам литературоведа, «составлена отчасти из материала, заимствованного Чеховым из “Мертвых душ” и “Тараса Бульбы”, но материал этот у Чехова подчинен совсем другим целям»¹⁷. Исследователь утверждает, что в отличие от Гоголя, создавшего произведение «значительное» в воспитательном смысле, Чехов создал произведение классически «совершенное», так как в чеховской повести «осуществлен классический идеал искусства – единства в многообразии, органичной целостности, внутренней оправданности каждой мелочи, законченности, завершенности, совершенства»¹⁸.

«Первая страница “Степи” соотнесена с начальным периодом “Мертвых душ” столь откровенно, что о случайном совпадении не приходится и думать. Чехов, конечно, стремился подчеркнуть преемственность и традицию, как бы посвящая “Степь” памяти Гоголя»¹⁹, – утверждает М. П. Громов. Однако это опять-таки лишь внешнее сходство, бросающееся в глаза. А. П. Кузичева²⁰ обратила внимание на глубокую внутреннюю связь двух произведений и провела сюжетно-образные и тематические параллели между ними. Она рассмотрела сближающие «Степь» и «Мертвые души» мотивы денег, богатства, красоты, ожидания.

Обращение Чехова в своей лирической эпопее-энциклопедии русской жизни к центральной теме гоголевского творчества – теме «мертвых душ» – было своеобразной попыткой продолжить

поиски положительного героя, «живой души» для того, чтобы показать несостоятельность упований Гоголя на очищение и воскресение русского человека, которое должно было произойти во второй и третьей частях «Мертвых душ». Единственная «живая душа» в художественном пространстве повести – мальчик Егорушка. Но Чехов не стал продолжать рассказ о его судьбе, хотя по первоначальному замыслу Егорушка, став молодым человеком, закончил бы «непреренно плохим». Таким образом, чеховская повесть художественно доказала невозможность того продолжения, какое было задумано Гоголем. По справедливому замечанию А. П. Кузичевой, «степная поэма Чехова о “мертвых душах” российской жизни по-своему опровергла эти иллюзии Гоголя и тем самым непроизвольно подчеркнула то главное, существенное, что открыл для русской литературы Гоголь»²¹.

По-своему развивая и завершая тему «мертвых душ», Чехов, как было отмечено выше, нигде прямо не называет Гоголя и не упоминает его произведений, но «страшная» история о гибели купцов, убитых из-за денег косарями, поданная в духе Гоголя, мотив продажи души за деньги, прямо отсылают нас к гоголевским повестям и «Мертвым душам». В описание мертвого косаря, польстившегося на чужие деньги, Чехов включает гоголевскую реминисценцию: «Сидит на корточках, голову на колени положил, словно задумавшись, а поглядели – в нем души нет, помер...» (7, 68).

И хотя, в отличие от Гоголя, Чехов не ставит своей целью стать исправителем человеческих пороков, не претендует на знание конечной истины, повесть «Степь» пронизана лирико-философским пафосом, надеждой автора на то, что души людей, растревоженные мечтой о лучшей жизни, не вернутся уже в прежнее состояние скуки и равнодушия.

Таким образом, гоголевское в чеховском мире предстает не в виде изолированных «островков» совпадений или случайных откликов, а прослеживается на всем протяжении творчества Чехова и выражается в образно-тематическом плане, но не в сфере поэтики. Постоянное внимание к художественному наследию Гоголя, систематическое освоение, переработка и творческое развитие его писательского опыта – характерная черта писательской индивидуальности Чехова.

¹⁷ Бицилли, П. М. Гоголь и Чехов: проблема классического искусства / П. М. Бицилли // Литературное обозрение. – 1994. – № 11/12. – С. 43.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Громов, М. П. Чехов / М. П. Громов. – М., 1993. – С. 198.

²⁰ Кузичева, А. П. «Земная, подчас горькая и скучная дорога...» («Мертвые души» Гоголя и «Степь» Чехова) // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература / А. П. Кузичева. – М., 1978. – С. 32–38.

²¹ Там же. С. 33.

Образ Гоголя в интерпретации Ольги Форш (роман «Современники», 1926)

Двадцатые годы XX века в русской литературе – период смелых творческих поисков, литературных экспериментов, определенной авторской свободы и сильнейшего прессинга на писателей большевистской идеологии. Все это в полной мере нашло отражение в исторических романах Ольги Форш (1873–1961), созданных в 20-е годы.

В 1926 году Ольга Форш заканчивает роман «Современники» – о судьбе двух русских художников, писателя Николая Гоголя и живописца Александра Иванова. Автор обращается к одному из самых сложных эпизодов их жизни, к римскому периоду. Для Гоголя – это время «Выбранных мест...» и «Авторской исповеди».

Писательница своеобразно распоряжается фактами жизни своих героев. Небольшой временной отрезок (события в романе происходят во второй половине 1847-го – начале 1848 года) вбирает в себя плотный ряд событий, которые происходили, как отмечает В. Оскоцкий¹, в другое время в другом месте и по накалу страстей, может быть, были не столь острыми. Для исторического романа это довольно смело. Форш не искажает события, не нарушает их достоверность, она их «уплотняет», сгущая действие, достигает в тексте сильного эмоционального напряжения. В контексте очень закрученных, насыщенных событий, полных драматизма, она и создает образ Гоголя. Это образ человека, переживающего и пережившего духовный слом. Отказавшись от своих творений, он ищет высшую правду, но не находит ее. В создании образа писателя Форш делает два акцента. Это, во-первых, диалоги с Александром Ивановым, с которым Гоголя связала в Риме дружба, и, во-вторых, портрет писателя, который дан в своеобразной динамике.

Следует отметить, что Форш в историческом романе мастерски сочетает достоверность, историзм с художественным вымыслом. Главным действующим лицом в романе является вымышленный персонаж Глеб Иванович Багрецов. Образованный дворянин, близкий писательским, творческим кругам, обладающий авантурным складом ума, эгоцентричный, он становится свидетелем духовной драмы Гоголя. Его глазами мы

видим Гоголя сначала в России, перед его поездкой за границу, затем в Риме, где Гоголь мучительно пытается понять, в чем предназначение художника, затем уже в самом финале жизни и Гоголя, и Багрецова. Этот прием позволяет автору быть внутренне раскованной, свободно моделировать черты образа в рамках заданной идеи, не задаваться вопросами: таким ли был Гоголь, правдив ли его образ?

При первой встрече Багрецов отмечает у Гоголя лицо «необыкновенное», «в профиль выраженное носом без меры, оно склонившись в улыбке, с тончайшим лукавством приподнявшей подстриженный ус над губой, вдруг все засеяло в глазах. Небольшие, острые, они прощупывали всю подноготную, на миг вобрали в себя и тут же сплюнули, как плюют шелуху подсолнуха»². Лицо человека, полного душевного здоровья, зоркого, умного. Гоголь шутив, резок, свою речь «припечатывает по-украински крепчайшей печатью» (236), что вызывает грохот смеха среди товарищей. В этой сцене Гоголь полон сил, хотя уже нещадно бит критикой за «Ревизора». В Риме же он уже смотрит «сонно», руку подает пренебрежительно, «мертвую, без рукопожатия» (236). Ольге Форш очень важны глаза писателя. Сияющие, цепкие до римского периода; сонные, потухшие в Риме; глаза, которые могут пробудиться, если этого потребует работа мысли. Ольга Форш находит совершенно неожиданное сравнение при описании взгляда писателя: «Гоголь устремил на Багрецова взор, такой, какого тот никогда у него не видал. Не сверло прозорливца, не мощь гения – глаза женщины-матери, без конца доброй и бережной» (382). Это Гоголь перед поездкой в Ерусалим, не только изболевший душой, метущийся, одинокий, жаждущий любви и понимания, но и полный веры и сочувствия к людям. Об этом взгляде «без конца доброй и бережной матери» (383) Ольга Форш вспомнит в предпоследней главе, в которой рисует последнюю мистически-нереальную встречу Багрецова с больным Гоголем. «Гоголь остановился, подозрительно впервые во все глаза глянул на Багрецова, и тот увидел, что

¹ См.: Оскоцкий, В. «...Века – в нас» (Творческие уроки Ольги Форш) // В кн.: Ольга Форш. Одеты камнем. Современники. Михайловский замок. – М., 1986. – С. 15.

² Форш, Ольга. Современники // В кн.: Одеты камнем. Современники. Михайловский замок. – М., 1986. – С. 235–236. (Далее цитирование текста по данному изданию с указанием страниц в скобках.)

не те у него глаза. Не как в Погодинском саду, острые, вбирающие подноготную, чтобы тут же сплунуть, как шелуху; не играющие хмелем и жизнью, как тогда в Риме, когда подбивал нагрянуть на виллу Волконской “гуртом без никакого зова”... не те, незабвенные, в Сольфатаро, глаза матери, нежной и бережной. Сейчас глаза смотрели и, конечно, все видели, но сами для зрителя были так: зрачок черный, больше обычного в сумерках, голубоватая радужная оболочка и белок. Глаза из любой анатомической книжки, не глаза Гоголя, просто глаза человека» (405–406). Ольга Форш как бы свидетельствует умирание гения. Для Форш Гоголь последних его дней лишь оболочка, его гениальный внутренний мир погиб в борьбе с самим собой. Конечно, не только взгляд, глаза важны для Ольги Форш. Такие детали портрета, как особенный гоголевский нос, болезненно худая кисть руки, шинель, являются основными составляющими внешней канвы образа писателя. Гоголь после возвращения из Италии для Ольги Форш уже «закончившийся» Гоголь. Он при жизни становится изваянием, мертвой фигурой. Без всякого сомнения, такого Гоголя Ольга Форш списывала с известного памятника Николая Андреева, который сегодня спрятан во дворе одного из домов на Никитском бульваре в Москве: «Темным монументом сидел на скамье Гоголь. Складки длинной шинели лубом спадали на землю, скрывая ноги. Из поднятого воротника далеко вперед выключнуло носатое лицо. Глаза как уперлись, не двигались. И будто он весь не дышал» (404). И чуть ниже: «Багрецов не помнил, как они простились и что еще было Гоголем сказано. В памяти осталось одно: раскрытая дверь храма, охваченная пламенем несметных свечей, кровавыми пятнами лампад, и – Гоголь, в темной шинели, отлитый из чугуна, с головой непокрытой, далеко выключнув из воротника длинным носом» (406). «Чугунная шинель» – это для Форш не только умирание гения при жизни, но и заявка на вечность, на бессмертие, которые Гоголю были даны благодаря его гениальности. Неоднозначный символ выбирает Ольга Форш.

Сложной и неоднозначной была и личность Гоголя. Ольга Форш изображает писателя «под налетом собственных тяжких дум» (265), страдающим «просто и больно» (266). В итальянский период Гоголь остро переживает противоречия между религиозным сознанием и творчеством, подвергая сомнению все, что было создано им до поездки в Рим. Сцены бесед Гоголя с другом, художником Александром Ивановым, полны драматического звучания и глубокого философского смысла. В чем истинное призвание таланта, может ли художник творить, оторванным от современности, какова цена мастерства художника – эти и другие вопросы становятся основой бесед двух русских гениев.

Гоголь в период встреч с Александром Ивановым пересматривает свои прежние творческие позиции: «Что мне до того, что Галаган меня славит новым Гомером! Речь женщины, умудренной религией, мне зазвучала глубже... а она что мне сказала? “Ваше фантастическое и смешное еще не есть высокое... Христос никогда не смеялся” Этакая мысль! Да, ее сплеча не срубить одним махом...» (267). «Христос никогда не смеялся» – эта мысль мучает Гоголя. Он гневно бросает Иванову в ответ на его страстное заявление, что непоступится данным ему прозрением раскрыть все, что видит, и докажет миру, что может художник русский, недаром самоотвержение вполне – исконный его удел: «В ущерб спасению души нельзя служить искусству. Еще повторяю: язычество надлежит вырвать хотя бы вместе с сердцем! Да, вырвать и растоптать» (267). Гоголь примеряет на себя лик смиренника: «Отныне мой компас в трудном деле писателя – не отзывы литераторов, а мнение высоко настроенных душ. И скоро я смогу успокоить их, укорявших меня, что чтение “Мертвых душ” – сплошное утопанье в грязи. Грязным двором, ведущим к изящному строению, останется точно лишь первый том... Том же второй...» (268). Он яростно отмахивается от созданного: «Да что вам сдался “Ревизор”? Плевать я на него хотел! Да если б появилась такая мошь, которая съела бы экземпляры “Ревизора”, я бы благодарил судьбу» (269).

Ольга Форш создает многоплановый образ. Временами прежний Гоголь пробивается сквозь лик смиренника, и вспыхивает лукавый взгляд, просыпается желание «шалить, как в лицее» (275), шутить, актерничать. Но длится такое состояние недолго, и вот уже Гоголь сидит, задумавшись, в кресле, уперши руки в колени, положив голову на руки, как часами мог сидеть в одиночестве. Его мучает бессонница, «жестокое принудительные галлюцинации» (274), он нездоров. Перед поездкой по святым местам Гоголь особенно напряжен: «Облитый зеленоватым светом луны, как камень, стоял он (Гоголь). Глаза были прикрыты веками, руки втиснуты крепко одна в другую и прижаты к сердцу. Мука долгая, терпеливая мука, уже изъевшая всю душу, на миг не сдерживаемая упорной волей, проступила на его лице. Надбровные дуги дрогнули. Казалось, слезы хлынут из глаз.

Гоголь тихо сказал:

– Ну что вам толку, если б величайший в музыке Бетховен попытался вам объяснить постигшую его глухоту? Как расскажу, почему слово, недавно зацветавшее под пером, стало вдруг как... колода? А между тем чувство силы в себе необъятное! Но умер Пушкин, мой разрешитель, один он сумел бы разогнать их... несказанные муки мои...» (283).

Упоминание о Пушкине усиливает мотив одиночества Гоголя. Он находится в смятении. С

одной стороны, Гоголь «доходит до конца, считая свободу своего художественного дара греховной и стремясь подчинить дар этот религии» (391), а с другой – не отпускает его мысль, что надо «полюбить дело свое, все равно какое, но с доведением этого дела *до мастерства, до приделов*» (385). Поездка в Иерусалим не приносит облегчения сметенному писателю: «Я удостоился провести у гроба господня целую ночь, но познал лишь одно – как окончательно велика черствость моего сердца. Удостоился приобщиться святых тайн, стоявших на гробе вместо алтаря, – но земное во мне не сгорело, а небесное в меня не вступило. Сонно и смутно было в душе. Где-то в Самарии сорвал цветок, в Галилее другой, в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России на станции... Так-то. Да и блохи покусывали, прегустая там, знаете, кавалерия...» (405).

Опустошенным предстает перед читателями Гоголь после возвращения из Италии, без ответа на самые главные вопросы: писать или не писать, следовать своему гению или подчинить себя религии? «Отец Матфей приказал мне совсем не писать. Я спротивился. И вот... Дальше противиться нет сил: перо как колода. Мысли все вихрем. О, как же мне быть?» (412). Эти горькие слова обращает Гоголь все к тому Багрецову, свидетелю его итальянских мук, не другу, не товарищу по писательскому поприщу, не близкому человеку, а просто наблюдателю, недоброму и холодному душой. Ольга Форш так, на наш взгляд, подводит итог жизни Гоголя: одиночество, пустота, крах, отчаяние.

Удивительно написана в романе последняя встреча с Гоголем. В реалистический роман врывается ирреальность, что-то по-гоголевски фантастико-мистическое. Сам Гоголь изображен на грани реального человека и фантома: «Метель рвала, ухала. Метель хотела скрутить в смерч этот дом. Хлопал слетевший ставень, и по крыше топали то босые, то медные ноги. Завыл пес. Гоголь вырос и, пятась к дверям, как посыпают из щепотки табак, закрестил вокруг мелким крестом: «Сгиньте... У входа он высунул из шинели сухую, голую до локтя руку. – Открой! – приказал Багрецову так властно, что тот, хотя пьяный, не посмел ослушаться, снял крюк, щелкнул ключ. Гоголь исчез. – Да как же я выпустил? Да он без лошади... Багрецов схватился за голову и осел прямо на пол рядом с персидским халатом. – Вставай, беги за ним, Пашка, беги, – тербил он химика, уснувшего камнем, – беги, вороти! – Да кого, Глеб Иванович? Никого тут и не было. Вы да я. Выпивали да спали. – Гоголь был, прошептал Багрецов, – Гоголь... – И, падая навзничь, Багрецов стукнул затылком об пол. В тот же миг внизу стенного зеркала нацелились в комнату две огромных, новой кожей подбитых подошвы» (413–414). Гоголь растворяется в метели и в болезненном сознании Багрецова, уходит из реальной жизни в вечность.

Ольга Форш, создавая образ Гоголя, отвечает на вопрос, какова «цена мастерства по нравственному счету, в чем истоки его жизнестойкости?»³ Образ Гоголя осмыслен автором «как трагедия самоотречения писателя, изменившего своему дару под тяжким бременем раздирающих его сомнений в возможностях таланта, в преобразующей силе творчества»⁴.

³ Оскоцкий, В. «...Века – в нас» (Творческие уроки Ольги Форш) // В кн.: Ольга Форш. Одеты камнем. Современники. Михайловский замок. – М., 1986. – С. 14.

⁴ Там же.

РАЗДЕЛ II

Проблемы зарубежной лингвистики и методики преподавания иностранных языков

Сравнительный лингвистический анализ понятия «душа» в английской и русской языковых культурах

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, лень, сострадание, самопожертвование – вот, пожалуй, главные составляющие русского характера. В современном русском языке все это выражается словами: «тоска», «удаль», «загул» и т. д. Безусловно, на сегодняшний день данная область исследования очень актуальна в связи с тесным проникновением западной культуры в некогда скрытую за «железным занавесом» советскую культуру.

Мы живем на пороге новой эры, когда человечество делает все новые и новые предпосылки к тесному взаимодействию стран и их культур, так или иначе сталкиваясь со сложностью восприятия друг друга. Соответственно, исследуемая проблема позволит лучше разобраться в менталитете русского и западного миров.

Ни для кого не секрет, что русские ставят душу превыше всего остального. Но что такое русская душа? Чем она отличается от всех других? Почему русские отличаются от других народов?

Американские антропологи ввели понятие «русскость» (“Russianness”), чтобы сделать попытки обнаружить скрытые и явные манифестации того или иного типа поведения, способного в сжатой форме передать суть русской культуры и понятие «русской души». На мой взгляд, работа «Россия и душа: исследование», написанная американским антропологом Дэйл Песмен на основе ее этнографического отказа воспринимать другую культуру в качестве сложившейся концептуальной постройки, жаждущей квалифицированного эксперта, способного произвести ее «насыщенное описание», является ярким тому примером¹.

Русская исследовательница Елена Хеллберг-Хирн, живущая за рубежом, основной задачей своей книги «Почва и душа: Символический мир русского» считает воспроизводство «разнообразных символов и стереотипов русского (Russianness) в виде когнитивной карты (mind-map)

обширной мифологической структуры, ветви которой простираются в разные направления»².

Разумеется, попытки вместишь культурологический анализ «русской души» в рамки психо-географической риторики, взятые сами по себе, вряд ли смогут вызвать какое-либо возражение. За исключением излишней метафоричности, на мой взгляд, исследование Хеллберг-Хирн может служить хорошим примером определенного академического жанра. Исследуя «русскую душу», она делит русских на три типа:

1) формы практической идентификации определенной группы людей;
2) повествовательные и сюжетные традиции, сложившиеся в письменных и устных текстах русской культуры;

3) продукт аналитической и интерпретационной деятельности самой исследовательницы.

Будучи тесно взаимосвязанными, эти три типа «русского» крайне далеки от того, чтобы зеркально воспроизводить очертания и логику друг друга.

Проблемой души в той или иной степени занимались также многие русские религиозные философы: Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др. По мнению Н. А. Бердяева, «для русской души, в первую очередь, характерна антиномичность. Кроме того, она – аскетична, стихийна, пассивна, жертвенна, смиренна, в ней присутствует “вечно бабье”, странническое, жаждущее града небесного»³. Для философа Н. О. Лосского **душа** – субстанция, носитель не физических, а душевных явлений, чувств, мышления.

Философ считает, что душа как идеальное бытие не обладает ни временными, ни пространственными определениями. Она не только находится вне времени и вне пространства, но и господствует над ними, так как ей характерны сверхвременность и сверхпространство.

Насколько нам известно, в английском языке присутствует два понятия, обозначающие «дух» (душу, духовное начало): «**spirit**» и «**soul**». В некоторых случаях используются слова «**mind**» и «**heart**», которые также имеют схожее семантиче-

¹Pesmen, Dale. *Russia and soul: an exploration [Текст]* / Dale Pesmen. Cornell University Press, New York., 2000. – P. 37.

²Hellberg-Hirn, Elena. *Soil and Soul: The Symbolic World of Russianness[Текст]* / Elena Hellberg-Hirn. – Great Britain., 1998. – P. 123.

³Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: «Русские словари», 1996. – С. 137.

ское значение. Английский язык и прагматичен, и в то же время довольно аристократичен, под стать чопорности самих англичан. Как правило, основное использование «**spirit**» и «**soul**» можно увидеть в поэзии и религии, однако фразеологизмы и фразеологические сращения – явление более частое.

К вопросу **души** в английском языке относятся и морально-этические нормы, хотя чаще они используют «**mind**» или «**heart**», а также вопрос искусства: музыка, живопись, скульптура – одним словом, все то, что создается «душой», «от души» или «для души».

Не раз говорилось о том, что концепт «**soul**» может быть заменен на «**heart**», «**mind**» или «**spirit**», однако существует ряд обратных примеров. Фразеологизм «**American Spirit**» на следующем примере был обыгран за счет понятия «**soul**» и нисколько не потерял своего значения: «...the soul of the American people» – ...душа американского народа⁴.

Со словом «**soul**» существует множество фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Понятие «**soul**» настолько глубоко проникло в сознание англичан и корни английского языка, что часто люди не задумываются над тем смыслом, который был вложен в суть той или иной фразы. Многие из них сложились исторически:

1. «*Soul*» в значении «*Душа, дух*»:
 - Twin soul – родственная душа;
 - To be the soul of – быть душой (чего-либо);
 - I have no soul – быть бездушным, бесстрастным.
2. «*Soul*» используется для передачи эмоциональности, яркости или в значении «*правда, честность*»:
 - Upon my soul! – честное слово! клянусь!;
 - Bless my soul – господи! (восклицание, выражающее удивление).
3. «*Soul*» в значении «*человек, существо*»:
 - ♦ Good soul – хороший человек;
 - ♦ Dear soul – дружище, старина;
 - ♦ Honest soul – честный человек;
 - ♦ Poor soul – бедняга, и другие⁵.

Одним словом, все эти образования возникли за счет присоединения «**soul**» к прилагательным, которое и придало значение «человек, личность». Подобных словосочетаний в английском языке бесчисленное множество благодаря легкой адаптации концепта «**soul**» и гибкому изменению первоначального значения. В русском языке

такое явление мало распространено, как правило, мы используем сочетания со словами «человек/личность»: исключением, пожалуй, являются устойчивые словосочетания и обращения к кому-либо, например, «добрая душа».

Как было сказано выше, благодаря своей адаптации слово «**soul**» используется не в прямом значении, а фигурально, порой не имея какого-либо прямого перевода в выражении, но дополняя и придавая экспрессивность.

Несмотря на обилие эквивалентов в английском языке, тем не менее «**soul**» занимает первое место по количеству переводов в значении «**душа**», что подтверждается обилием устойчивых словосочетаний:

- To sell one's soul – продать душу;
- inventive soul – выдумщик, лгун, сплетник;
- soul mate – родная душа, единомышленник;
- for the good of one's soul – для души⁶.

Некоторые словосочетания с понятием «**soul**» образовались во время борьбы за права темнокожих после Второй мировой войны в США. И они изобилуют скрытым подтекстом: «soul music» – соул, негритянская музыка; «soul sister» – сестра по цвету кожи, черная сестра; «black soul» – дрянная душонка. Правда, с учетом политкорректности в последние годы о коннотациях данных выражений стараются не вспоминать.

Вторым в конечном итоге можно выделить концепт «**spirit**», также прочно утвердившийся в языке благодаря доминированию долгие годы католичества на территории Великобритании. Сам термин «**spirit**» вышел из Библии, чему есть неоспоримое доказательство в виде фразеологизма «the Holy Spirit» (Святой Дух): «emulative spirit» – дух соревнования; «competitive spirit» – боевой дух; «spirit guide» – дух-наставник; «unclean spirit» – злой дух, демон; «to be in high / good spirits» – быть в духе.

Необходимо принять во внимание и те слова, которые соответствуют по своей смысловой нагрузке понятию «духовного, внутреннего мира» в русском языке – это «**mind**», «**heart**» и другие. Им достается третье место, как наиболее соответствующим смыслу концепта «душа»:

- душа в душу – «in perfect harmony»;
- беречь душу – «to stir up old feelings»;
- брать грех на душу – «to have a sin on one's conscience»;
- брать за душу – «to touch smb.'s heart»;
- отдыхать душой – «to find peace of mind»⁷.

⁴ Литвинов, П. П. *Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений* / П. П. Литвинов. – М.: «Яхонт», 2001. – С. 283.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ Алехина, А. И. *Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь* / А. И. Алехина. – Мн.: БГУ, 1980. – С. 167.

⁷ Литвинов, П. П. *Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений* / П. П. Литвинов. – М.: «Яхонт», 2001. – С. 287.

Приведенный материал наглядно показывает, что из 34-х фразеологизмов (список далеко не полный) со словом «душа» 15 переводятся на английский язык словом «heart» (сердце) и только четыре – словом «soul». «**Душа**» и «**soul**» совпадают в переводе в основном в значении «человек» (ни души – «not a soul»). Русские фразеологизмы со словом «душа» широко употребительны, особенно в разговорной речи, в то время как многие сочетания со словом «soul» имеют пометы «устаревшее» или «rare» (редкое).

Данный факт можно объяснить различием в этническом стереотипе восприятия этого понятия: если у англичанина «душа» ассоциируется чаще с религиозным понятием, то в сознании русского – это не столько «божественное», сколько «человеческое», то есть он связывает ее с психологическими процессами, происходящими внутри единого человека. Разница в представлениях влияет на стилистическое употребление слова «душа» в русских и английских фразеологизмах. Если в русском языке имеется вся палитра стилей при употреблении этого слова – **от самого высокого до самого низкого**, то в английском языке наблюдается трепетное отношение к этому слову, и поэтому английские фразеологические выражения со словом «**душа**», как правило, относятся к нейтральному или высокому стилю.

Проводя исследования по данной теме, мы, во-первых, смеем сделать вывод, что придуманный образ русского человека, «русской души» стал проецироваться на реальный русский народ и вызывает неоспоримый интерес для исследований зарубежных ученых-антропологов и даже политических деятелей. Так, например, современный американский историк Джеймс Биллингтон, директор библиотеки конгресса, выразил состояние «русской души» двумя словами, вынесенными в заголовок своей книги «Икона и топор»⁸. Как он отмечает в книге, суть в том, что русские непременно подвержены крайней полярности своих поступков. «Чувство всеобщей связи и сопричастности всему имеет своим следствием то, что спор, который обычно разворачивается на Западе между разными людьми, в России часто происходит в душе одного человека», – пишет Биллингтон. Директор библиотеки конгресса – один из ведущих интеллектуалов нашего времени. Но, сводя все к понятной западному человеку прямолинейной оппозиции

«добро–зло», Биллингтон не учитывает, вероятно, главную составляющую русской души. Ее всеохватность, космизм просто не вмещаются в представления представителя прагматического протестантского Запада, а потому выпадают из стереотипа.

Во-вторых, попытки разобраться с загадками «русской души» стали особым жанром западной русистики. Рассмотренные нами книги демонстрируют несколько разных исследовательских стратегий. Так, для Елены Хеллберг-Хирн решающей является способность поддерживать дистанцию между «исходным материалом»⁹ и его финальной концептуализацией. Для многих американских антропологов значимым является сохранение гносеологической иерархии, в которой авторская схема не только занимает вершину, но и выдается за единственно возможную. И как мы видим, для Дэйл Песмен характерно стремление сохранить хрупкий баланс, при котором рефлексия собственных впечатлений не остается в тени описаний культуры, давших жизнь этим рефлексиям, но и не подменяет собой эти описания. Может, именно благодаря несовпаемости этих исследовательских подходов и ролей «русская душа» и сохраняют свою загадочность.

Ну и наконец следует отметить, что в последнее время для всех довольно-таки заметны перемены в России. Так, англичанин Кристофер Грэм, генеральный директор компании «Educating and Training International», проводивший тренинг в Москве «From Net to Da. Understanding the Russians» («От “нет” до “да”. Как понять русских»), отмечает: «Внешние перемены в России фундаментальны, но изменений ментальных у россиян я не замечаю». Так, например, в бизнесе «загадочная русская душа» преподносит иностранцам много не вполне приятных сюрпризов. По его наблюдениям, в отличие от Америки русские не расплываются в улыбку по поводу и без. В России не принято делать хорошую мину при плохой игре. У русского человека все эмоции написаны на лице.

Таким образом, исходя из вышеизложенных фактов, изучая «русскую душу», мы можем сделать вывод, что в работах американских антропологов русскость остается неподатливым, бессознательным, изменчивым, неопределенным и самоотрицающим феноменом, не переводимым в прозрачные термины и универсальные формы.

⁸Billington, J. *Icon and Axe*. J. Billington [Текст] / J. Billington. – Washington, USA, 2000. – P. 27.

⁹Hellberg-Hirn, Elena. *Soil and Soul: The Symbolic World of Russianness*[Текст] / Elena Hellberg-Hirn. – Great Britain., 1998. – P. 123.

Реклама как объект исследований в русле прагмалингвистики

Проблемы, возникающие при описании языка в его прагматической функции, приобретают известную двусторонность: изучение способности эффективного воздействия (создание и исследование прагматически ориентированных речевых произведений) и эффекта этого воздействия (психологический факт – факт восприятия). В этой связи необходимо коснуться вопроса о психолингвистических особенностях текстов массовой коммуникации, в частности, рекламных текстов.

Изучение психолингвистических механизмов восприятия сообщений в условиях массовой коммуникации занимает в психологии пропаганды и массовых коммуникаций особое место. Важно, отвечая на вопрос, каким образом протекает процесс восприятия, сначала получить ответ на вопрос «что воспринимается?».

Для описания коммуникативного процесса важны направленность и информированность сообщения, которые, как представляется, являются величинами относительными и определяются семиотической группой их воспринимающих, а также и прагматически релевантными параметрами самого речевого произведения. В зависимости от содержания сообщение может быть направлено либо отдельным лицам, индивидам, либо группе людей, представляющих потенциальное множество получателей сообщения. Направленность сообщения имеет принципиальное значение и «находит свое выражение в классификации коммуникативных процессов на аксиальные и ретиальные»¹.

Как известно, пресса, телевидение, радиовещание, реклама вовлекают в ретиальные процессы широкие массы людей, что и объясняет их общественно-психологическое и идеологическое значение.

Процесс восприятия, эффективность восприятия речевого сообщения могут рассматриваться с учетом той роли, какую играют составляющие коммуникативной системы: предполагаемый или реальный реципиент сообщения, личность коммуникатора и сам текст. Под текстом в коммуникативной системе в данной работе подразумевается некоторая система коммуникативных элементов, функционально (то есть для данной

конкретной цели) объединенных в единую замкнутую, иерархическую семантико-смысловую структуру общей концепцией или замыслом.

Рекламные же тексты функционируют в весьма специфической социальной ситуации общения. Являясь средством как информации, так и убеждения, рекламный текст должен быть принят массовой и неоднородной аудиторией, имеющей различные возрастные группы, разную семиотическую подготовку, разные убеждения и взгляды, эмоциональные состояния в момент восприятия рекламного текста, и тем не менее язык воздействия должен быть тем сильнее, чем меньше требуется умственных усилий для его восприятия.

Все требования, предъявляемые к рекламным текстам, а также ограничения соответствия/несоответствия реальной действительности, соответствия/несоответствия языковой норме находят свое выражение в выборе лингвистических средств. По мнению исследователей рекламы, в частности, английской, языковые средства варьируют в зависимости от того, рекламируются ли это отдельные продукты деятельности человека или виды услуг, или даже целая фирма². Несколько иной и более корректной представляется точка зрения авторов книги «Variety in Contemporary English»³, согласно которой средства, используемые рекламой (телевидение, печать, радио), создают якобы впечатление о существенных различиях в соответствующих текстах. Но тщательное исследование показало, что существуют все же причины, «размывающие» предполагаемые различия: 1) простота рекламных текстов, причиной которой является частое использование разговорной речи; 2) первоначальное создание любого рекламного текста в письменном виде. На первый взгляд звучащие спонтанно тексты являются результатом не только мастерства, но и долгого обдумывания и подготовки; 3) взаимовлияние между радиорекламой и журнальной, телерекламой и плакатной.

Возвращаясь вновь и дополняя самую общую картину рекламных текстов, уместно заметить, что механизм психологического воздействия на массовую аудиторию с определенной целью являет собой основополагающую черту всех

¹ Брудный, А. А. О некоторых приложениях теории информации / А. А. Брудный. – М.: Мысль, 1999. – С. 74.

² Гурская, Н. А. К проблеме исследования языка английской рекламы / Н. А. Гурская. – М.: Просвещение, 1987. – С. 26.

³ O'DONNEL Variety in Contemporary English / O'DONNEL and LORETO TODD. – London, 1989. – С. 112.

рекламных текстов. При этом рекламный текст должен обладать определенными качествами: он должен привлечь информируемого, удержать его внимание, обладать хорошей запоминаемостью, и, наконец, он должен подвести реципиента к необходимости совершения желаемого рекламодателем действия.

Функционирование механизма воздействия осуществляется, безусловно, языковыми средствами. Это находит свое выражение в специфике композиционного построения рекламных текстов, в избирательном подходе к лексическому материалу, предпочтительному употреблению определенных грамматических и просодических средств, употреблению всевозможных стилистических приемов.

Кроме названных выше фактов, обуславливающих создание и функционирование рекламных текстов, рекламодатель обязан учитывать еще один немаловажный фактор – дефицит времени. При нейтрализации этого фактора появляется одна из черт, присущая всем рекламным текстам, – субстантивность, то есть более высокий процент употребления существительных по сравнению с другими частями речи.

Для примера приведем следующий текст:

Fresh as a breeze through blossom, lemon blossom. New lemon bouquet. New lighter fragrance in your body mist spray. Effective freshness that lasts and lasts. Body mist deodorant. Now in two exciting fragrance new lemon bouquet in the yellow park, perfume you know in the park. Body mist.

В приведенном примере 46,3 % приходится на долю существительных и лишь 5,6 % – на долю глаголов. Такое преимущественное употребление существительных приводит к реализации словосочетаний, обладающих всеми качествами предложения.

Видимо, в рекламных текстах языковые средства предикативности частично заменены неязыковыми. Как справедливо считает Е. Ф. Тарасов, «сам рекламный текст, являющийся знаком определенной ситуации, однозначно соотносит содержание текста с неязыковой действительностью»⁴.

Другой неотъемлемой чертой синтаксических выразительных средств рекламных текстов является эллипсис, помогающий выделить наиболее значимые элементы сообщаемого, например:

New lighter fragrance in your body mist spray.

Своеобразная эмоционально-экспрессивная компрессия достигается и другими синтаксическими конструкциями. Например, асиндетон, для

которого характерен пропуск служебных слов и грамматических элементов, придает выражению наиболее энергичный характер и тем самым влияет на эмоциональную сторону высказывания.

Одной из часто встречающихся в рекламных текстах синтаксических конструкций является повтор, то есть повторение элемента с целью привлечения к нему внимания: Only Hoover gets out grit like this because only Hoover has this built-in carpet beater. Only Hoover gets out dust, fluff and damaging grit...

Говоря о повторе, избыточности в рекламном тексте, нельзя не упомянуть и такую конструкцию, как полисиндетон, призванный придать сообщению большую важность: You don't let on that you've noticed that they have noticed that there is something about you this summer which wasn't there before.

Более детальное исследование синтаксических особенностей рекламных текстов позволило Н. А. Гурской⁵ выделить недосказ, зевгму как те средства, которые также придают рекламному тексту особую лаконичность, эмоциональность и неповторимость.

Суммируя вышеприведенные характеристики рекламных текстов, общий грамматический «портрет» последних можно выразить следующим образом: сложность номинативных конструкций обеспечивает общую грамматическую простоту предложений рекламных текстов.

При анализе лексического материала исследуемых речевых произведений необходимо помнить, что их создатель апеллирует не к логике реципиента, а к его эмоциям, и это вынуждает автора рекламы использовать такие языковые средства, которые в других речевых ситуациях с такой же целью не употребляются.

Согласно исследованию, сделанному на материале английской рекламы Дж. Личем⁶, можно сделать вывод, что следующие прилагательные являются наиболее употребительными в рекламной практике: *new, good (better, best), fresh, special, fine, great, real, easy, bright, exclusive*, то есть прилагательные, семантическое значение которых манифестирует явное превосходство качества рекламируемого предмета.

Несмотря на указанную выше субстантивность рекламных текстов, все же существует группа глаголов, наиболее часто употребляемых в рекламе: *use, feel, like, buy, keep, choose, know, taste, see, go, need, bring, show*, то есть глаголы, которые выражают и эмоциональное отношение к рекламируемому товару, и весь комплекс

⁴ Тарасов, Е. Ф. Психолингвистические особенности языка рекламы / Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1989. – С. 96.

⁵ Гурская, Н. А. Структурно-семантические и морфологические особенности словесных товарных знаков (на материале английского языка) / Н. А. Гурская. – М.: Просвещение, 1989. – С. 84.

⁶ Leech, G. *English in advertising. A linguistic study of advertising in Great Britain* / G. Leech. – London: Longman, 1986. – P. 32.

действий, приложенных к объектам бытовой рекламы: заметить, показать, оценить, выбрать, купить.

Говоря о лексических характеристиках рекламных текстов, нельзя не упомянуть о метафоризации, которая не столько придает рекламируемому явлению дополнительную окраску, сколько является средством, возбуждающим у реципиента желаемую эмоциональную реакцию.

Отличительной чертой рекламных текстов в описываемом плане является то, что метафорическому переносу подвергаются почти все части речи, поэтому метафоры, функционирующие в рекламных текстах, могут подразделяться на субстантивные, глагольные, адъективные и адвербальные. Тесно переплетаясь друг с другом, олицетворение и метафора придают рекламным текстам динамический характер: *Maxi Fresh looks beautiful all day. The interest does not rest.*

Исследуя психолингвистические особенности рекламных текстов, то есть особенности, которые могут быть присущи текстам, имеющим прагматическую ориентацию, нельзя не упомянуть об исследовании, проведенном И. В. Грилихес на материале англоязычной бытовой рекламы с целью анализа и описания прагматических особенностей минимальных синтаксических единиц, под которыми автор понимает предложение⁷.

Справедливо соотносить функции каждой статистической единицы (предложения) с функциями прагматических знаков. Однако и вся теория знакового характера языка относится к вербальным единицам, и И. В. Грилихес с полным правом и совершенно корректно описала строение *печатной* рекламы с точки зрения основных законов и положений лингвистической семиотики. Анализ же просодических характеристик рекламного текста, устного текста, обладающего не меньшей прагматической силой, дает возможность сделать выводы.

Во-первых, говоря о просодических характеристиках, представляется возможным предвидеть в них проявление эмоциональной речи, что, очевидно, должно сказаться в предпочтительном употреблении определенных просодических структур.

Во-вторых, нельзя не обратить внимание на тот факт, что рекламные тексты часто звучат по радио и независимо от тех черт, присущих только рекламе, для них должны быть характерны и те особенности, которыми обладает любой материал, звучащий по радио.

В самом деле радиоаудитория не поддается непосредственному «заражению», поэтому и обращенность к ней должна быть иной, нежели при прямом контакте. И, как справедливо считает А. А. Леонтьев, «необходимо не только привлечь внимание (интерес), но и постоянно поддерживать его»⁸.

Можно предположить, что именно просодические средства способны выполнить наряду с другими функциями и апеллятивную, и функцию удерживания внимания в прагматически ориентированном устном тексте. То есть одни фразы могут рассматриваться как апеллирующие средства, другие же – как средства удерживания внимания.

Разная функциональная нагрузка определенных групп фраз в рекламном тексте предполагает «расслоение» последнего на функционально значимые участки (конституенты), что позволяет говорить о просодической членимости текста.

Как справедливо считает И. Р. Гальперин, характер подобной членимости «зависит от многих причин, среди которых не последнюю роль играют размер частей и содержательно-фактологическая информация, а также прагматическая установка создателя текста»⁹. Представляется очевидным, что при рассмотрении прагматического аспекта устного текста именно последний фактор, приведенный И. Р. Гальпериным, является основополагающим.

⁷Грилихес, И. В. *Прагматические и лексико-синтаксические особенности рекламных текстов* / И. В. Грилихес. – М.: Наука, 1987. – С. 68.

⁸Леонтьев, А. А. *Особенности общения по радио и телевидению* / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1994. – С. 213.

⁹Гальперин, И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования* / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1989. – С. 87.

Роль имени собственного личного в филологическом анализе англоязычного художественного текста

Изучение английского языка во всем его многообразии, выявление особенностей его состава, структуры и функционирования в речи возможны лишь в результате филологического анализа текста. Обратимся к некоторым базовым понятиям этого направления лингвистических исследований.

Филологический анализ текста применим к самым разнообразным речевым произведениям. При этом учитывается принадлежность текста к тому или иному функциональному стилю и жанру, тому или иному национальному варианту английского языка и, наконец, той или иной исторической эпохе. Наибольший простор для мысли предоставляют, однако, произведения художественного стиля, в котором, как известно, часто используются черты и формы, характерные для других функциональных стилей.

Ключевое понятие *текст* (от латинского *textus* – «ткань, сплетение, соединение») в современной науке имеет широкое и узкое значения. В широком, семиотическом, понимании текст – это осмысленная последовательность любых знаковых единиц в обрядах, ритуалах, танцах, любой семантически наполненный фоно- или видеоряд. В узком, лингвистическом, понимании текст – это последовательность вербальных знаков¹. Вербальный текст может быть устным и письменным. Хорошо известно определение письменного текста, данное И. Р. Гальпериным:

«Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную установку»².

Второе ключевое понятие коренится в определении «филологический», которое с точки зрения истории филологии восходит к прилагательному «philologos» – «любящий научное рас-

суждение». По определению Ю. С. Степанова, «филология есть область гуманитарного знания, непосредственным предметом изучения которой служит главное воплощение человеческого слова и духа – сообщение, и наиболее совершенный вид его – словесный письменный текст. При этом филология имеет дело исключительно с текстами, обращенными к читателю, хотя бы и неопределенному. Текст, в принципе лишенный адреса, никакого отношения к филологии не имеет – понять его невозможно»³.

Тексты также различаются по степени своей приближенности и отношению к действительности. Как продукт естественного языка тексты являют собой *первичную моделирующую систему*. С их помощью мы учимся понимать окружающий мир и узнаем имена явлений и предметов объективной действительности. Такие тексты отражают мир в системе общепринятых понятий.

Художественные (литературные) тексты представляют собой *вторичную моделирующую систему*. В них рефлексия об объективном мире сочетается с вымыслом, становясь способом передачи авторского отношения к персонажам и описываемой действительности. Такие тексты отражают художественную модель мира в системе субъективно-авторских образов. Художественный текст обладает характерной внутренней связью и специфическими формами, передающими замысел автора.

Существенным характерным признаком текста выступает его когерентность («coherence»), обеспечивающая ему семантическую целостность и тематическое развитие. Среди факторов текстовой когерентности особое место занимают различные средства выдвижения (актуализации, эмфазы). Выдвижение способствует тому, что внимание читателя концентрируется на таких элементах сообщения, которые несут в себе актуальную с точки зрения авторского замысла информацию. Различаются два основных типа выдвижения: а) конвергенция выразительных средств и стилистических приемов и б) сильная позиция.

¹ Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5–39.

² Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – С. 18.

³ Степанов, Ю. С. Слово. Из статьи для Словаря концептов («Концептуария») русской культуры [Электронный ресурс] / Ю. С. Степанов // http://www.rvb.ru/philologica/01rus/01rus_stepanov.htm. – С. 29.

По типу выдвижения имя собственное личное относится к элементам сильной позиции. Это объясняется как ингерентными свойствами антропонимов, так и особенностями их функционирования в художественных текстах.

Имена воспринимаются людьми как неотъемлемая часть человеческой личности. Посредством называния человека в нашем сознании воспроизводится мысль о конкретных качествах именуемого, его индивидуальности. «Собственное имя, – пишет Е. Курилович, – например, Сервантес, связанное с одним конкретным индивидуумом, принципиально, не приложимо к другим индивидуумам. Вместо того чтобы просто обозначать, как все имена нарицательные, имя собственное называет»⁴. Иными словами, имя личное отождествляется со сведениями о человеке, который его носит. Имя свидетельствует о достоинствах индивидуальности и служит «своего рода узнаванием», и при этом оно «отличает своего носителя от всех остальных людей»⁵. Каждое имя имеет значение и смысл. Значение имени (номинант или референт) составляет обозначаемый им предмет. Смысл (концепт) имени представляет собой способ, каким имя обозначает предмет, то есть составляет некую информацию о нем⁶.

А. А. Ивин дает следующее определение имени с логической точки зрения: «Имя – это выражение языка, обозначающее отдельный предмет, совокупность сходных предметов, свойства, отношения и т. д.»⁷. Имена – необходимое средство познания и общения, которые связывают тонкую нитью язык и реальную действительность. Издавна люди всегда склонны были соотносить свои имена с чем-то конкретным и священным. Психолог Л. Леви-Брюль, занимаясь концепцией первобытного мышления, указывал, что «индеец рассматривает свое имя не как простой ярлык, но как отдельную часть своей личности, как нечто вроде своих глаз и зубов»⁸.

В художественном тексте столь тесная «спаянность» между именем и именуемым становится основой для реализации авторской модальности и прагматического намерения. Имя утверждает, имя разъясняет, имя вопрошает, имя сообщает. Входя в текст изначально как нейтральный элемент, имя постепенно насыщается множественными смыслами и содержанием: оно начинает «состоять» из различных оценочных определе-

ний (ср.: *O. Twist – the pale child, the little boy, the miserable boy, the orphan*).

Сильная позиция антропонимов способствует тому, что читателю, когда открыто, когда исподволь, «навязывается» авторская точка зрения, что, в частности, объясняется особенностями их употребления в синтаксических конструкциях (высказываниях).

В высказывании имя используется как подлежащее и как предикат. Общим свойством имен собственных в предикативной позиции является то, что они являются параметрическими, осуществляя при этом экспликацию некоторого эталонного признака. В позиции предиката антропоним всегда используется нереферентно, и поэтому не только называет лицо, но также информирует о его свойствах и особенностях⁹. Ср.:

«*When he was twenty-three Mr. Hart – one of the gray-haired men who like to say “Now there’s a boy” – gave him a guest card to the Sherry Island Golf Club for a week-end*» (Fitzgerald, 1979: 79).

«*One minute he had the sense of being a trespasser – in the next he was impressed by the tremendous superiority he felt toward Mr. T. A. Hedrick, who was a bore and not even a good golfer any more*» (Fitzgerald, 1979: 81).

Из примеров видно, что знания о субъекте не ограничиваются только его идентификацией, напротив, имя человека соотносится с конкретными его свойствами и личностными или профессиональными характеристиками. В таких случаях авторское видение предлагается читателю в открытой, эксплицитной, форме.

В позиции подлежащего собственное имя в наибольшей степени реализует свои денотативные возможности, «выступая в качестве знака, тесно связанного с самим называемым предметом без экспликации каких-либо особенностей, присущих данному лицу»¹⁰. Например: «*Jemina Tantrum watched him entranced*» (Fitzgerald, 2000: 103). Однако даже в этих случаях некоторое обосложение семантической структуры антропонимов возможно, особенно если автор сознательно транспонирует в нее звукографический компонент означаемого. Например: «*Fifty years before old Jem Doldrum and old Jem Tantrum had quarreled in the Tantrum cabin over a game of slapjack*» (Fitzgerald, 2000: 107). Здесь фактором выдвижения становится сама «звуковая се-

⁴ Курилович, Е. *Очерки по лингвистике (русский перевод)* / Е. Курилович. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 252.

⁵ Кон, И. С. *В поисках себя: Личность и ее самосознание* / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – С. 43–44.

⁶ Гетманова, А. Д. *Логика. Для педагогических учебных заведений* / А. Д. Гетманова. – М.: Добросвет, 2000. – С. 21.

⁷ Ивин, А. А. *Логика* / А. А. Ивин. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – С. 38.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Василевская, Л. И. *Синтаксические возможности имени собственного* / Л. И. Василевская // *Лингвистика и поэтика*. – М.: Наука, 1979. – С. 146.

¹⁰ Там же. С. 137.

мантика» имен, создающая фантасмагорический образ ссорящихся сиамих близнецов, совсем в духе гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Одним из кардинальных вопросов, связанных с ролью имен собственных личных в филологическом анализе художественного текста, является определение той доминантной функции, которую они в нем реализуют.

Функции языка, как подчеркивает В. А. Аврорин, «есть практическое проявление сущности языка, реализация его значения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой»¹¹.

Функции языка образуют систему, звенья которой взаимообусловлены между собой.

А. А. Реформатский полагал, что ведущая функция имен собственных – номинативная, в то время как имена нарицательные выполняют, прежде всего, семасиологическую функцию, то есть они выражают понятие о том или ином предмете¹². В данном утверждении не учитывается, однако, то обстоятельство, что имена собственные могут выполнять сразу несколько функций, идентифицируя субъект речи и, например, реализуя поэтическую функцию.

Сущность поэтической функции заключается в направленности внимания на сообщение ради него самого. Так, Р. Якобсон считал, что каждый речевой акт определенным образом преобразует описываемое событие. Более того, он считал поэтичность не просто дополнением речи, проявляющимся в своеобразных риторических украшениях, но и видел в ней эффективный способ переоценки речи и ее составных элементов.

Для изучения поэтической функции следует, по мнению исследователя, определить ее место в общей системе языка: «Поэтическая функция является не единственной функцией словесного искусства, а лишь его центральной определяющей функцией, тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент». Данная функция, усиливая осязаемость знаков, углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами. Лингвистам не следует ограничиваться только областью поэзии при изучении поэтической функции, поскольку тогда исследование будет носить «упрощенческий характер»¹³.

В контексте художественных произведений имена собственные служат своеобразным ключом к пониманию того или иного образа.

П. А. Флоренский писал: «Личное имя человека – это почти необходимое средство видения его и волхования над ним. Достаточно сказать имя, и внимание направлено в круговорот мира... имена выражают природу вещей. Познание имен дает и познание вещей»¹⁴. Можно сказать, что каждое имя окружено некоей тайной, поскольку вызывает у человека определенные ассоциации, которые вряд ли будут повторяться.

Имя собственное в художественном произведении не бывает случайным, его содержание и форма коррелируют с идеей и стилем произведения, его жанровой направленностью и в целом могут служить выражением индивидуально-авторского понимания событий и фактов. Присутствие того или иного имени в ткани художественного произведения означает, что произошла концентрация внимания автора на этой форме «сообщения ради него самого», и из средства номинации имя становится средством описания (deskрипцией).

Реализация поэтической функции имени собственного в литературном произведении связана непосредственным образом с его deskриптивным модусом.

Выбор именной deskрипции определяет авторское отношение к предмету речи, которое по сути своей всегда субъективно:

«Winifred – a plucky woman, if a little too fashionable – who had borne the brunt of him for exactly twenty-one years, had never really believed that he would do what he now did» (Galsworthy, 1974: 19).

«Young Val smiled – his wife, rather charming smile» (Galsworthy, 1974: 26).

Кроме того, в deskрипциях, фиксирующих ономастические объекты, присутствует «зрительный», картинный элемент восприятия предмета. И это понятно, потому что самым первым и естественным способом познания окружающей нас действительности является зрение, восприятие визуальных образов. Результаты зрительного восприятия и оцениваются, во-первых, как знания об объекте и, во-вторых, как его идентификация. Понять, о ком или о чем идет речь (=однозначно идентифицировать), можно только на пересечении «контекста» и личных «знаний».

Имя собственное – не просто «пустой» знак, как то полагают приверженцы теорий асемантичности онимов. Антропоним вторичной моделирующей системы, прежде всего, включен в коммуникативный процесс, составляющими которого являются «адресант», «сообщение»,

¹¹ Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолнгвистики) / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – С. 34.

¹² Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – С. 29–30.

¹³ Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

¹⁴ Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский. – М.: изд-во Аст, 2001. – С. 112–113.

«контекст» (или «референт»), «код», «контакт» и «адресат»¹⁵. Важнейшим из этих компонентов является адресант, то есть автор художественного произведения.

Именно адресант (автор) в первую очередь располагает некоторыми сведениями об объекте номинации (=авторский замысел), которые затем включаются в сообщения как допускающие вербализацию (либо вербализованные) личные знания о том, что в данном контексте (применительно к данному референту) может или должно обозначать употребляемое имя собственное. Адресант, следовательно, является определяющим звеном в цепи «адресант – сообщение – контекст».

В силу того что авторами-адресантами могут быть разные люди, передаваться может любое сообщение, соотносимое с любым «референтом» (контекстом), тогда степень заданности (предсказуемости) для адресата в этой половине коммуникативной цепочки практически отсутствует. Характер сведений об объекте целиком зависит от субъекта (адресанта), что переводит все сообщение в субъективно-личностный план. Это и позволяет имени существовать в виде дескрипции не только на уровне внешней, но и внутренней речи, поскольку, как отмечал Л. С. Выготский, «внутренняя речь есть все же речь, то есть мысль, связанная словом»¹⁶.

Дескриптивный модус литературных антропонимов существует в разных проявлениях. Так, можно выявить «сокращенные» и «скрытые» дескрипции, которые отражают не только степень их «явленности» (вербализованности), но также и их «генезис», то есть превалирующую зависимость либо от референта (объекта номинации), либо от означающего (материального состава, «звуковой оболочки» имени).

В первом случае дескрипция возникает в результате рефлексии адресанта об объекте номинации (скрытые дескрипции), во втором – рефлексия направлена на «внешнюю» сторону знака, стремление к индивидуальной «дешифровке» этой стороны (сокращенные дескрипции). Неблагозвучное имя с большим количеством согласных звуков, например, свидетельствует об отрицательной направленности персонажа:

«His son, *Braddock Tarleton* Washington, followed this policy on an even more tensive scale» (Fitzgerald, 1979: 45).

В художественном тексте встречаются развернутые дескрипции, которые тоже различаются по

доминантной направленности их формирования либо от референта, либо от означающего. Референция, как отмечает Н. Д. Арутюнова, представляет собой «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)»¹⁷.

Успех общения находится в прямой зависимости от того, обладают ли люди общими референтами. Как показывает В. З. Демьянков, «даже если смысл высказывания понятен, а референт неизвестен, коммуникация не имеет смысла»¹⁸ (Демьянков, 1996: 160–161). Данное положение, однако, целиком справедливо лишь по отношению к первичным моделирующим системам. Во вторичных моделирующих системах возможна сознательная транспозиция неонаместического референта в антропонимический ряд с тем, чтобы адресат не сразу осознал то, что речь идет не о человеке. Например:

*John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise;
For if you do but taste his blood,
Twill make your courage rise.*

Burns, 1972: 51.

Сила поэтического воздействия (а в этом здесь и заключается «смысл коммуникации») отнюдь не умаляется оттого лишь, что читатель не всегда сразу же ассоциирует имя с его действительным референтом – ячменным зерном.

Референтная развернутая дескрипция имени выполняет, прежде всего, выделительную функцию, одновременно претендуя на объективное описание особенностей данной личности в отличие от других. При этом распространение дескрипции может быть как «вправо», так и «влево». Например:

*Of stature tall, and slender frame
But firmly knit, was Malcolm Graem.
The belted plain and tartan hose
Did ne'er more graceful limbs disclose.*

Scott, 1888: 87.

Или: «His name was *Charlie Mears*; he was the only son of his mother who was a widow» (Kipling, 2006: 129).

Формирование развернутой дескрипции осуществляется, как правило, от означающего имени, при том условии, что само имя представляет собой сокращенную дескрипцию и, следовательно, обладает осязаемой «внутренней формой». Например:

«*Crenshaw* was grey at forty – he was white at

¹⁵ Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 198.

¹⁶ Выготский, Л. С. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – С. 353.

¹⁷ Арутюнова, Н. Д. Референция // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Н. Д. Арутюнова. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 411.

¹⁸ Демьянков, В. З. Референция // Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 160–165.

fifty when the alternating routine of fortnight visits to the graves of his loved ones and to the penitentiary had become the only part of his life) (Fitzgerald, 1979: 276).

В данном случае имя Crenshaw содержит в себе сокращенную дескрипцию, поскольку «сren» происходит от «сrenate» – (округло)зубчатый, городчатый, а «shaw» означает заросль, роща. Его общий семантический фон можно определить как «однообразная замкнутость ограниченного жизненного пространства». Имя, следовательно, символично и отражает образ жизни главного героя после смерти его жены и маленького сына.

Другое имя – Kismine («kiss me» – поцелуй меня) намекает на легкомысленность и любвеобилие главной героини повести «Алмаз величиной с отелъ Риц» Ф. С. Фитцджеральда:

«They had both got to their feet, and at this remark Kismine came close and put her arm through his» (Fitzgerald, 1979: 59).

Персонаж Warmson в «Case о Форсайтах» Голсуорси отличается чрезвычайной услужливостью. Его имя состоит из двух элементов: «warm» – теплый и «son» – сын, и поэтому оно чаще всего звучит в атмосфере умиротворяющей уступчивости:

«All right, Warmson, you can go to bed; I'll take him up myself» (Galsworthy, 1974: 39).

Формирование развернутых дескрипций нередко сопровождается возникновением дублирующих структур как разновидности семантической тавтологии. Ср.:

«Mrs. Waterbrook, who was a large lady – or who wore a large dress; I don't exactly know which, for I don't know which was dress and which was lady – came sailing in» (Dickens, 1895: 375).

Здесь тавтологические элементы имени «water» – вода и «brook» – ручей (то есть водяной ручей = масло масляное) поддержаны на синтаксическом уровне тавтологическими конструкциями развернутой дескрипции. Ясно, что в данном случае стимулом для формирования дескрипции является не столько задача описания референта с точки зрения его индивидуальных особенностей, сколько возможность с ее помощью подчеркнуть наличие внутренней формы у антропонима.

Текстообразующая роль антропонима вторичной моделирующей системы проявляется также тогда, когда имя инициирует повествование. В этих случаях можно наблюдать, так сказать, «наложение» когезии (формальной связанности текста) на его когерентность (семантико-тематическое единство). Показательно в этом смысле начало отдельного текстового фрагмента под названием «*The Perish Clerk – A Tale of True Love*» в семнадцатой главе «Посмертных записок пиквикского клуба» Ч. Диккенса (его смело можно назвать «рассказом в романе»):

«Once upon a time, in a very small country town, at a considerable distance from London, there lived a little man named Nathaniel Pipkin, who was the parish clerk of the little town, and lived in a little house in the little High Street, within ten minutes' walk from the little church; and who was to be found every day, from nine till four, teaching a little learning to the little boys. Nathaniel Pipkin was a harmless, inoffensive, good-natured being ... etc.» (Dickens, 1949: 264).

Целостность всего этого «рассказа в романе» во многом определяется именем собственным личным. Оно в своей «внутренней форме» содержит как бы удвоенный признак «малости» (ср. «pip» – семечко, зернышко, косточка + «kin» – в существительных, обозначающих нечто малое). Это делает его центром притяжения всех тех малых величин, которые образуют личную микровселенную персонажа: *a very small country town, a little man, a little house, the little High Street, the little church, a little learning, the little boys*.

В свою очередь, конвергенция стилистических приемов (повтор «little» + оксюморон «*the little High Street*») в развернутой именной дескрипции способствует дальнейшей актуализации антропонима. Становится очевидным, что его компоненты плохо сочетаются друг с другом: солидное и «старомодное» *Nathaniel* вступает в противоречив со слишком уж «народным» и даже «плебейским» именем *Pipkin*, носитель которого, движимый романтическим чувством, вознамерился породниться (ср. «akin» – родство по браку) с солидными представителями сильных мира сего.

Противоречие завершается разрушением личности героя, его деградацией. Таким образом, имя становится носителем основной сюжетной линии рассказа, так как оно призвано отразить литературную судьбу персонажа.

Инициальное положение антропонима в заголовке создает условия для нивелирования его синтаксической позиции. Именная дескрипция часто выступает в качестве своеобразного титульного приложения и начинает прочно ассоциироваться с именем персонажа.

Будучи обрамляющим текстовым элементом, заголовок требует ретроспективного к себе обращения со стороны читателя и воспринимается последним как руководство для определения идейного содержания произведения. Эмфатическая напряженность в этих случаях нередко завершается переосмыслением имени и выходом его за пределы данного художественного текста. Примером может служить заголовок известного рассказа Ф. С. Фитцджеральда «*Jemina, the mountain girl*». В рассказе повествуется о доведенной до абсурда примитивности человеческих отношений. Соответственно, личное имя *Jemina* переосмысливается как «примитивное»

существо», и в одном из своих вариантов – *Jemima* – становится названием «довольной жизнью, тучной негритянки»¹⁹.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что заметная роль имени собственного личного в художественном произведении обеспечивается его поэтической функцией, которую оно реализует как текстообразующий фактор. Все описанные выше средства эмфазы (выдвижения) имени в конечном счете следует трактовать как сознательные попытки направить внимание адресата (читателя) на сообщения, заключенные либо непосредственно в антропонимах вторичной моделирующей системы, либо в соотносимых с ними высказываниях (именных дескрипциях). Дескриптивный модус имени качественно преобразует ономастический статус знака. Номинативность последнего обособляется или замещается характеристикой. Антропоним становится поэтонимом.

Литература

1. Burns, R. John Barleycorn // Readings from English Literature. – М.: Прогресс, 1972. – P. 50–54.
2. Dickens, Ch. The personal history and experience of David Copperfield the younger. – Boston: The Athenaeum press, 1895. – 908 p.
3. Dickens, Ch. The posthumous papers of the Pickwick club. – М.: Foreign languages publishing house, 1949. – 895 p.
4. Fitzgerald, F. S. Selected short stories. – М.: Прогресс, 1979. – 357 p.
5. Fitzgerald, F. S. Selected prose. – М.: Менеджер, 2000. – 304 p.
6. Galsworthy, J. The Forsyte saga. In chance-ry. – М.: Прогресс. – 304 p.
7. Kipling, R. The best short stories (на английском языке). – М.: Айрис-Пресс, 2006. – 320 p.
8. Scott, W. The Lady of the Lake (A poem in six cantos). – N.Y.: Thomas Y. Crowell, 1888. – 332 p.

¹⁹ Ермолович, Д. И. Англо-русский словарь персоналий / Д. И. Ермолович. – 3-е изд., доп. – М.: Рус. яз., 2000. – С. 177–178.

Роль «Истории языка и введения в спецфилологию» в формировании профессиональной компетентности лингвистов-переводчиков

Лингвист-переводчик, помимо свободного владения речью на иностранном языке, должен обладать также широким лингвистическим кругозором: ясно понимать лингвистические процессы, происходящие в языке в связи с развитием общества, которое им пользуется; осознавать нормы современного языка и его особенности с точки зрения законов его исторического развития. Формирование понимания роли языка в жизни общества, тесной связи истории языка с историей нации происходит в процессе усвоения дисциплины «История языка и введение в спецфилологию». В задачи курса входит и ознакомление студентов с основными законами и этапами развития и становления языка.

Согласно действующему учебному плану, будущие лингвисты-переводчики знакомятся с «Историей языка и введением в спецфилологию» на третьем–четвертом курсах, когда с помощью цикла общепрофессиональных дисциплин формируется базовая профессиональная компетентность, отражающая специфику профессиональной деятельности. В дальнейшем на четвертом–пятом курсах базовая профессиональная компетентность является основой становления специальной профессиональной компетентности – компетентности, отражающей специфику конкретной предметной профессиональной деятельности. В данном случае речь идет о переводческой деятельности.

Таким образом, роль рассматриваемой дисциплины можно обозначить как содействие становлению специальной профессиональной компетентности специалиста. Вслед за И. С. Алексеевой¹ мы полагаем, что наряду с «Теорией перевода», «Теоретической грамматикой», «Лингвострановедением» и прочими дисциплинами, имеющими целью расширить профессиональный кругозор выпускника, «История языка и введение в спецфилологию» может быть одним из источников для обсуждения переводческих проблем. Иными словами, речь идет об установлении взаимосвязей между теоретическими дисциплинами. Установление связей между данной и другими теоретическими дисциплинами осуществляется на основе актуализации знаний, приобретенных студентами в процессе изучения прочих дисциплин, и развития, и совершенствования сформированных ранее интеллектуальных навыков и умений.

Проблемы, с которыми может столкнуться переводчик в своей профессиональной деятельности, соотносятся с параметрами, определяющими ситуацию общения: культурологическими, психологическими, лингвистическими, задаваемыми участниками коммуникации, видом переводческой деятельности. Студентам важно понять, как знание основ дисциплины соотносится с профессиональными требованиями к специалисту, теми конкретными условиями осуществления профессиональной деятельности, к которым они готовятся. Данное обстоятельство тесно связано с мотивационно-потребностным аспектом учебной деятельности, оно способствует развитию положительного отношения обучающихся к изучаемому предмету, без чего невозможно достижение никаких целей обучения.

Так, известно, что назначение курса состоит в ознакомлении студентов с характерными чертами группы германских языков в составе индоевропейской семьи, с основными этапами развития и характерными особенностями фонологической системы, грамматического строя и лексики английского языка, обусловленными взаимодействием внутренних и внешних факторов. Осознание тенденций развития языка, исторических связей между отдельными языковыми явлениями подготавливает студентов для восприятия языка как меняющейся системы. Умение наблюдать отдельные языковые явления важно для изучающих язык вообще и для лингвистов-переводчиков в частности. Поэтому задача развития теоретических и практических знаний и умений анализа языковых фактов с точки зрения диахронии с учетом будущей профессиональной деятельности представляется особенно актуальной в свете рассматриваемой проблемы.

Поскольку развитие языка невозможно изолировать от внешней среды, воздействующей на него, и поскольку профессиональная деятельность переводчика происходит в конкретных исторических условиях, то для специалиста сегодняшнего дня особенно значимым является познание закономерностей лингвистической эволюции в современном мире. Рассматриваемый курс, акцентируя внимание на языковых особенностях современного англоязычного

¹ Алексеева, И. С. *Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей* / И. С. Алексеева. – СПб.: изд-во «Союз», 2003. – С. 21.

мира, вооружает студента необходимыми знаниями – важное условие формирования компетентности – для решения профессиональных задач.

Подготовка лингвистов-переводчиков должна вестись с учетом превращения английского языка в язык межнационального использования. В соответствующем разделе курса «История языка и введение в спецфилологию» важно подчеркнуть факт получения английским языком статуса «*lingua franca*» в Европе и во многих странах мира благодаря экономическому, научному, культурному и политическому влиянию Великобритании и позже США. Наряду с данным положением необходимо познакомить студентов с неоднородным характером глобального английского языка, его функционированием в форме множественных вариантов.

Как правило, студентов знакомят лишь с двумя вариантами – британским и американским. Проанализировав лингвистические характеристики обоих вариантов, студенты приходят к выводу о том, что хотя американизмы не меняют существенно основы английского языка – его грамматического строя и основного словарного фонда, тем не менее их надо учитывать в интересах точности и правильности перевода. Однако ознакомление лишь с двумя вариантами совершенно недостаточно. Другие варианты английского языка имеют свои особенности, отличные от норм традиционно изучаемых британского и американского вариантов. В ситуации общения с носителями других вариантов восприятие и понимание их речи может вызвать определенные трудности у переводчика. Речь не идет о формировании навыков и умений англоязычной речи, к примеру, представителей Восточной Азии в продуктивных видах речевой деятельности (говорении и письме). Классический литературный английский язык – язык лучших частных школ и университетов – по-прежнему в большинстве случаев является базой любого курса английского языка для иностранцев, что представляется вполне логичным. Существование литературного стандарта играет большую роль в качестве унифицирующего фактора. Не идет речь и о смешении элементов разных вариантов английского языка в речи переводчика, что затруднит понимание его речи и приведет к смысловым ошибкам. Говорящий должен последовательно придержи-

ваться какого-либо одного варианта. Однако учет вариативных особенностей английского языка как важного звена в межкультурной коммуникации необходим как при последовательном переводе речи пользователей таких вариантов, так и при опосредованном переводе. Как поясняет З. Г. Прошина², опосредованный перевод подразумевает перевод с языка-посредника, который может быть региональным вариантом мирового языка, испытывающим в той или иной степени интерференцию автохтонного языка, родного для говорящих на английском как на иностранном или втором языке. К примеру, перевод слова «*Buradibosutoku*» (*Vladivostok*)³ может быть затруднен незнанием таких особенностей англоязычной речи представителей Японии, Кореи и Китая, как субституция [l] – [r], вставка эпентетического гласного в скоплении согласных и в конце слова.

Кстати, русский вариант английского языка, отражающий русскую культуру, также имеет свои особенности на всех уровнях языка. Игнорирование данного факта может привести к браку в профессиональной деятельности.

Возможности лекционного курса не позволяют ознакомить студентов со всеми особенностями национальных вариантов английского языка. Более углубленное познание данных характеристик может иметь место в процессе самостоятельной работы, при написании курсовых и дипломных работ с соответствующей тематикой в рамках данной дисциплины. Сопоставительное изучение систем двух или более вариантов английского языка предоставит студентам возможность выявить расхождения как в фонетической системе, грамматике, так и в лексике и нормах словообразования. При этом важно нацелить студентов не только на описание межвариантных различий, но и определения соотношения между общими и отличительными чертами на разных уровнях языковой системы. Подобное исследование подведет студентов к осознанию причин и условий появления данных вариантов, установлению степени их влияния на норму.

Переводческая ситуация усугубляется еще и тем фактором, что норма становится все более размытой и в пределах Британских островов. Многие лингвисты (см., к примеру, работы В. В. Кабакчи,⁴ Э. И. Мячинской⁵ и др.) в своих исследованиях, посвященных современной

² Прошина, З. Г. Передача китайских, корейских и японских слов при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский: теория и практика опосредованного перевода / З. Г. Прошина. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – С. 3.

³ Пример заимствования у З. Г. Прошиной. См.: Прошина, З. Г. Английский язык и культура Восточной Азии / З. Г. Прошина. – Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 2001.

⁴ Кабакчи, В. В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы / В. В. Кабакчи // Англистика в XXI веке: материалы конференции (Санкт-Петербург, 22–24.11.2001). – СПб.: филол. фак-т СПбГУ, 2002. – С. 80–86.

⁵ Мячинская, Э. И. Характер влияния современных диалектов на нормативный английский язык / Э. И. Мячинская // Англистика в XXI веке: материалы конференции (Санкт-Петербург, 22–24.11.2001). – СПб.: филол. фак-т СПбГУ, 2002. – С. 116 – 121.

культурно-лингвистической ситуации в Англии, подчеркивают, что она существенным образом изменилась за последние десятилетия. Демократизация общества приводит к изменению места носителей вариантов в структуре общества, и территориальные варианты приобретают престижность, вытесняя норму из многих сфер. Если в 50–60-е годы прошлого века изучение языковых вариантов не представлялось важным и прогнозировалось их исчезновение (см., к примеру, К. Бруннер⁶), то уже двадцать-тридцать лет спустя широкое распространение получает прямо противоположная точка зрения на языковую ситуацию, согласно которой происходит расширение зоны городских вариантов, повышается их социальный статус.

Проиллюстрировать данное положение возможно на примере Estuary English – одной из региональных языковых форм английского языка. Ее развитие, как отмечает О. А. Бубенникова⁷, «...представляет собой закономерный процесс с позиций исторической эволюции английского языка и может рассматриваться как проявление общезыковых тенденций развития английского языка в его продолжающемся движении к аналитизму с последовательной ликвидацией согласовательных категорий (в области морфологии) и слогоморфемности – совпадению слоговых и морфологических границ (в области фонологии)». И далее: «...возникновение Estuary English представляет собой результат ломки старых норм, зафиксированных грамматистами и орфоэпистами в XVIII в.⁸, «сковывающих языковое развитие».

Результатом возникновения региональных языковых форм английского языка является усиление вариативности норм литературного языка, что лежит в русле дивергентных процессов, характеризующих развитие языка на современном этапе.

С другой стороны, во взаимоотношении национальных вариантов наблюдается противоположный процесс – процесс конвергенции. Так, в современном мире британский и американский варианты английского языка, несмотря на различия в словаре, в произношении, в грамматических конструкциях, особенно в интонации, идут по направлению сближения, чему способствуют внешние факторы развития языка (Э. Ф. Володарская⁹). Аналогичная тенденция свойственна и эбониксу – афро-американской разновидности английского языка и литературному английскому языку. Эбоникс, как известно, возник на

основе сленга афроамериканцев (дивергентный процесс). Оба варианта продолжают сближаться в направлении целевого языка, так как носители языка социально мотивированы в освоении более престижного нормативного языка. Хотя именно вариант помогает сохранить этническое и культурное своеобразие народа.

Как становится очевидным, изменение одного только статуса английского языка в мире обязывает переводчика принимать во внимание целый ряд факторов для регулирования своего речевого поведения в зависимости от определенных социальных переводческих ситуаций:

- распространенность английского языка как международного в мире;

- неоднородный характер глобального английского языка, его функционирование в форме множественных вариантов;

- использование английского языка в качестве вторичного средства своего национально-культурного самовыражения (В. В. Кабакчи);

- разные типы отношений между языковыми вариантами английского языка в различные исторические эпохи;

- изменение характера отношений между вариантами английского языка Британии в настоящее время: свертывание нормативного языка; повышение значимости; расширение функции и усиление престижности региональных вариантов (Э. И. Мячинская).

Таким образом, в ситуации конвергентно-дивергентных процессов, имеющих место в современном англоязычном мире, дисциплина «История языка и введение в спецфилологию» призвана расширить границы применения знаний, которые могут быть востребованы в профессиональной деятельности переводчика.

Практическое применение может иметь, к примеру, и вывод о неравномерности лингвистических изменений: произносительные нормы претерпевают изменения значительно быстрее, чем грамматические или орфографические. Механизмом лингвистических изменений объясняется сосуществование старых и новых форм в течение достаточно продолжительного времени. Данный факт наряду с особенностью формирования речи носителей английского языка на современном этапе, заключающейся в переплетении общенациональных норм и норм тех регионов, где сложились навыки их речи, является причиной наличия нескольких произноситель-

⁶ Бруннер, К. История английского языка / К. Бруннер. – М., 1955. – С. 98.

⁷ Бубенникова, О. А. О современной культурно-лингвистической ситуации в Англии / О. А. Бубенникова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Володарская, Э. Ф. Языковая изменчивость: лингвистические и экстралингвистические аспекты. Инновационные процессы в современном английском языке / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2004. – № 2 (17). – С. 35–51.

ных вариантов лексики. Осознание данного явления будет способствовать принятию правильного переводческого решения в зависимости от конкретной ситуации общения.

Важно отметить, что потенциальные возможности углубления теоретической базы будущих переводчиков, заложенные в дисциплине «История языка и введение в спецфилологию», не актуализируются сами по себе. Необходимо

стимулирование творческого использования теоретических положений для иллюстрации практических умений.

Таким образом, рассматриваемый курс, являясь условием и средством совершенствования профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков, позволяет избежать односторонности в преподавании, повышает его научно-теоретический уровень, вносит элемент творчества.

К вопросу о грамматической правильности английской речи

В определенный момент своего развития грамматический строй языка представляет собой, с одной стороны, относительно стабильную систему, организованную по строгим и твердым законам; с другой стороны, эта система находится в состоянии постоянного и активного функционирования, предоставляя свои средства для организации бесконечного количества отдельных конкретных слов и высказываний. Двойственность самой природы грамматического строя языка – его относительная стабильность, сложная внутренняя организация и многообразные явления функционирования этой организации свидетельствуют о том, что в грамматическом строе сочленены свойства стабильной системы и заложенных в ней возможностей.

Сегодня принято различать грамматическую норму и узус. Грамматическая норма – это свод правил, которыми необходимо руководствоваться в речевой деятельности. Этим правилам целенаправленно обучают в школе, и нарушение этих правил рассматривается отклонением от общепринятого стандарта. Узус – это преобладающие тенденции в употреблении языковых форм членами данного языкового сообщества. С появлением нормативных грамматик язык, однако, не останавливается в своем развитии, а продолжает изменяться в соответствии со своими внутренними законами, а также с внешними факторами (научно-технический прогресс, социальная и региональная дифференциация общества, влияние иноязычных культур, появление и развитие средств массовой информации и др.).

Таким образом, возникает конфликт между требованиями грамматической нормы, в известной степени застывшей и консервативной, и нормами узуса, имеющего живой, подвижный характер и отражающего современное состояние данного языка.

Данный конфликт может преодолеваться по-разному. В истории английского языка во времена пуризма всякая языковая инновация подвергалась осуждению и искоренению. Однако по мере развития общества и лингвистики все отчетливее стали осознаваться бесперспективность и тщетность любых попыток «сковать» язык жесткими нормами грамматических предписаний. Отсюда второй путь решения конфликта – грамматическая норма избирательно выбирает то, что более или менее устоялось в речи, принято языковым сообществом, считается не только допустимым,

но и предпочтительным. Узус, таким образом, обеспечивает расширение и обогащение грамматической нормы.

Сказанное легко проиллюстрировать. Согласно нормам английского языка, предложение характеризуется устойчивым порядком слов. В вопросительном предложении порядок слов инвертирован. Например: «What are they doing?» Согласно правилу в косвенной речи соблюдается прямой порядок слов: «I don't know *what they are doing*». Вместе с тем в речи носителей английского языка, особенно устной, в придаточных предложениях все чаще встречается инвертированный порядок слов, нарушающий грамматическую правильность: «I don't know *what are they doing*». Соблюдение или несоблюдение правила согласования времен может отражаться на смысле высказывания. Например:

«Jack *said* that he *wanted* / *had wanted* to go to Albany to visit friends last week».

В случае с «*wanted*» подразумевается, что визит состоялся, а с «*had wanted*» – что не состоялся.

Подобные случаи употребления в речи описывались не в грамматиках, а в пособиях по узусу. Таким образом, каждая языковая форма может характеризоваться как грамматически правильная и узуальная, так и грамматически правильная, но не узуальная. «*Whom* are you looking at?» – грамматически правильная, но не узуальная.

«*Who* are you looking at?» – грамматически неправильная, но узуальная.

Из приведенных примеров видно, насколько нечетка граница между грамматикой как определенной нормой и узусом как реальным речевым употреблением. Похоже, представители современной английской грамматической школы согласны с такой постановкой вопроса, свидетельством чему служит появление в последнее время грамматических описаний нового типа – коммуникативных и корпусных.

Типичная коммуникативная грамматика (первые грамматики подобного типа появились в 70-х годах прошлого столетия) акцентирует внимание на тенденциях современного речевого употребления. При этом понятия «грамматическое правило», «грамматическая правильность» становятся гибкими и распространяются на область тех явлений, которые ранее считались узуальными, но аграмматичными. Корпусные грам-

матики, которые появились несколько позже, занимаются «живым» языком. Эти грамматики являются результатом компьютерной обработки огромной информации, представленной в виде корпуса примеров. Отсюда и название «корпусная грамматика». Материалом для грамматики подобного типа «Longman Grammar of Spoken and Written English» послужил банк данных «Longman Spoken and Written English Corpus» (LSWE Corpus), который содержит около 40 тысяч текстов различной регистровой принадлежности (устная речь, художественная литература, газетные статьи, научная проза), охватывающих 40 миллионов словоупотреблений. В этой грамматике отсутствуют жесткие требования в употреблении тех или иных форм, особенно без учета их регистровой принадлежности. Регистр же реализуется в определенных типах дискурса¹.

Статистика употребления слов и грамматических форм, выявляемая с помощью корпуса, делает более надежными суждения лингвистов о том, что сегодня является нормой, а что существует на периферии, и это очень важно как для теории, так и с практической точки зрения – для преподавания английского языка. Например, из двух значений глагола «must» – долженствование и предположение – второе является несравнимо более частотным (соотношение примерно один к девяти), что, безусловно, должно отражаться в учебных материалах. Аналогичным образом из всех типов вопросов в устной речи преобладают разделительные (tag questions), причем в огромном числе случаев замена их на другие типы вопросов воспринимается носителями как грубость, излишнее любопытство, допрос и т. п. Именно эта коммуникативная неадекватность грамматически верных прямых или специальных вопросов (Yes / No questions, Wh- questions) делает их неприемлемыми в повседневном устном общении. В то же время в большинстве жанров письменной речи, а также в более официальных жанрах устного общения употребление разделительных вопросов не желательно². Таким образом, благодаря корпусу можно не только статистически надежно выявить наиболее частотные формы, но и определить их лингвистический и социокультурный контекст, вне которого они не функционируют.

Понятия «нормы» и «узус» связаны с понятием «вариативности». Вариативность является объективным и неизбежным следствием развития языка, которое оживляет новую форму, делает изменение ее плавным, не столь ощутимым. Причинами, приводящими к вариативности, яв-

ляются деавтоматизация восприятия, стремление к упрощению, устранению функционально не загруженных форм и избыточности. Несмотря на то, что грамматическое варьирование есть неотъемлемая черта функционирования языка в любой момент его развития, должное освещение и теоретическую оценку со стороны лингвистов оно получило лишь в XX в.

С точки зрения английского языка чаще всего говорят о географических вариантах (например, британском, американском) и региональных внутри этих больших географических зон (север или юг США, Лондон или Шотландия в Великобритании). На них накладываются социальные варианты, зависящие от образования, профессии, классовой принадлежности носителей. Возрастные варианты прослеживаются в речи носителей языка в сочетании с региональными и социальными. В речи людей заметно и стилистическое варьирование, зависящее от жанра общения, его формы (устной или письменной), официальных или неофициальных отношений между общающимися, цели общения и многих других характеристик.

Любой современный язык может быть прослежен в его развитии, а форма проявления его развития есть не что иное, как постепенное изменение всех его подсистем. Причины изменчивости языка также очевидны – они кроются в том, что носителями языка являются люди.

Еще некоторое время назад понятие нормы было принято связывать со столичным регионом (в данном случае с Лондоном и его окрестностями), однако сегодня мобильность населения столь велика, что мало кто из взрослых живет там, где родился. Кроме того, нельзя взять за точку отсчета и принадлежность к какой-либо профессии: вследствие распространения либеральных ценностей человеку не могут отказать в приеме на работу, если в его речи прослеживаются случаи отклонения от грамматической нормы.

Как указывалось выше, норма определяется хронологически как язык нынешнего поколения, однако ныне живущие люди разного возраста нередко являются носителями разных норм. Например, употребление вспомогательного глагола «shall» в будущем времени пока еще возможно, но уже крайне редко в устной речи. Ряд изменений нормы отмечается в книге «Alive to Language» британских авторов, например, вытеснение прилагательного «fewer» прилагательным «less» при неисчисляемых существительных: «There were less apples on the trees this year»³. Другой ха-

¹ Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – М.: Академия, 2005. – С. 11.

² Carter, R., Hughes, R., McCarthy Exploring Grammar in Context. Cambridge University Press, 2000.

³ Arndt, V., Harvey, P., Nuttall, J. Alive to Language. Цит. по: Городецкая, Л. А. Норма и вариативность в английском языке через призму британской научной и учебной литературы: сб. научных и научно-методических трудов. Вып. 4. МГУ, кафедра теории преподавания иностранных языков / Л. А. Городецкая. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 41.

ракторный пример тех же авторов – нарушение согласования по числу между существительным и местоимением вследствие невозможности употребления местоимения мужского рода «he» для обозначения людей неизвестного или разного пола: «If someone phones, tell them I'll call them back»; «The policy helps any child to develop their potential». Очевидно, что это чисто грамматическое изменение (потеря местоимением «he» своей обобщающей функции) имеет своей причиной социокультурное явление корректности, но это изменение, по мнению цитируемых авторов, проникло и в письменную речь. Действительно, легко проверить, что дефиниции, используемые в современных британских словарях, не используют так называемое «he generic»: «Student loan – an agreement by which a student at a college or university borrows money from a bank to pay for their education and then pays the money back after they finish studying and start a job». Однако такую функцию сохраняет русское местоимение «он», что приводит к чрезмерному использованию «he» и его производных, нередко интерпретируемых как сексизм во время публичных выступлений наших соотечественников на английском языке. («A researcher can suggest his own way of solving the problem».)

Исследование вариативности осложняется и тем обстоятельством, что она порождается не только территориальными и социальными факторами, но и характеризует речевой портрет отдельной языковой личности. Анализ индивидуальной речи показал, что один и тот же человек не придерживается строго определенной грамматической нормы, а время от времени использует фрагменты разных грамматик. Попытки объяснить это явление с помощью теории переключения кодов ни к чему не привели: идея переключения кодов предполагает, что человек полностью меняет один грамматический код речи на другой, переходя от одной грамматической подсистемы к другой. В действительности же происходит лишь частичное и спорадическое (непостоянное, случайное) использование элементов «чужой» грамматики, которые прекрасно совмещаются в языковом сознании индивида со «своей» грамматикой. Это в какой-то степени аналогично выбору синонимов из синонимического ряда – индивид может предпочесть стилистически нейтральный способ выражения мыслей, но иногда может использовать стилистически маркированные синонимы в эмоционально-экспрессивной речи.

В современном английском языке резко сокращается употребление форм Past Perfect. Употребление Past Indefinite вместо Past Perfect ха-

ракторно для глаголов «*know*» и «*understand*»⁴.

«When I *knew* the work of the department thoroughly, I was moved to the next department».

«When I *had learned* the work of the department thoroughly, I was moved to the next department».

Past Indefinite может употребляться для обозначения краткого действия, а Past Perfect – для обозначения действия длительного.

«When I *put* the cat *out* (краткое действие), it ran off into the bushes in disgust».

«When I *had washed* the cat *out* (длительное действие), it ran off into the bushes in disgust».

Союзы «before» и «after», а также наречие «already» достаточно четко обозначают предшествование. Поэтому употребление в соответствующих предложениях форм Past Perfect факкультативно.

«He (*had*) already *walked* to school before I could offer him a ride».

«I ate lunch after my wife *came* / *had come* home from her shopping».

Поэтому, когда союз «when» употреблен в значении «after», в сложноподчиненном предложении можно использовать две формы Past Indefinite.

«John *cooked* dinner when his friends *came* by». – Джон приготовил обед после того, как зашли его друзья.

Корпус выявил многочисленные изменения, игнорировать которые в преподавании английского языка становится невозможно вследствие их широкого распространения в устной речи образованных носителей. Например, типичны двойное или тройное отрицание («I haven't got *nothing* to say to *no one*»), нарушение согласования по числу между подлежащим и сказуемым («*There's three other people still to come*»), нарушение форм глагола («*I seen it there yesterday*») и многое другое.

Очевидна и практическая значимость проблемы – умение понимать литературную разговорную речь, которая фактически доминирует в современной устной коммуникации в рамках литературного языка. Как известно, даже выпускники специальных вузов испытывают большие трудности в понимании оригинальной речи на слух, особенно дистантной речи по радио, телевидению, по телефону в условиях языкового окружения. Не менее затруднительная ситуация возникает и в тех случаях, когда им приходится выступать в роли говорящего. В этом смысле симптоматично следующее высказывание Дж. Браун и Дж. Юла, специалистов в области разговорной речи: «Единственным основанием, позволяющим судить о том, что эти люди (русские. – Г. О.) не являются носителями (англий-

⁴ Ве́йхман, Г. А. Новое в грамматике современного английского языка / Г. А. Ве́йхман. – М.: Астрель, 2002. – С. 174–176.

ского) языка, была их грамматически безупречная речь». Далее авторы делают вывод, имеющий теоретическое и практическое значение: «В этом отражается довольно странное понимание «речевого совершенства» («a very odd notion of perfection»). Обращение иностранца к носителю языка в подобном ключе («with such “perfect English»») звучит так, словно вы обращаетесь не к повседневному собеседнику, а выступаете на публичном митинге, используя официальные обороты речи. Язык может быть формально правильным, но его форма неуместна»⁵.

Перед преподавателями-практиками неизбежно встают вопросы: как относиться к этим процессам, какие из изменений нормы следует включать в обучение, на каких этапах это следует делать? Представляется, что на начальном этапе и на уровнях вплоть до Upper-intermediate можно не волноваться по этому поводу, поскольку студенты редко имеют возможность устного общения с носителями языка, а если и имеют, то не всегда способны заметить отклонения от нормы. В то же время если такого рода вопросы у них возникают, то преподаватель должен уметь дать квалифицированную оценку подобным явлениям, не ссылаясь на неграмотность современных англичан. На старших курсах необходимо анализировать и помогать студентам преодолеть упрощенную картину иностранного языка как набора правил, по которому каждое речевое произведение оценивается лишь как правильное или неправильное. Британские лингвисты М. Маккарти и Р. Картер намечают ряд дихотомий, которые представляют собой противоположные подходы к изучению языка, в сумме дающие наиболее полное знание об этом сложном явлении⁶:

1) детерминистский и вероятностный подходы к употреблению языковых форм, согласно ко-

торым есть как обязательные правила (например, артикль всегда стоит перед существительным), так и вероятностные модели, согласно которым какие-то формы более вероятны в определенных контекстах, чем другие (например, выбор между «My sister and I» и «Me and my sister»);

2) дескриптивный и прескриптивный подходы к изучению языка: в рамках первого исследователь фиксирует реальное положение дел на основе объективных данных корпуса, в рамках второго существуют правильные и неправильные формы с точки зрения некой идеализированной модели;

3) норма и приемлемость, различающиеся тем, что норма утвердила себя в большинстве контекстов независимо от каких-либо внешних обстоятельств, тогда как приемлемость зависит от жанра и формы общения (устной или письменной) между говорящими (официальными или неофициальными) и многого другого, что делает отклонения от нормы совершенно нормальными и естественными в определенных контекстах.

Различение этих подходов позволило британским авторам четко дифференцировать грамматику письменной и устной речи, которые, как показывают данные корпусной лингвистики, очень неодинаковы. Эти новые знания об английском языке находят свое воплощение и в учебных материалах, рекомендуемых наиболее употребительные образцы устной и письменной речи, для которых очерчены границы коммуникативной приемлемости и уместности.

Таким образом, новая информация о соотношении нормы и вариативности в английском языке помогает отбирать языковые средства, адекватные для определенного социокультурного контекста, и использовать их в обучении современному английскому языку в вузе.

⁵ Цит. по: Орлов, Г. А. Современная английская речь / Г. А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 32.

⁶ Carter, R., McCarthy, M. Cambridge Grammar of English, 2006. – P. 2–6.

Основные компоненты формально-содержательной сферы немецкой баллады через призму образности

В данной статье предполагается установить те содержательные компоненты немецкой баллады, которые сочетают в себе специфические черты жанровой организации, сохраняя формально-содержательные свойства коррелирующих с балладой форм (миф и история, шванк и сказка, героическая песня и христианская легенда, как и реальное трагическое событие).

Р. Гиршнауер называет балладу стихотворной формой, в художественном отношении довольно взыскательной («ein künstlerisch, sehr anspruchsvolles Erzählgenre»¹). Балладу нельзя однозначно отнести ни к одному роду литературы: ни к эпическому, ни к драматическому, ни к лирическому. Гете считал балладу прообразом искусства, его первичной национальной формой (Urphänomen), поскольку он находил в ее целостном нерасчлененном единстве три важнейших составляющих поэзии: драматический, эпический и лирический элементы². Нойман, который выдвигает формально-содержательный подход к балладной классификации, также полагает, что баллада сочетает в себе все эти три компонента. В зависимости от преобладания соответствующих компонентов баллада может быть эпической, лирической и драматической, образуя несколько смешанных типов. Наиболее часто, по его мнению, происходит сочетание драматического и эпического в балладной песне (balladisches Lied), это основной разряд баллад³.

«Действительно, в балладе присутствуют черты всех трех родов, однако ведущим является эпический элемент, так как автор баллады не выражает свое субъективное мнение, а представляет события объективно», – считает Гиршнауер⁴. Автор баллады выбирает невероятные события, в которых человек остается один на один с превосходящими его силами природы. Их восприятие человеком изменяется с развитием общества. Они появляются как мифически-магические силы, как таинственные силы судьбы. Развитие сюжета в балладе обусловлено столкновением

человека с этими силами, что составляет **эпический компонент** баллады, который проявляется в строфичности, то есть особом виде стихосложения с единым ритмическим и интонационным рисунком. Для формирования эпического компонента используются многочисленные приемы, характерные для эпоса, – обилие эпитетов, постоянные повторы в одном и том же месте меняющейся строфы, параллелизмы и другие.

В эпическом компоненте баллад категория образности формируется с помощью языковых средств соответствующего лексико-грамматического уровня.

1. Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll
Ein Fischer saß daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.
(Goethe, «Der Fischer»)⁵

2. Es hatt' ein Bau'r ein Töchterlein
Zwischen Berg und tiefem Tal,
wohl über die See –
Wie hieß es denn mit Namen sein?
Die schöne Hannele.

(Wassermanns Frau)⁶

3. Es waren zwei Liebe...
(Der tote Bräutigam)⁷

В данных балладах превалирует эпический компонент, так как действие представлено в прошлом, о чем свидетельствует прошедшее время глаголов («rauscht'», «schwoll», «saß», «sah», «hatt'», «hieß», «waren»).

- 1a. Und wie er sitzt und wie er lauscht,
teilt sich die Flut empor...
- 2a. Und da sie bei der Wiege stand,
Zwischen Berg und tiefem Tal,
wohl über die See –
da hört sie einen Glockenklang,
die schöne Hannele.
- 3a. Es waren zwei Liebe.
Der Liebe wird in's Heer geschrieben;
Ins Heer muss er marschieren.
So spricht die Liebe...

¹ Hirschsnauer, R. A. Weber (Hrsg.): *Wege zum Gedicht. Bd. 2 : Interpretation von Balladen*. 1963 (2. Aufl. 1968). – P. 14.

² Albrecht, M. von. *Goethe und das Volkslied* / M. von Albrecht. – Darmstadt, 1972. – P. 19.

³ Neumann, F.W. *Zur Theorie und Ästhetik der Ballade*, aus: *Geschichte der russischen Ballade* / F.W. Neumann. – Königsberg u. Berlin, 1937. – P. 26–33.

⁴ Hirschsnauer, R. A. Weber (Hrsg.): *Wege zum Gedicht. Bd. 2 : Interpretation von Balladen*. 1963 (2. Aufl. 1968). – P. 29.

⁵ *Unvergängliche deutsche Balladen*. Hrsg. von Dr. Harald Haselbach. Verlegt bei Keiser; Klagenfurt, 2005. – P. 47.

⁶ *Немецкая народная баллада: сборник* / Сост. А. Гугнин. – М.: Радуга, 1983. – С. 29 (на нем. яз.).

⁷ Там же. С. 39.

Действие в строках (1а, 2а, 3а) актуализируется в настоящем времени (*praesens historicum*), поскольку область настоящего времени – это сфера актуальных действий. Однако здесь имеет место мнимая актуальность как порождение противоречия между речевыми условиями и основным значением формы, которая сближает претерит и презенс как грамматические формы повествования. «Когда автор переходит от претерита к презенсу, то читатель не воспринимает это как скачок во времени; автор как бы меняет место съемки одного и того же окружения»⁸. Этот стилистико-морфологический прием необходим, чтобы сбить два темпоральных пространства. «События здесь как бы переносятся из прошлого в настоящее, как бы “втягивая” читателя в эти события. Транспозиция времени обладает в таких случаях образной экспрессией»⁹. Данное использование временных форм позволяет идентифицировать важный момент событийного развития, когда событие прошлого становится актуальным на все времена. Ведущим в данном случае является фактор расширения информативного поля реципиента за счет образной картины прошлого.

Повторы «*das Wasser rauscht, das Wasser schwoll*»; «*zwischen Berg und tiefem Tal/wohl über die See, die schöne Hannele*»; «*ruck dich, ruck dich, Marmelstein/spalte dich, spalte dich, kohlschwarze Erde*» нужны автору не только для того, чтобы активизировать внимание слушающего/читающего, но и для облегчения момента импровизации, который всегда возникал в условиях живого бытования народной баллады.

Приведенные тексты содержат следующие образные средства языка: «*ruhevoll*» – эпитет, квалифицирует действия субъекта; «*kühl bis ans Herz hinan*» – лексема «*kühl*» в сочетании с существительным «*Herz*» с двойным предложным управлением передает душевное состояние рыбака, актуализируя образность в виде развернутого эпитета; «*tiefem Tal, die schöne Hannele*» – эпитеты. В балладе Гёте «*Der Fischer*» оба мира (рыбака и русалки) оппозиционны друг другу как холод – тепло; обман, видимость – реальность, правда; холодная рассудочность – чувственность; обособленное, ограниченное – цельное. Контакт происходит на границе миров, но не в одном пространстве, так как оба эти мира своими критериями разительно отличаются друг от друга. Разделение единого пространства основного действия помогает Гёте выделить преимущество мира водного над миром надводным, и как следствие – превознести пре-

имущество цельного, глубинного способа миропостижения над суррогатной рассудочностью.

Следует отметить, что баллада из-за своей эпичности тяготеет к сказке и саге. Баллада часто трансформируется в эти жанры и, наоборот, исходит из них. Сказку, сагу и балладу роднит характер использования мифологической архаики. Сказка и сага восходят к мифу, причем сага более реальна, чем сказка. Схожесть эпического в балладе с позициями вышеназванных жанров способствует решению проблемных вопросов в баллалистике.

Драматический компонент представлен в балладе в форме диалога, а также сам диалог играет ведущую роль внутри балладного текста. Баллада включает компонент драмы за счет сосредоточенности на одном событии в сочетании с фрагментарностью повествования. В балладе заключены скрытые смыслы, динамичность действий и постоянное движение, что создает «дугу» напряжения, требующую разрядки. Очень часто при отсутствии вступления баллада получает такую напряженность через резкое неожиданное начало. В балладе «*Edward*», опубликованной в 1773 г. Гердером в его «Избранном из переписки об Оссиане и песнях древних народов», доминирующим является драматический компонент.

Действие в ней происходит во времени и в последовательности от настоящего к прошлому, разворачивается в форме диалога. В центре сюжетного события трагическое происшествие: сын, подстрекаемый матерью, убивает своего отца. Драматизм ситуации, замешанный на мотиве ненависти и мести, достигает своего апогея: сын проклинает свою мать.

4. Dein Schwert, wie ists von Blut so rot?

Edward, Edward!

Dein Schwert, wie ists von Blut so rot,
und gehst so traurig her? – O!

«O ich hab geschlagen meinen Geier tot,
Mutter, Mutter!

O ich hab geschlagen meinen Geier tot,
und keinen hab ich wie er – O!»

(die Volksballade «Edward»)¹⁰

Перфект благодаря своей семе «контактность с настоящим» функционирует как форма прошедшего времени в прямой речи и выражает причину действий одного из персонажей (Эдварда) в момент речи. Перфект здесь обозначает действие, результат которого актуален для настоящего времени. Он оформляет выражения действия в прошлом, которое оценивается с позиции настоящего¹¹.

⁸ Гулыга, Е. В., Шендельс, Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – С. 51.

⁹ Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: изд-во «Высш. шк.», 1983. – С. 86.

¹⁰ *Unvergängliche deutsche Balladen*. Hrsg. von Dr. Harald Haselbach. Verlegt bei Keiser. – Klagenfurt, 2005. – P. 27.

¹¹ Гулыга, Е. В., Шендельс, Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – С. 49.

5. Und was soll werden dein Hof und Hall?
Edward, Edward!
Und was soll werden dein Hof und Hall?
So herrlich sonst und schön-O!
«Ich lass es stehn, bis es sink und fall,
Mutter, Mutter!
Ich lass es stehn, bis es sink und fall,
mag nie es wieder sehn-O!»¹²

Союз «bis» обладает семами «разновременность» и «окончание действия». Действие главного предложения «Ich lass es stehn» длится до тех пор, пока не произойдет действие придаточного «bis es sink und fall». Союз «bis» с семой «разновременность» уточняет порядок следования действий, функционируя так же, как пограничный сигнал начала и конца действия.

6. «Und was für Buße willst du nun tun?...»
«Auf Erde soll mein Fuß nicht ruhn.»¹³

Под семой «множественность» в лексеме «Fuß» заключено имплицитное выражение парного органа человеческого тела в единственном числе со значением множественного числа. Вопреки форме единственного числа мы представляем в своем сознании множественность.

В предложении «Lass sie (Weib und Kind) betteln drin» лексема «lassen» с семой «побудительность» имплицитно выражает приказание в микроконтексте с модальным значением, а во фразе «Ich lass es (Hof und Hall) stehn, bis es sink und fall» тот же глагол используется в своем основном лексическом значении.

В первой строфе «und keinen hab ich wie er» группа с «wie» выражена личным местоимением, и ее функция заключается в том, что она характеризует качество объекта сравнения (Geier) путем приписывания ему своих признаков. Здесь признаком, существенным для характеристики объекта, является отрицание «keinen».

В балладном тексте в словосочетаниях «so rot», «so traurig», «so stolz und treu», «so herrlich sonst und schön» частица «so» усиливает функцию прилагательных, стоящих в положительной степени.

Сочетания модальных глаголов с инфинитивом «was willst du nun tun», «auf Erde soll mein Fuß nicht ruhn», «will gehn fern übers Meer», «was soll werden dein Hof und Hall (dein Weib und Kind)», «ich mag nie es wieder sehn», «was willst du lassen deiner Mutter teuer», «Fluch will ich Euch lassen...» передают оттенки значения реальной модальности (необходимость, возможность, желание). Здесь модальные глаголы употребляются в сво-

ем основном лексическом значении, в форме индикатива и обозначают отношение подлежащего к действию. В подобных сочетаниях модальных глаголов с инфинитивом присутствует так называемая внутренняя модальность¹⁴.

В драматическом компоненте баллады категория образности представлена следующими языковыми средствами:

«Dein Schwert...ist von Blut so rot»: «rot» – это прилагательное-эпитет в функции предикатива, имеет статус ремы, поэтому релевантна в образной картине данного микротекста;

«Dich drückt ein ander Schmerz» – эксплицитно выражены референт и основание (косвенная метафора).

7. «Und was soll werden dein Hof und Hall?
So herrlich sonst und schön - O!»¹⁵

Постпозитивный множественный эпитет, представленный прилагательными «herrlich», «schön» – в положительной степени.

«Höllisch Feuer» – эпитет, семантическая структура которого складывается из смыслового отношения двух единиц: определяемого слова «Feuer», выраженного единицей семантической группы «стихийное явление» и эксплицитного определения «höllisch».

Представленные в драматическом компоненте баллады языковые средства в форме диалога эксплицитно выражают динамичность повествования, накал страстей. Благодаря диалогу баллада приобретает свою демонстративность, сценичность и приближенность к реальной действительности.

В балладе Бюргера «Das Lied vom braven Mann» существует два сюжета: первый – о стихии и бедствии, о возможной гибели таможенника, его жены с ребенком и об их спасении крестьянином; второй – о графе, предлагающем награду за подвиг, и об отказе от нее спасителем. Тем самым в балладе представлено выводное знание-мораль: о непродажности, бескорыстии подвига и одолении стихии человеком из народа в противовес беспомощности благородного графа. Баллада названа песней, поскольку она в первой строфе так и звучит:

8. Hoch klingt das Lied vom braven Mann
wie Orgelton und Glockenklang –

и далее Бюргер морализирует:

Wer hohen Muts sich rühmen kann,
den lohnt nicht Gold, den lohnt Gesang
(Bürger, «Das Lied vom braven Mann»)¹⁶

Крестьянин-спаситель отказывается от графского золота и получает от автора песню. Вся

¹² *Unvergängliche deutsche Balladen. Hrsg. von Dr. Harald Haselbach. Verlegt bei Keiser. – Klagenfurt, 2005. – P. 27.*

¹³ Там же. P. 27.

¹⁴ Борисова, Т. В. Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке: дис. ...канд. филол. наук / Т. В. Борисова. – М., 1951. – С. 56.

¹⁵ *Unvergängliche deutsche Balladen. Hrsg. von Dr. Harald Haselbach. Verlegt bei Keiser. – Klagenfurt, 2005. – P. 27.*

¹⁶ Там же. P. 35.

баллада звучит необычайно взволнованно. Разгул стихии передается через ритмичность многократных повторов: «und rollten gewaltige Felsen», «die Schollen rollten Stoß auf Stoß», «O Retter! Retter! komm geschwind!», «Barmherziger Himmel, erbarme dich!», «durchheulte nach Rettung den Strom und Wind», «trotz Wirbel, Sturm und Wogendrang». Драматический накал усиливается частыми восклицаниями и риторическими вопросами: «O Zöllner, O Zöllner! Entfleuch geschwind!», «Verloren! Verloren! Wer rettet mich?» и другими. Острота ситуации подчеркивается соответствующим моментом:

9. Rasch galoppiert' ein Graf hervor,
auf hohem Ross ein edler Graf.
Was hielt des Grafen Hand empor?
Ein Beutel war es, voll und straff.
(Bürger, «Das Lied vom braven Mann»)¹⁷

Весь сюжет баллады передан с гиперболизированной динамичностью, чрезмерной патетикой, ярко выраженной экспрессией отчаяния, многократно высказываемым отношением и чувствами: «und immer höher schwoll die Flut», «und immer lauter schnob der Wind», «und immer tiefer sank der Mut», «der bebende Zöllner mit Weib und Kind», «er heulte noch lauter als Strom und Wind», «durchheulte nach Rettung den Strom und Wind».

Образность представлена в балладе языковыми средствами, коррелирующими с драматическим семантическим компонентом, в котором проходит сравнение с ярким, впечатляющим звучанием, отражающим накал страстей («wie Orgelton und Glockenklang»), либо с устрашающими объектами действительности («wie wenn der Wolf die Herde scheucht»). Эпитеты драматического компонента также включают семы страстности, динамичного действия, чувственности («Wer hohen Muts sich rühmen kann», «der Tauwind trüb und feucht», «schlecht und recht ein Bauersmann», «auf hohem Ross», «ein edler Graf», «der Graf trug hohen Sinn», «höher und himmlischer schlug das Herz»). Метафора в драме опирается на фактор одушевления природных явлений («die Wolken flogen», «der Tauwind fegte die Felder», «es heulten Sturm und Wog' ums Haus», «von beiden Ufern riss der Fluss», «die Pfeiler samt den Bogen fort»).

При соотнесении драматического и эпического компонентов появляется общая картина, в которой «драматическое» в отличие от «эпического» происходит на фоне диалогического партнерства реального/ирреального образов, где реализуются человеческий фактор и динамичность действия в его развитии. Следует отметить, что

позиции драматической составляющей в балладном жанре схожи с позициями других жанров (легенды, драмы, поэзии).

В лирическом компоненте говорящий отражает события через свои эмоции и чувства, включая в изображение элементы таинственности и доверительности.

10. «Wer reit' t mein Ross, wer besitzt mein Schloss
wer zieht mir meine Kinder groß?»
«Ich reit' dein Ross, ich besitzt dein Schloss,
ich zieh' dir deine Kinder groß».
(Народная баллада «Der Vorwirt»)¹⁸

Лиричность данного текста обеспечивается наличием объектов привязанности адресанта (mein Ross, mein Schloss, meine Kinder). Несмотря на диалогическое построение строфы, вопросительные предложения воздействуют на полиадресата как риторические, имплицитные личностные переживания. При этом порождается также драматическое напряжение, которое находит разрядку в реагирующем высказывании. Присутствие повтора производит впечатление некоторой «перегласовки» между инициацией и реакцией, что позволяет констатировать абсолютное взаимопроникновение названных элементов баллады (эпический, драматический, лирический компоненты) при релевантности одного из них для конкретного текста. В данном случае превалирует лирический компонент, поскольку высказывание актуализирует в определенном смысле доверительную беседу с приоритетом эмоциональных переживаний и личных привязанностей.

Образность представлена разнообразием эпитетов, базирующихся на семантической сфере возвышенности чувств: адъективные («würsten Kirchhof», «die himmlische Ruh», «die himmlische Taub», «ein weißes trocknes Hemd»; субстантивные («Vogelsang»); адвербиальные («scharf mit Rute», «fleißig in die Kirche»).

Как уже отмечалось выше, баллада представляет собой короткую народную песню повествовательного содержания. Именно сюжетность является тем особенным признаком, который выделяет балладу из числа других поэтических жанров. «Сюжетика баллады восходит к самым разнообразным источникам – и устным, и письменным, и традиционным, и иноземным. Она восходит и к сказкам-быличкам, и к волшебным сказкам, и к католическо-христианским легендам, и к письменным сагам, и к рыцарским романам, и к исторической традиции в той или иной форме, и к бытовым рассказам о событиях частной жизни. Она может восходить и к мифам или героическим сказаниям», – отмечает

¹⁷ *Unvergängliche deutsche Balladen. Hrsg. von Dr. Harald Haselbach. Verlegt bei Keiser. – Klagenfurt, 2005. – P. 36.*

¹⁸ *Немецкая народная баллада: сборник / Сост. А. Гуггин. – М.: Радуга, 1983. – С. 41 (на нем. яз.).*

М. И. Стеблин-Каменский¹⁹. Тематическое разнообразие баллад исследователи объясняют тем, что они восходят к тем или иным фольклорным образованиям. «Именно фольклор является той единственной и исключительной формой бытования литературного творчества, которая отражает в высокохудожественном, типизированном и обобщенном виде весь круг исторического бытия народа: мир его верований и представлений, чаяний и надежд, его интерпретацию важнейших исторических событий, а порой и частных, не столь выдающихся фактов»²⁰.

Учет одновременно формы, содержания, типа художественного вымысла каждого балладного текста позволяет исследователю выявить основные разновидности этого жанра, начиная от натурмифологической баллады Средневековья и заканчивая социально-политической балладой XX века.

С точки зрения данного подхода совершенно реально просматривается большой слой баллад, сюжетики которых строится на базе древних мифов, представляющих семантику реальности через включение ирреального субъекта (водяные, лешие, эльфы, русалки, лесные духи). Необходимость оперирования образами обусловлена тем, что всякий миф имеет высокое прагматическое воздействие именно потому, что, являясь выдумкой, входит в жизненную ситуацию через средства противопоставления и противодействия. Поэтому натурмифологические баллады с трагическими судьбами персонажей приобретают жизнеутверждающий смысл в столкновении с ирреальными силами. Авторы баллад использовали для действия соответствующее временное пространство эпохи Средневековья с ее замками, атмосферой загадочности, таинственности и даже трагичности, ведьмами и мифологическими богами («Erlkönigs Tochter», «Erlkönig», «Der Schatzgräber», «Der tote Bräutigam», «Der Vorwirt» и многие другие). И всегда все эти причудливые и трагические конфликты связаны многими нитями с образом жизни и привычками народа, в среде которого они возникли.

Развитие балладных сюжетов шло по двум основным направлениям: чрезвычайно продуктивными оказались сюжеты героико-исторического жанра. Параллельно им интенсивно развивались сюжеты, связанные с любовной тематикой. На самом деле резкой грани между этими двумя группами не было – исторические и любовные сюжеты часто переплетались между собой в рамках одной баллады, вбирали в себя

мифические фольклорные мотивы, приобретали какие-то специфические черты, связанные с местом зарождения и бытования той или иной баллады, однако за пределы двух названных сюжетно-тематических групп народные немецкие баллады не выходили.

В основе героических баллад, имеющих преимущественно эпический характер, лежат конкретные исторические события, которые в большей или меньшей степени прослеживаются в каждой из них. Но не только исторические события лежат в основе сюжетов таких баллад. Старинные народные песни не просто дополняют скудные факты истории сведениями о событиях, неизвестных хроникам, а дают яркое представление о человеческих отношениях, о том, как мыслили и говорили, что переживали и чувствовали далекие предки современных немцев. Из истории читатели, прежде всего, узнают, что делали люди, а из баллад, какими они были. Обращение к первоисточнику, к немецким народным песням и балладам позволяет увидеть отсутствие национальной спеси при сохранении национального сознания, стремление к добру, социальной справедливости, к высоким чувствам. Гейне выразил этот факт следующим образом: «Тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, я советую прочитать их народные песни»²¹. Героико-исторические народные баллады изображают события эпохи Великой крестьянской войны в Германии («Sickingens Tod»), песни Тридцатилетней войны («Belagerung der Stadt Stralsund», «Die Breisacher Buhlschaft»). На протяжении многих веков народная память сберегает исторические сюжеты в балладах («Die Frau von Weißenburg», «Die schöne Bernauerin»).

К историческим балладам можно по праву отнести балладу О. Ройтера «Der Räuberhauptmann von Köpenick». Она излагает реальные события, историю немецкого сапожника В. Фогта, который, переодевшись в форму прусского офицера, заявился в ратушу города Köpenick (ныне часть Берлина) и конфисковал городскую кассу. Деньги были отданы ему беспрекословно только из уважения, чувства почитания и преклонения перед армией и униформой. Назвавшийся капитаном Фогт стал впоследствии героем многих драм, романов и фильмов, критиковавших и разоблачавших милитаристский дух прусской Германии. Фигура капитана Фогта является в настоящее время одним из любимых оригинальных персонажей, символов Берлина.

¹⁹ Стеблин-Каменский, М. И. Баллада в Скандинавии и происхождение баллады (заметки на полях) в сб.: «Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского». – Л., «Наука», 1973. – С. 241–242.

²⁰ Гугнин, А. А. Народная и литературная баллада: судьба жанра / А. А. Гугнин // Развитие поэтических жанров в литературе Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Просвещение, 1995. – С. 6.

²¹ Гейне, Г. Лирика; пер. с нем. / Г. Гейне. – М.: Просвещение, 1963. – С. 40.

Баллады, посвященные любовной тематике и имеющие лирико-драматический характер, составляют довольно многочисленную группу среди разновидностей этого жанра: любовные баллады и песни «Rosengarten», «Gretlein», «Das Mädchen und die Haselstaude»; рыцарские любовные баллады «Die Losgekaufte», «Ritter und Magd», «Maria und der Schiffmann»; баллады, конфликты которых вырастают из феодальной сословной иерархии «Graf und Nonne», «Das Schloß in Österreich», «Edelmann und Schäfer» и другие. Они рассказывают о горестях любви, о неисчисляемых опасностях и препятствиях, которые подстерегали влюбленных в те далекие времена. Трагически звучат многие баллады, например, баллада «Das Schloß in Österreich» рассказывает о парижском студенте, вступившем в тайную любовную связь с дочерью высокопоставленного дворянина и обвиненном в воровстве, когда случайно у него была обнаружена золотая цепочка, подарок его возлюбленной. Студент, отказавшийся назвать имя любимой, был казнен. Отец его, напрасно умолявший о помиловании и предлагавший выкуп, жестоко мстит за сына. Примечательно, что слово «студент», явно чуждое народной балладе, заменяется более емкими и обобщенными образами: «ein junger Knab», «ein stolzer Knab», «ein Jüngling schön», «ein schöner Knab». Происходит это потому, что народная баллада, стремясь к типизации и художественной правде, стирает в эпизоде, легшем в основу, непривычные черты, отчего в этой балладе и во многих других, сходных по сюжету, слово «студент» не встречается. Однако адресату понятны подобные замены персонажей, так как он знает в основных чертах сюжет, любит непритязательную форму и стиль баллады.

Многие баллады имеют зловещий колорит и роковой исход, особенно ярко это представлено в мифических текстах. Драматизм ситуации и диалогов, лирическая возбужденность достигают здесь апогея, поскольку чувства мести, ревности и любви являются ведущими в эмотивном комплексе событийной и сюжетной линий каждой баллады и актуализируются адекватными языковыми средствами. Особенно часто мифические мотивы реализуются через развернутую поэтическую метафору в сюжетах об испытании верности, мужества, благородства. Своеобразной разновидностью мотива «испытания верности» является сюжет о невесте, следующей за любимым в могилу («Der tote Bräutigam»). Другая разновидность того же мотива – сюжеты, где в ответ на призыв женщины (обычно русалки) мужчина с безоглядной смелостью бросается за ней в морскую пучину («Der Fischer»). Во многих балладах («Edward», «Das erwachte Gewissen oder die böse Mutter» и другие) женщины не уступают мужчинам в ненависти, вражде или мести; баллады изображают злую мать, мачеху,

жену, любовницу, обезумевших от зависти, ревности и отчаяния.

Существует еще одна жанровая разновидность баллады с отчетливо выраженным социальным конфликтом, в которой нашли свое отражение и беспокойная жизнь средневекового человека с ее непредвиденными опасностями и угрозами, и трагические конфликты, обусловленные непреодолимыми социальными различиями и сословными перегородками. Социальная баллада XIX века (гражданственного, сатирического или пародийного содержания) апеллирует к сочувствию читателя, гражданина, протестуя против политического несовершенства власти.

Социальная баллада возведена на художественную высоту такими авторами, как Гейне и Шамиссо, примером для которых послужили французские шансоны Беранже. В социальной балладе в качестве человеческих слабостей предстают нищета, болезнь, одиночество, которые вызывают сострадание и сочувствие более сильных людей. Таковы социальные баллады Гейне «Jammertal» и Шамиссо «Der Bettler und sein Hund», «Das Gebet der Witwe», «Der Invalid im Irrenhaus».

К началу XX века баллада возродилась, прежде всего, как песня-кабаре и как эстрадная песня. Живое исполнение перед слушателями снова стало определяющим. После Первой мировой войны балладную форму, помимо Йоганнеса Р. Бехера, начали использовать, прежде всего, Бертольд Брехт и Эрих Вайнерт и обогатили ее новым содержанием.

Бертольд Брехт в балладе «Moritat vom Räuber Mackie» опирался на яркий стиль «старого уличного певца». Баллада о детоубийце Марии Фаррар «Ballade von der Kindesmörderin Marie Farrar» повествует о страшной судьбе девочки-подростка и возрождает жанр социальной баллады. В конце каждой строфы певец баллады просит слушателей о сострадании и помощи слабому одинокому созданию. В балладе «Legenden vom toten Soldaten» Брехт изображает судьбу обычного человека в Первой мировой войне и разоблачает преступные цели тех, кому война несет прибыль. Баллада «Ossegger Witwen» также имеет политический характер, поскольку проникнута сочувствием к страдающему человеку (Witwe).

Эрих Вайнерт делает балладу орудием в повседневной борьбе против фашизма и сам исполняет свои баллады в кафе, на радио. Благодаря яркому исполнению его баллады находят живой отклик в народе до сих пор, поскольку в них сочетаются эпический и драматический компоненты, актуальные на все времена из-за присутствия исторической реальности и накала страстей. Эти идеи нашли отражение в его балладах «John Scheer und Genossen», «Der Abschied», «Eine deutsche Mutter».

Таким образом, баллада имеет синтетический характер, где воедино собраны три основных компонента ее содержательной сферы.

1. Эпический, который актуален для любой баллады, поскольку отражает реальные факты исторического развития народа, которые породили его ментальность и национальное сознание. Эпический компонент представляет спокойное созерцание, объективность действий и событий на фоне ярких образных картин реальности сюжетного и натурного плана; основная грамматическая форма выражения времени – претерит. Эпическое действие происходит не в пространстве, а во времени и всегда в последовательности от настоящего к прошлому, хотя события, предшествующие началу действия, неизменно обнаруживаются.

2. Драматический компонент базируется на взаимодействии и конфликте персонажей; в центре драматического компонента – диалог, в котором реализуется человеческий фактор и динамичность наступления событий в развитии, благодаря чему баллада сценична, а также фрагментарность, которая придает балладе особый драматизм через накал страстей, что передается соответствующими языковыми средствами.

3. Лирический компонент является связующим звеном в повествовании, поскольку отмечен авторской позицией, философией, авторской поэтической реальностью. Лирический компонент представлен такими образными средствами, которые актуализируют семантическую сферу высоких чувств и ярких эмоций.

Все три компонента присутствуют в содержании баллад, выделяя для каждой более актуальный в семантическом плане мотив через адекватные стилистические приемы и средства языка.

Литература

1. Борисова, Т. В. Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке: дис. ...канд. филол. наук / Т. В. Борисова. – М., 1951. – 171 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: изд-во «Высш. шк.», 1983. – 271 с.
3. Гейне, Г. Лирика; пер. с нем. / Г. Гейне. – М.: Просвещение, 1963. – 123 с.
4. Гугнин, А. А. Народная и литературная баллада: судьба жанра / А. А. Гугнин // Развитие поэтических жанров в литературе Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Просвещение, 1995. – 123 с.
5. Гулыга, Е. В., Шендельс, Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
6. Стеблин-Каменский, М. И. Баллада в Скандинавии и происхождение баллады (заметки на полях) в сб.: «Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского». – Л.: «Наука», 1973.
7. Albrecht, M. von. Goethe und das Volkslied / M. von Albrecht. – Darmstadt, 1972. – P. 128.
8. Hirschnauer, R. A. Weber (Hrsg.): Wege zum Gedicht. Bd. 2: Interpretation von Balladen. 1963 (2. Aufl. 1968).
9. Neumann, F.W. Zur Theorie und Ästhetik der Ballade, aus: Geschichte der russischen Ballade / F.W. Neumann. – Königsberg u. Berlin, 1937.
10. Unvergängliche deutsche Balladen. Hrsg. von Dr. Harald Haselbach. Verlegt bei Keiser, Klagenfurt, 2005.
11. Немецкая народная баллада: сборник (на нем. яз.) / Сост. А. Гугнин. – М.: Радуга, 1983.

Повышение мотивации студентов к обучению иностранному языку посредством инновационных педагогических технологий

В последние годы вопросам изучения развития мотивации студентов к обучению в современной педагогике уделяется особое внимание. Это связано с тем, что вопрос о мотивации, по существу, является вопросом о качестве учебной деятельности, успешности социально-психологической адаптации студента к условиям обучения в вузе, эффективности усвоения учебных дисциплин. От мотива, который присутствует у студентов при обучении, зависят их отношение к учебе, успеваемость, заинтересованность в изучаемом вопросе, а в дальнейшем и профессионализм¹. Как утверждает Е. П. Ильин, «высокая позитивная мотивация может играть роль компенсирующего фактора в случае недостаточно высоких способностей; однако в обратном случае этот фактор не срабатывает – никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительным успехам в учебе»². Именно поэтому изучение мотивации учебной деятельности студентов является важной проблемой. Опыт показывает, что порой новые технологии и технические средства, используемые в обучении для ускоренного процесса обучения и повышения его эффективности, могут дать надлежащую отдачу, если обучаемые мотивированы.

Проблеме мотивации и мотивов поведения и деятельности посвящено не поддающееся учету количество публикаций, и среди них монографии российских авторов: В. Г. Асеева, В. А. Иванникова, Е. П. Ильина, В. И. Ковалева, А. Н. Леонтьева, В. С. Магуна, В. С. Мерлина, П. М. Якобсона; а также зарубежных авторов: Х. Хекхаузена, Д. В. Аткинсона, Д. Халла, А. Г. Маслоу и других.

Мотив, по определению А. Н. Леонтьева, «это объект, который отвечает той или иной потребности и который в той или иной форме, отражаясь субъектом, ведет его деятельность»³. Мотив

определяют также как непосредственную внутреннюю осознанную причину поступков или деятельности, как внутреннюю цель и потребность, вырабатываемую самой личностью под влиянием общественного запроса⁴.

Особое место занимает исследование учебной мотивации, которая определяется как частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность. Как показывают социально-психологические исследования, мотивация учебной деятельности неоднородна, она зависит от множества факторов:

- 1) образовательной системы;
- 2) образовательного учреждения;
- 3) организации образовательного процесса;
- 4) специфики учебного предмета;
- 5) субъективных особенностей педагога и др⁵.

Возможность создания условий возникновения интереса к учителю, учению (как эмоционального переживания удовлетворения познавательной потребности) и формирование самого интереса отмечались многими исследователями. На основе системного анализа были сформулированы основные факторы, способствующие тому, чтобы учение было интересным для обучающегося⁶. Согласно данным этого анализа, важнейшим фактором повышения учебной мотивации студентов при обучении иностранному языку является возможность проявить самостоятельность и инициативность.

Мы полагаем, что этим задачам в обучении студентов иностранному языку отвечают инновационные технологии в образовательном процессе. Они помогают сформировать у студентов умения и навыки самостоятельной работы, развить учебные компетенции обучающегося, сформировать языковую личность. Языковая личность в области иностранных языков – это показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации, спо-

¹ Константинова, Н. А., Михеев, И. Д. Развитие мотивации студентов как средство повышения качества обучения иностранному языку / Н. А. Константинова, И. Д. Михеев // *Успехи современного естествознания*. – № 2. – 2008.

² Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: «Питер», 2000. – С. 235.

³ Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и сознание: XVIII Международный психологический конгресс / А. Н. Леонтьев // *Мотивы и сознание в поведении человека*. – М., 1966. – С. 14.

⁴ Кушинир, А. М. Педагогика иностранного языка / А. М. Кушинир // *Школьные технологии*. – Россия, 1997. – 192 с.

⁵ Божович, Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1972. – С. 57.

⁶ Кузьмина, Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. – М.: Высш. шк., 1990. – 119 с.

способность реализовать себя в рамках диалога культур⁷. Ссылаясь на определение Ю. Н. Караулова, языковая личность есть многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений и готовностей к осуществлению языковых поступков разной степени сложности: поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (говорение, аудирование, письмо, чтение), а с другой – по уровням языка (фонетика, грамматика, лексика)⁸.

Одной из инновационных моделей учебного процесса можно считать обучение как организацию активного обмена мнениями в творческой дискуссии⁹.

Дискуссией (лат. «*discussio*» – исследование – рассмотрение, разбор) называют такой публичный спор, целью которого является выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск, выявление истинного мнения, нахождение правильного решения спорного вопроса. Дискуссия считается эффективным способом убеждения, так как ее участники сами приходят к тому или иному выводу¹⁰.

Изучив метод активизации возможностей личности и коллектива, разработанный Г. А. Китайгородской¹¹, мы предприняли попытку разработать модель дискуссионного обучения на основе ролевой игры со студентами второго курса, будущими лингвистами-переводчиками. Ролевые игры, являясь специфической организационной формой обучения устно-речевому общению, основанному на коммуникативном принципе, легко вписываются в классно-урочную систему и доставляют студентам удовольствие¹².

Важно отметить то, что игровая форма обучения способствует использованию различных способов мотивации.

1. Мотивы общения:

а) студенты, совместно решая задачи, участвуют в ролевой игре, учатся общаться, учитывать мнение товарищей;

б) студенты в практической деятельности на собственном опыте осознают полезность своих действий и действий своих товарищей по игре.

2. Моральные мотивы:

- в ролевой игре каждый студент может проя-

вить себя, свои знания, умения, свой характер, волевые качества, свое отношение к деятельности.

3. Познавательные мотивы:

а) ситуация успеха создает благоприятный эмоциональный фон для развития познавательного интереса; неудача воспринимается не как личное поражение, а элементарное поражение в игре и стимулирует познавательную деятельность;

б) в игре в процессе достижения общей цели активизируется мыслительная деятельность; мысль ищет выход, она устремлена на решение познавательных задач¹³.

Таким образом, игровой метод относится к числу многоцелевых, предоставляет преподавателю и студенту широкие возможности для творчества. Целеполагание данного метода состоит в:

- формировании мотивации на дальнейшее обучение;

- оценке уровня подготовленности студентов;

- оценке степени овладения материалом и переводе его из пассивного состояния (знания) в активное (умение).

За основу были приняты принципы, на которых строится модель дискуссионного обучения. Это принцип проблемности; направленности на положительный результат; принцип личностно-ориентированного общения; коллективного взаимодействия; полифункциональности упражнений и принцип ролевой организации учебного материала и учебного процесса.

Для организации дискуссионного обучения на основе ролевой игры необходима определенная организация речевого материала. С этой целью мы предлагаем прием применения логико-смысловой карты проблемы (ЛСКП). Остановимся на ней более подробно.

На наш взгляд, это довольно сложный вид опоры для организации ролевой игры, ибо сложно само явление – проблема, которую предлагаемая карта моделирует, представляя ее упрощенную структуру.

Составлять ЛСКП достаточно трудоемко для преподавателя, но с помощью этой карты очень легко воссоздать действительно коммуникативное общение на уроке, так как студенты смогут прои-

⁷ Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – М.: АРКТИ, 2000. – С. 36.

⁸ Русская культура и мир // Доклады участников II Международной практической конференции. – М., 1994.

⁹ Синяева, О. Н. Инновационные подходы к процессу обучения в системе подготовки специалистов / О. Н. Синяева // Высшая школа. – М., 2006. – С. 25.

¹⁰ Введенская, Л. А. Риторика для юристов: учеб. пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 2002. – 576 с.

¹¹ Китайгородская, Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика / Г. А. Китайгородская. – М.: Рус. яз., 1992. – 254 с.

¹² Коньшева, А. В. Игровой метод в обучении иностранному языку / А. В. Коньшева. – СПб.: КАРО; Мн.: изд-во «Четыре четверти», 2006. – С. 72.

¹³ Там же. С. 76.

грать именно те роли, которые им наиболее близки в реальной действительности. Чтобы составить ЛСКП, необходимо определить проблему, которая будет интересна всем участникам ролевой игры и даст им возможность высказываться с различных позиций и исполнять значимые для них роли.

Определяется основной тезис, который формулируется в верхней части карты сразу после имени. Он выражает отношение к проблеме, присутствующее данному человеку. Обычно они располагаются от положительного к отрицательному отношению. Делается это для того, чтобы участники могли выбрать именно ту позицию, которая им кажется наиболее приемлемой. Они могут предложить свой вариант, и это стоит поощрять. Далее располагаются ключевые слова и выражения, раскрывающие в логическом и смысловом плане решение предполагаемой проблемы.

Заканчивает карту тоже тезис, но он уже будет являться своего рода выводом, выражающим главную идею проблемы. Здесь тоже следует помнить, что каждый участник может претендовать на свой собственный вывод, и преподаателю следует поощрять его самостоятельность и инициативу.

В зависимости от личности конкретного участника преподаватель подбирает ему ту или иную роль (обучение по методу активизации предполагает наличие у учащихся определенных ролей, что включает их принадлежность к определенным профессиям и т. п.), которую он будет играть в дискуссии, определяет или направляет поведение участника в дискуссии, а также подсказывает ему способ подготовки к обсуждению проблемы.

Работа над ролью у разных студентов протекает по-разному. Можно использовать индивидуальную, парную и групповую формы подготовки. Все они имеют самостоятельную дидактическую

ценность, позволяют связать аудиторную и самостоятельную работу.

Проводить ролевую игру по предложенной карте можно в виде «тусовки», на которой собираются студенты, чтобы поболтать о своих проблемах, обменяться мнениями, отдохнуть, что-то обсудить. Здесь и будет каждый участник играть выбранную им роль. Можно предложить игру в виде пресс-конференции, на которой будут присутствовать журналисты, врачи, психологи. Это все зависит от фантазии преподавателя и той атмосферы, которая существует в каждой конкретной группе.

Практика показывает, что этот прием применения логико-смысловой карты проблемы достаточно эффективный, а сама игра проходит интересно и непринужденно. Знание преподавателем мотивов, интересов, преобладающих в той или иной группе, дает ему возможность выделить тот круг проблемных тем, который поможет организовать дискуссионное общение в процессе ролевой игры с наибольшей эффективностью. Из изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Мотивация студентов напрямую влияет на их успеваемость, заинтересованность в изучаемом предмете, а в дальнейшем и на профессионализм.

2. Зная механизмы развития мотивации учебной деятельности у студентов, преподаватель может вывести свой предмет на качественно новый уровень.

3. Использование активных инновационных форм занятий помогает сформировать у студентов умения и навыки самостоятельной работы, творческое мышление, развить учебные компетенции обучаемого, сформировать языковую личность.

Различные аспекты антонимии как методическая проблема

В настоящее время исследователи все чаще приходят к выводу о том, что формирование у студентов лингвистических специальностей прочных рецептивных и продуктивных межязыковых умений невозможно без знания теоретических аспектов языка. Теория является неотъемлемой частью подготовки квалифицированных кадров как в области лингвистики, так и в области филологии. Вывод о том, что «без знания теории изучение языков существенно осложняется», становится все более очевидным. Задачей преподавателя является определить характер и объем теоретического материала, необходимого для формирования основных компетенций специалиста-филолога.

В соответствии с вышесказанным одной из задач курса лексикологии английского языка является развитие у студентов представлений о системности лексики и о роли таких лексико-семантических категорий, как антонимия, синонимия, полисемия в построении речи.

Анализ лексической антонимии может быть осуществлен лишь при исследовании этого явления в различных лингвистических аспектах, присущих языку как семиотической системе. В семантическом аспекте – это отношение знака к внеязыковой действительности; в синтактике – отношение знаков между собой; в прагматике – отношение знаков к тем, кто ими пользуется. В каждом из этих аспектов противоположные значения слов имеют различные по своему характеру, но внутренне связанные и взаимно обусловленные характеристики. В синтагматике слова с противоположными значениями характеризуются частой совместной встречаемостью в определенных контекстах, где реализуется одно из типовых антонимических значений – противопоставление, сравнение, соединение; в парадигматике антонимы отличаются друг от друга противопоставлением по одному существенному для них дифференциальному признаку; в прагматике – это слова наиболее «притертые» друг к другу в практике речевого употребления.

Слова противоположного значения могут по-разному употребляться в речи, однако наиболее часто они воспроизводятся в тексте в определенных конструкциях, характеризующихся контактным расположением антонимов. Именно в таких

синтагматических оппозициях происходит массовое, регулярно повторяемое противопоставление и сближение антонимичных слов.

Если анализировать синтагматические оппозиции с точки зрения их синтаксической структуры, то можно обнаружить, что наиболее представительными структурными типами оппозиции противоположности являются:

1) Параллельные конструкции:

– There should be laughter after pain,	– It's the reason I laugh and the reason I cry
There should be sunshine after rain.	It's the reason I have what it takes to get by
These things has always been the same,	It's the reason I live and the reason I died
So why worry now? ¹	It's the reason for the hope that I keep right here inside.

2) Соединение антонимов с помощью различных союзов:

– But does heaven know you are here?
And did they give you smiles or tears?
Will this earth be good to you
Keep you clean or stained through?

– The boundaries which divide Life and Death are at best shadowy and vague (H. P. Lovecraft. The tomb and other tales, L., 1956).

3) Атрибутивные сочетания типа: Adj + N, Adv + Adj.

Словосочетания такого рода обычно относят к оксюмору. В этой стилистической фигуре сочетание значения слов по контрасту создает новое понятие или раскрывает противоречивость описываемого явления, например: living death, the beginning of the end, peopled desert, whited sepulture, humble ambition, proud humility:

– His humble ambition,	– Out from ruins once proud humility,
His jarring concord,	Fallen city, living death.
and his discord dulcet.	

(W. Shakespeare).

Сама модель не позволяет использовать антонимы. Но, как отмечает Н. Л. Соколова, анализ оксюморных сочетаний путем приведения их компонентов через объяснительные трансформации к одной части речи выявляет принадлежность составляющих оксюморона к антонимам².

Кроме контактного расположения компонен-

¹ Здесь и далее подобные примеры взяты из текстов современных песен.

² Соколова, Н. Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н. Л. Соколова // Филологические науки. – 1977. – № 6.

тов антонимических пар, можно выделить также и их дистантное расположение, которое, в свою очередь, может быть однократным и многократным, например:

Born from the dark.
In the black cloak of night,
To envelop its prey below,
Deliver to the light.

Анализ структурных типов оппозиций противоположности в синтагматике позволяет вскрыть несколько основных видов семантических отношений, реализуемых в антонимических контекстах, в частности, соединения, противопоставления, сравнения и других. Результаты, полученные в синтагматическом аспекте, являются исходным материалом для продолжения анализа в его парадигматическом аспекте. Противопоставления слов, имеющие регулярный характер в речи, становятся парадигматическими оппозициями.

С точки зрения системно-структурного подхода антонимы могут быть классифицированы по следующим признакам: 1) по морфологическим особенностям; 2) по степени антонимичности; 3) по принадлежности антонимов к одной или к разным частям речи.

Ряд ученых предлагает функциональные классификации антонимов, опираясь не на их формальное подобие, а на «глубинные» связи противоположных по значению слов. Подобная систематизация дает возможность полнее представить систему антонимии, обратив внимание на такие связи противоположных слов, которые обычно остаются незамеченными. Есть достаточные основания полагать, что многообразие антонимических отношений можно свести к ограниченному числу исходных противопоставлений, таких, как: *big – small, good – bad, beginning – end* и т. д. Так, ниже следующие пары антонимов объединяются тем, что являются различным языковым выражением одной и той же функции «big/small», примененной к различным словам-аргументам. Каждому аргументу, то есть словам «*wire*», «*tower*» и т. д., соответствует определенное значение зависимой переменной, то есть антонимов, которые употребляются в сочетании с этими словами: *wire – long – short, tower – high – low, slit – deep – shallow, layer – thick – thin, distance – long – close, weight – heavy – light, passage – wide – narrow, wind – strong – gentle, soup – thick – watery, run – quick – slow, voice – loud – low, product – expensive – cheap, man – rich – poor* и т. д.

В каждом сочетании функция «big/small» конкретизируется в зависимости от слова-аргумента: по протяженности вдоль – *wire–long–short*, по протяженности вдоль снизу вверх – *tower–high–low* и т. д.

Подобным же образом могут быть объединены такие противоположности, как: *birth – death, start – finish, morning – evening, opening – close, source – mouth* и так далее, как различные обозначения начала и конца жизни, забега, дня, конференции, реки.

Антонимия, таким образом, оказывается существенным «измерением» любого семантического поля, а сами антонимы – его необходимыми конструктивными элементами. Анализ реальных текстов показывает, что определение «антонимы – слова одной части речи» не раскрывает всего разнообразия оппозиций противоположности. Классификации, разделяющие антонимы на одночастеречные и межчастеречные, представлены в работах В. А. Ивановой, Л. А. Булаховского, Е. Н. Миллера и других исследователей. Вследствие своей типичности и распространенности одночастеречная антонимия стала объектом изучения в первую очередь. Однако, если исходить из того, что антонимичность слов не зависит от их грамматической формы и формообразующих компонентов, как, например: «*The length I gone are just long miles, Would they be shorter if I were dead*», то следует признать, что «антонимичность между разнокорневыми словами возникает благодаря противоположности значений основных их смыслообразующих корней»³. Так как антонимичность сохраняется в словообразовательных цепочках, члены которых образованы по одинаковым моделям, то прилагательное «теплый» антонимично, например, существительному «холод» по лексическому значению корней.

Межчастеречная антонимия представлена и в приведенных ниже примерах:

– The plateau was clean,	– The guilty one, inno-
no dirt could be seen.	cent she now cries
And the work it took	A life of Hell, better off
was fun.	to die...
– Creating a life only to	
desroy...	

Результаты анализа антонимичных оппозиций, образовавшихся путем деривации, свидетельствуют в пользу существования межчастеречной антонимии не только в речи, но и в языке. Так, В. А. Иванова считает, что «разнокорневые антонимы связаны двойной связью: семантическими отношениями по противоположности (связи между антонимами) и формально-семантическими отношениями со своими рядами производных (словообразовательные связи)»⁴. В антонимах – словах одной части речи можно выделить симметричные грамматические общие и противоположные лексические семы, а в словах-антонимах, относящихся к разным частям

³ Миллер, Е. Н. Антонимы разных частей речи / Е. Н. Миллер // Русский язык в школе. – 1987. – № 5.

⁴ Иванова, В. А. Антонимы разных частей речи / В. А. Иванова // Русский язык в школе. – 1987. – № 5.

речи, при тех же общих и противоположных лексических семах выделяют ассиметричные грамматические семы: «The strength of a chain is in its weakest point». Данный пример дает возможность выделить оппозицию «strength–weakness». Оба антонима обозначают «ability to resist power»; противоположные семы – наличие/отсутствие данного признака; ассиметричные семы – субстанцию/признак.

Таким образом, межчастеречная антонимия реально существует в системе языка благодаря наличию одинаковых и противоположных семантических компонентов в соответствующих словах, но эта антонимия грамматически ассиметрична, а ассоциации по контрасту возникают в первую очередь между антонимичными словами одной части речи.

Итак, противопоставления слов, имеющие регулярный характер, являются оппозициями парадигматическими. В данном аспекте антонимы выступают как единицы, имеющие в качестве основы для противопоставления общие семы и противопоставляемые по определенному признаку.

Прагматика, исследующая отношения знаков и тех, кто ими пользуется, а также функционирование знаков в реальных процессах коммуникации, привлекает в настоящее время внимание большого числа исследователей. Прагматический аспект анализа позволяет внести некоторые коррективы в «чисто семантическое определение» противоположности. Парадигматические противоположности образного характера становятся широко употребительными и даже крылатыми благодаря своей экспрес-

сивности. Антитезы, построенные на таких противопоставлениях и регулярно употребляемые в речи, приближаются к антонимам. Примером подобной противопоставленности может служить оппозиция «fathers – sons» (только во множественном числе). Здесь противоположность выражена не непосредственно семантически, а опосредованно-прагматически, путем частого образного противопоставления, к которому прибегают говорящие на языке с целью использования особых коннотативных свойств слов. Л. А. Новиков, в частности, отмечает, что прагматические отношения наслаиваются на семантические, что приводит в итоге к появлению вторичного смысла⁵. Например:

fathers:: sons ≈ ancestors:: descendants ≈ old generation:: young generation. Подобными противопоставлениями являются также такие пары слов, как word:: deed, spirit:: flesh, soul:: body, sky::earth mind:: heart, paradise:: hell и т. д.

Из вышесказанного следует сделать вывод, что антонимы – это слова, характеризующиеся частой совместной встречаемостью в определенных контекстах, которые при наличии общих сем противопоставляются по какому-либо признаку и оказывают значительное экспрессивное и эмоциональное воздействие.

Опыт преподавания лексикологии показывает, что студенты прочно усваивают все тонкости антонимии в теоретическом плане и начинают корректно использовать антонимы в речи, если на занятиях по практическим аспектам языка создаются ситуации, стимулирующие употребление лексических единиц-антонимов в их различных аспектах.

⁵ Новиков, Л. А. Семантический анализ противоположности в лексике / Л. А. Новиков // Филологические науки. – 1973. – № 3.

Особенности перевода аспектуальных значений русских глаголов на английский язык

Настоящая статья является попыткой осмысления автором методического и лингвистического аспектов проблемы перевода вербальных лексем, выполняющих в предложении функцию предикатива, с русского языка на английский. Статья написана на основе анализа произведения А. П. Чехова «История неизвестного человека» и двух вариантов перевода этого произведения на английский язык, выполненных в разное время Констанс Гарнетт (опубликовано под названием «An Anonymous Story») и Ричардом Пивиром и Ларисой Волохонской (опубликовано под названием «The Story of an Unknown Man»). Анализируемый материал содержит более 4000 интересующих нас случаев переводческих ситуаций, и поскольку переводы выполнены носителями языка, употребление выбранных ими вариантов можно рассматривать как заведомо оправданные с точки зрения норм языка перевода.

Описываемый здесь методический прием, суть которого заключается в сравнении, анализе и оценке разных вариантов перевода, несомненно, является достаточно традиционным. Опыт показывает, что он является полезным при обучении студентов-переводчиков такому важному этапу перевода, как «перебор вариантов», исключение которого из целостного процесса перевода в значительной степени уменьшает шансы переводчика найти наиболее оптимальное иноязычное соответствие.

Эффективность данного приема может быть обеспечена лишь при условии наличия у обучаемых определенного уровня компетенции в области теории данного вопроса, в частности, знания грамматических категорий, присущих глаголу как в русском, так и в английском языках.

Статья не ставит своей целью подробно рассмотреть весьма сложную проблематику аспектологии в целом. В ней главным образом затронуты лишь те вопросы видовой характеристики глаголов, которые непосредственно связаны с анализируемым языковым материалом. Сравнение различных концепций аспектуальности в русском и английском языках предпринято с целью определения степени параллелизма и выявления основных способов адекватной передачи видовых значений при переводе с русского языка на английский.

Изучение литературы по теории вопроса позволяет сделать вывод о том, что понятие аспектуальности признается большинством россий-

ских лингвистов более широким, чем понятие вида, который рассматривается как центральная категория функционально-семантического поля аспектуальности в целом. Если (вслед за А. В. Бондарко) рассматривать это поле как группировку более частных полей, то категория вида русского глагола встает в центр каждой из них и оказывается окруженной периферическими выразителями аспектуальных значений, такими, как предельность, длительность, фазовость, начинательность, кратность и т. д. В целом предлагаемая А. В. Бондарко классификация русских глаголов по способу действия включает в себя более 50 параметров.

Далее необходимо отметить, что, по мнению ряда лингвистов, особой системы выражения аспектуальных отношений в современном английском языке не существует, а аспектуальные значения переплетаются с темпоральными и выражаются единой темпорально-аспектуальной системой временных форм. Примером такого подхода является изложенная в работе И. П. Ивановой и ее соавторов классификация времен в английском языке по четырем парадигматическим видо-временным разрядам – основному, длительному, перфектному и перфектно-длительному. При этом формы основного разряда выражают исключительно темпоральные отношения и не способны, по мнению авторов классификации, выражать аспектуальные характеристики действия. Действия лишь констатируются и определенным образом размещаются на шкале времени. Прошедшее время основного разряда рассматривается также как средство выражения последовательности действий.

Формы длительного разряда выражают процессность действия, без дополнительной информации о его начале и конце. При обсуждении длительного разряда необходимо упомянуть, что глаголы, имеющие в своем лексическом значении указание на предел, вступают в конфликт с данной формой и возникает явление отложенного предела, что позволяет выражать значение будущего времени с помощью средств выражения аспектуальности (речь идет о выражении будущего времени формой Present Continuous; ср. будущее время совершенного вида в русском языке).

Формы перфектного разряда выражают завершенность действия к некоторому моменту – центру настоящего, прошлого или будущего времени. При этом если конкретный глагол является

непредельным, то проявляется так называемое инклюзивное значение перфекта, включающее временной центр (обычно настоящего времени) в протяженность действия, реализуя значение сохранения ситуации. По-разному проявляется соотношение аспектуального и темпорального компонентов значения перфектного разряда: так, если в настоящем времени преобладает аспектуальный, результативный характер перфекта, то в прошедшем времени большое значение приобретает темпоральная сторона разряда, что проявляется в изменении сочетаемости формы с второстепенными членами и другими видо-временными формами.

Формы перфектно-длительного разряда выражают процессное действие в его полном протекании до его прекращения. Прошедшее время данного разряда также эксплицитно передает значение предшествования.

На определенном этапе теория видо-временных разрядов перестала удовлетворять исследователей, и на данный момент доминирующей следует признать оппозиционную теорию аспектуальных категорий английского глагола, создание которой связано с именами А. С. Смирницкого, Б. А. Ильиша, Г. Н. Воронцовой, Л. С. Бархударова и ряда других ведущих российских лингвистов.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на взглядах одного из ведущих американских аспектологов Б. Комри, который также проводит достаточно четкую грань между темпоральностью, аспектуальностью и перфектом.

Основой теории вида Б. Комри является оппозиция перфективных и имперфективных видовых значений. При этом категория перфекта рассматривается отдельно, Б. Комри не признает ее видовой, так как она не соответствует его определению вида как категории, раскрывающей внутреннюю временную структуру ситуации.

Под перфективным значением, лишенным аспектуальности, понимается значение действия как факта реальности без указаний на особенности его протекания. Например: «John reads the book. – John stood there. – When I walked down the street I met John».

По словам самого Б. Комри, «перфективность представляет действие в чистом и простом виде, не добавляя никаких обертонов» (VI; 21).

Имперфективная часть оппозиции представляет собой иерархическую структуру значений, выражающих аспектуальную наполненность действия. Такой наполненностью в конечном итоге оказываются различные варианты временной растяженности действия.

Непосредственно группа имперфективных значений делится на привычные (habitual) и продленные (continuous) значения. В качестве примеров привычных действий Б. Комри приводит следующие примеры: 1. «John used to read a lot

of books while studying at the University». 2. «She also added that she now does homework – which last year she used to have done before dinner – late into the evening». 3. «When I visited John he used to be reciting his latest poems».

Группа продленных значений характеризуется тем, что обозначенные действия заполняют весь отведенный им промежуток времени. Категориальное значение прогрессивной длительности выражается при помощи специальной грамматической формы Continuous. В зависимости от их лексического значения Б. Комри делит все глаголы на глаголы «временного состояния» и глаголы «постоянного состояния». Первые обозначают действия, для развертывания которых требуется приложение деятелем специальных усилий либо притока энергии извне – to read, to eat, etc. Такие глаголы относятся к глаголам «прогрессивной длительности».

Вторые, то есть глаголы «постоянного состояния», обозначают действия, для выполнения которых не требуется дополнительных усилий со стороны деятеля – to understand, to be, etc. Употребление таких глаголов в прогрессивной форме сообщает им некоторые новые оттенки значений, например, сему изменения интенсивности действия или обозначение характерной черты личности. Например: «I'm understanding his words more and more as I grow older – изменение интенсивности действия. – John is being silly this days» (обозначение характерной черты личности).

Представляется, что схема аспектуальных значений, по Комри, не является идеальной, поскольку не только объединяет лексические и грамматические средства выражения, но и не четко описывает взаимоотношения между формами. Так, форма перфективного вида находится фактически в тех же отношениях с формой прогрессивного вида, что и форма непрогрессивной длительности. Однако с практической точки зрения предлагаемое Б. Комри видение проблемы видовой характеристики английского глагола является, на наш взгляд, весьма полезным в плане более детального сопоставления двух систем. Из изложенного выше следует, что грамматические категории, выражающие аспектуальные отношения в русском и английском языках, несопоставимы напрямую. Объясняется это, по-видимому, типологическими различиями между двумя языками, в частности, тем, что высокая степень синтетичности русского языка размывает границы между формо- и словообразованием и приводит к гораздо более тесному, чем в английском языке, смыканию грамматических категорий с лексическими.

Русская категория вида является весьма грамматикализованной, поскольку ее значения вытекают из наличия либо отсутствия у глагольных лексем формальных элементов, то есть соответствующих аффиксов, например: делал – сделал,

читал – прочитал – не дочитал, открыл – приоткрыл и т. д.

Глаголы совершенного вида в русском языке всегда выражают предельные действия и одновременно характеризуются отсутствием у действия моментальной процессности, из этого следует, что русские формы совершенного вида нельзя переводить формами английского прогрессива. Анализ имеющихся примеров подтверждает это предположение. Исключением являются единичные случаи соответствия синтетических форм будущего времени в русском языке, выраженных с помощью глаголов совершенного вида, выражению будущего времени в английском языке с помощью категории прогрессива (явление отложенного предела). Но и в этом случае данный вариант перевода не является единственно возможным. Например:

«Когда она говорила, что *переедет* ко мне, то я думал, что она мило шутит». – «When she said she was coming to live with me, I thought it was a charming joke on her part. – When she said she'd move in with me, I thought it was a nice joke».

1. «Он не вернется!», – повторил я, и у меня страшно застучало сердце. – «He is not coming back!», – I repeated and my heart began pounding terribly.

С другой стороны, английские формы основного разряда используются для перевода русских глаголов обоих видов. Например:

1. «Когда я предлагал вам уволить ее, вы потребовали, чтобы она осталась, а теперь хотите, чтобы я прогнал ее». – «When I offered to let her go, you insisted on her remaining, and now you want me to turn her away. – When I offered to dismiss her for you, you demanded that she stay, and now you want me to chase her out».

2. «Но как только наступила ночь, я пала духом», – рассказывала она. – «But as night came, my spirit sank», – she told. – «But as soon as night came, I lost heart», – she told him.

Наряду с этим в анализируемом материале имеется около 100 примеров, когда предельность действия, обозначенного русским глаголом совершенного вида, передается с помощью постфиксов в составе фразовых глаголов хотя бы в одном из вариантов перевода, тогда как во втором варианте то же действие обозначается простым глаголом общего разряда. Например:

1. «Пока я, накинув на себя сюртук, вставлял и зажигал новые свечи...» – «While hurriedly getting into my coat, I put up and lighted fresh candles...»

2. «Орлов поцеловал ее еще раз и, не сказав ни слова, вышел в смущении». – «Orlov kissed her once more and without saying a word went out in confusion. – Orlov kissed her once more and without saying a word, left in confusion».

Нужно отметить, что нерегулируемый характер постфиксальной акцентуации предельности не позволяет рассматривать данное средство как

некий формальный грамматический показатель предельного характера действия, тем более что во многих случаях английские фразовые глаголы используются для перевода на английский язык русских глагольных лексем несовершенного вида. Например:

1. «Он молчал и щурил глаза...» – «He screwed up his eyes and remained silent... – He kept silent and narrowed his eyes...»

2. «Но менять порядок, брать с улицы новую горничную...» – «But to change my habits, to pick up a new housemaid...»

3. «...не трактуйте в моем присутствии о двух вещах...» – «don't hold forth in my presence on either of two subjects... – do not discuss these two things in my presence...»

Значение фазовости действия русских глаголов в исследуемом материале передается при помощи конструкций с использованием глаголов, значение которых совпадает с их языковой функцией в данном контексте – «to begin», «to start», «to commence», «to stop», «to finish», «to go on», «to continue», а также конструкций с общим значением изменения ситуации с глаголами «to fall», «to break», «to turn», «to grow», «to burst». Из 30 случаев употребления начинательных глаголов в русском языке в переводе К. Гарнет лишь половина эквивалентов имеет эксплицитно выраженную начинательную характеристику, в переводе Р. Пивира и Л. Волохонской – 24. Например:

1. «...у меня страшно застучало сердце». – «...my heart beat violently... – ...my heart began pounding terribly...»

2. «...она до такой степени обрадовалась, что зарыдала...» – «...she was so delighted that she broke into sobs... – she was so glad that she burst into sobs...»

Как свидетельствуют приведенные выше цифры, начинательный характер действия русских глаголов достаточно часто оказывается не выраженным при переводе на английский язык. Например:

1. «Зинаида Федоровна заговорила о чем-то быстро, вполголоса...» – «Zinaida Fyodorovna talked of something rapidly in a low voice...»

2. «Заговорил же я о лице и волосах Орлова потому только, что в его наружности было нечто, о чем стоит упомянуть...» – «I have spoken of Orlov's face and hair only because there was something in his appearance worth mentioning... – I began speaking of Orlov's face and hair only because there was something worth mentioning in his appearance...»

Еще одним средством выражения начинательности действия в английском языке являются выражения «to be on the point of», «to be about to do something». Например:

«Мне показалось, что я сейчас заплачу...» – «I felt that I was on the point of tears... – It seemed to me that I was about to burst into tears...»

В целом ряде анализируемых примеров категория вида русского глагола оказывается совмещенной с такой характеристикой действия, как кратность или повторяемость в течение более или менее продолжительного отрезка времени. Например:

1. «Но скоро книга валилась у него из рук, он грузно поворачивался в кресле и опять заслонял глаза, как от солнца». – «But soon the book dropped from his hand, he turned heavily in his chair, and again screened his eyes as though from the sun. – But the book would soon drop from his hands, he would turn heavily on the chair and again shield his eyes as if from the sun».

2. «Бывало, сядет за рояль, возьмет два-три аккорда и запоем тихо...» – «Sometimes he would sit down at the piano, play a chord or two, and begin singing softly... – He would sit down at the piano, strike two or three chords, and sing softly...»

Кратность действия может также акцентироваться прогрессивной формой глаголов и глагольными формами основного разряда, то есть фактически оставаться не выраженной в английском языке. Например:

1. «...но поговаривал, что скоро перейдет опять в судебное ведомство». – «...but he said that he should soon exchange into the Department of Justice».

2. «Я до позднего вечера отворял приказчикам и посыльным из магазинов». – «Till late at night I was opening the door to messengers and errand-boys from the shops... – I kept opening the door to shop clerks and messengers till late in the evening...»

Категория прогрессивности, выражающая незавершенность и неограниченную протяженность действия, выражается в исследуемом материале формами как основного, так и длительного разрядов. Выбор того или иного способа перевода зависит, видимо, от субъективной оценки переводчиком логической стороны ситуации и его языковых предпочтений. Например:

1. «Я стоял в гостиной, откуда наблюдал обоим, и боялся закашлять». – «I was standing in the drawing-room, from which I could watch them, and was afraid of coughing. – I stood in the drawing-room, observing them both from there and afraid I might start coughing».

2. «Когда за ужином, о чем-то задумавшись, он катал шарики из хлеба и пил много красного вина...» – «When at supper he rolled balls of bread a great deal of red wine. – When he lapsed into thought over supper, rolling little balls of bread and drinking a good deal of red wine...»

3. «Мне казалось тогда, что он оставался дома для того только, чтобы чувствовать себя несчастным». – «I used to think that he remained at home then simply in order to feel injured. – It seemed to me then that he was staying home only to feel miserable».

Итак, анализ способов передачи аспектуальных значений русского глагола на английский язык позволяет в лингвистическом плане сделать вывод о том, что значения аспектуальности в двух языках выражены в значительной мере различными способами. Очевидно, что английский глагол не обладает столь развитой, как в языке, системой морфологических средств характеристики способов действия. Это затрудняет, а в некоторых случаях делает невозможным построение сколько-нибудь значимых формальных соответствий между ними и делает весьма проблематичным выработку четких алгоритмов переноса значений аспектуальности с одного языка на другой.

В методическом плане изложенное выше делает тем более необходимым постоянное внимание преподавателя к сопоставлению родного и иностранного языков в грамматическом аспекте.

Литература

1. Бархударов, Л. С. Грамматика английского языка: учебник / Л. С. Бархударов, Д. А. Штеллинг. – М.: Высшая школа, 1973.
2. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971.
3. Воронцова, Г. Н. Очерки по грамматике английского языка / Г. Н. Воронцова. – М., 1960.
4. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981.
5. Ильиш, Б. А. Современный английский язык / Б. А. Ильиш. – М., 1948.
6. Comrie, B. Aspect / B. Comrie. – Cambridge University Press, Cambridge, 2001.

«За» и «против» обучению машинному переводу в подготовке переводчиков

В век научно-технической революции невозможно представить переводчика, работающего со специальной литературой без компьютера. Новые информационные технологии в переводе предполагают использование компьютера лишь как средства реализации сложнейшего специализированного программного обеспечения. Но лишь одно упоминание словосочетания «информационные технологии» ставит психологический барьер перед переводчиками.

Обособленную и в высшей степени специфическую группу лингвистического программного обеспечения составляют системы машинного перевода. В отличие от ТМ-инструментов, которые лишь организационно помогают переводчику рационально использовать свой переводческий потенциал, системы машинного перевода действительно выполняют перевод, а человек осуществляет организацию работы компьютера. В связке «человек–компьютер» происходит перераспределение функций¹.

Если вы скажете, что вы «за» применение систем машинного перевода при подготовке переводчиков, многие с вами согласятся, а если вы скажете, что вы «против», с вами будет солидарно меньшинство. Рассмотрим все «за» и «против».

Традиционные учебные курсы по теории и практике перевода не включают преподавания стратегий машинного перевода. В результате при необходимости работы в рамках АРМ (автоматизированного рабочего места) переводчики пытаются найти слабые места в любом машинном результате, а не использовать его так, чтобы сделать свою работу более эффективной и интересной. Таким образом, при обучении переводчиков абсолютно необходимо рассматривать различные подходы к результатам МП и вырабатывать навыки работы с ними. Как следствие, необходимы специальные учебные курсы для изучения видов и стратегий машинного перевода. Главной задачей таких учебных курсов является не только обучение использованию систем МП, но и обучение работе редактора. Недостаток понимания особенностей работы редактора вообще характерен для тех, кто обучается переводу².

Конечно, использование системы машинного перевода подразумевает перевод не маленького кусочка текста какой-либо специализированной области. Переводчик сделает это намного качественнее и быстрее. А вот с огромным текстовым массивом информации поможет справиться именно система МП. И сегодня это актуально, так как компании требуют от переводчиков все более быстрого перевода большого количества текстового материала. Практика показывает, что выпускники, некомпетентные в области информационных технологий, в частности систем МП, неконкурентоспособны.

Современные системы машинного перевода работают по тому же алгоритму, что и сам переводчик. Обычно система выполняет перевод по предложениям. Уже на этом этапе возможны ошибки. Переводчик видит весь текст или его значительный фрагмент и понимает контекст. Отсутствие контекста порождает ошибки. Далее система машинного перевода производит синтаксический анализ для нахождения наиболее вероятного подлежащего, сказуемого и других членов предложения. К сожалению, далеко не все реальные предложения могут соотноситься с моделями, имеющимися в блоке синтаксического анализа системы. Подлежащее, выраженное инфинитивом, очень часто интерпретируется системой машинного перевода как сказуемое или его часть, и перевод оказывается неадекватным. После синтаксического анализа входного предложения на языке оригинала следует построение грамматической конструкции для языка перевода и замена в этой конструкции слов одного языка на эквиваленты на другом языке. Но в условиях многозначности ошибки просто неизбежны³.

Но все недостатки качества поправимы, так как, во-первых, лингвист, просмотрев документ, может указать необходимые словари, которыми система машинного перевода должна пользоваться. Во-вторых, чтобы сделать перевод качественнее – текст оригинала необходимо сделать лаконичным. Используя те знания, которые студенты получают на занятиях по теории и практике перевода (использование переводческих

¹ Семенов, А. Л. *Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак.* / А. Л. Семенов. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 124.

² Беляева, Л. Н. *Информационные технологии и подготовка переводчиков* / Л. Н. Беляева // *Мир перевода*. – 2006. – № 1 (13). – С. 32–33.

³ Семенов, А. Л. *Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак.* / А. Л. Семенов. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 126.

трансформаций, перевод безэквивалентной лексики, в общем, изучение грамматических, лексических и стилистических вопросов), не представляется сложным лаконизировать текст.

Лингвистическое обеспечение систем МП обычно реализуется как скоррелированная система автоматических словарей (АС) и грамматических процедур. Студенты должны хорошо представлять себе, что качество результатов машинного перевода, полученных с помощью системы МП, зависит от настройки системы автоматических словарей на задачи конкретного пользователя⁴.

Многие фирмы уже сегодня готовят документацию так, чтобы воспользоваться машинным переводом. То есть происходит процесс предредактирования. Этот процесс можно сравнить с перефразированием, с упрощением грамматических структур, уточнением многозначных лексем.

На современном этапе развития машинного перевода лидирующее положение занимают те системы, которые придерживаются идеологии развития лексических возможностей. Лидирующее положение на мировом рынке среди систем с русским языком занимает PROMT. Компания «PROMT» тратит значительные усилия на продвижение средств автоматизации перевода и популяризацию их в высших учебных заведениях, специализирующихся в области подготовки переводчиков⁵. В результате того, что эта система имеет большое количество тематических словарей, которые обладают мощным грамматическим обеспечением функций словоизменения в русском языке, PROMT пользуется успехом. Последняя версия системы PROMT – Translation Suite 7.0 является высокоэффективным инструментарием для качественного перевода типовых документов, сходных по своей тематике и структуре (контракты, инструкции, статьи, описания программных продуктов, законы и т. д.). Система включает в себя интеграцию двух функций – функцию систем машинного перевода и ТМ-инструментов. На примере последней версии PROMT рассмотрим этапы перевода документа в данной системе.

1. Сегментация текста. Исходный текст разбивается на сегменты (фрагменты) в соответствии с правилами сегментации.

2. Перевод сегментов текста:

А. Выбор в базе данных. При обработке нового текста, поступившего на перевод, система сравнивает его с хранящимися в базе Translation Memoгу сегментами. При обнаружении идентичного или схожего сегмента его перевод ото-

бражается с указанием совпадения в процентах. Сегменты, в которых процент совпадения ниже указанного пользователем, автоматически отправляются на машинный перевод.

Б. Машинный перевод. Любой сегмент исходного текста можно перевести с помощью технологии машинного перевода. Это требуется в двух случаях:

- если процент совпадения между сегментом исходного текста и сегментом из базы меньше заданного;

- если перевод сегмента отсутствует в базе.

В. Ручной перевод. Перевод любого сегмента текста в программе может быть выполнен пользователем вручную.

3. Пополнение базы переводов. Проверенные пользователем пары сегментов (то есть оригинальный фрагмент текста и его перевод) рекомендуется сохранять в базе для дальнейшего использования.

4. Результат перевода. Проверенные и отредактированные пользователем сегменты объединяются в связный текст перевода с полным сохранением исходного форматирования⁶.

Из этого процесса перевода документа можно заметить, что скорость перевода с использованием систем машинного перевода получается высокой, что и будет требоваться от будущего выпускника. Но не забываем про качество. С развитием новых версий систем МП улучшается и качество перевода.

В этой связи необходимо упомянуть компании, которые занимаются продвижением средств автоматизации перевода и популяризации их в высших учебных заведениях, специализирующихся в области подготовки переводчиков. Это компания «ПРОМТ», компания «НЕОТЭК» (Москва), которая имеет проекты со многими ведущими вузами, одним из которых является Астраханский государственный университет.

Подводя итоги, можно констатировать, что, с одной стороны, сегодняшние системы МП не могут обеспечить минимально приемлемого уровня качества перевода нестандартизированных текстов, то есть текстов, не имеющих синтаксических, лексических и других ограничений, таких, как журнальные и газетные статьи практически любой тематики, аналитические обзоры, доклады, не говоря уже о художественной литературе. С другой стороны, при переводе стандартизированных текстов, к которым можно отнести тексты многочисленных контрактов, договоров, банковских соглашений, технической документации и т. п., составляющие значительную часть

⁴ Беляева, Л. Н. Информационные технологии и подготовка переводчиков / Л. Н. Беляева // Мир перевода. – 2006. – № 1 (13). – С. 34.

⁵ Передовые технологии в обучении переводу // <http://www.promt.ru/press/news/10677/>

⁶ Семенов, А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / А. Л. Семенов. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 131.

перевода научно-технической и специальной литературы и документации, системы МП могут достичь вполне приемлемых результатов⁷.

Для выпускника очень важно (наряду с базовыми знаниями о теории и практике перевода) получить представление о существующих программных средствах оптимизации работы в сфере письменных переводов. Ведь сегодня умение переводчика работать с системами автоматизированного перевода является немаловажным условием для успешного трудоустройства.

Анализ практики подготовки переводчиков в ведущих российских вузах, в частности, на факультете иностранных языков и регионове-

дения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, показывает, что внедрение нового программного обеспечения в учебный процесс и в переводческую практику в университете помогает и преподавателям, и будущим специалистам-переводчикам выйти на принципиально новый уровень профессиональной деятельности. Это еще раз убеждает нас в том, что на каждом факультете, осуществляющем подготовку переводчиков, необходимо ввести подобные курсы. Это позволит будущим переводчикам преодолеть барьер отторжения и осознанно использовать системы МП и другие информационные технологии.

⁷ Убин, И. И. *Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарование и реальность* // Перевод в современном мире: сборник статей / И. И. Убин. – М.: Всероссийский центр переводов, 2001. – С. 67–68.

Лингвистические информационные ресурсы в парадигме непрерывного открытого образования

В последнее десятилетие проблемам создания и использования лингвистических информационных ресурсов посвящается большое количество международных и национальных научных конференций.

Лингвистические информационные ресурсы – это одна из составляющих частей информационных ресурсов. Под информационным ресурсом мы понимаем некоторый интеллектуальный ресурс, результат коллективного творчества, который, в свою очередь, может быть активным и пассивным.

Активные формы включают алгоритмы, модели, программы, базы знаний и т. п.

К пассивным информационным ресурсам относятся книги, журналы, газеты, словари, энциклопедии, патенты, базы и банки данных и т. п. Традиционно пассивные лингвистические информационные ресурсы включают такие одноязычные и многоязычные данные, как письменные лексиконы, терминологические словари, фонетические ресурсы. В самом общем виде все это своеобразные лингвистические базы данных, которые можно обновлять (добавлять новые данные, исключать или изменять старые).

Лингвистические ресурсы необходимы как пользователям компьютеров, так и различным компьютерным системам, связанным с обработкой текста и речи. В частности, они используются для распознавания речи и анонимных текстов, реферирования, аннотирования и перевода текстов, построения диалоговых систем, автоматического анализа текста, синтеза речи и текста и т. д. Это своего рода средство коммуникации¹.

Прошли те времена, когда уровень владения языком достаточно было обозначить как «читаю со словарем», то есть пассивное владение языком, а «говорю и читаю без словаря» – активное владение языком. Знание языка связывали с зависимостью от словаря.

Современная жизнь предъявляет жесткие требования к человеку и заставляет постоянно учиться, в частности, английскому языку, не только в учебной аудитории, но и в повседнев-

ной жизни. Сегодня учебный словарь в реальном или виртуальном виде находится в следующем ряду дидактических материалов и видов деятельности, который можно назвать «макросрединным местом»:

- средства тестирования знаний, в том числе самоконтроль, конкурсы;

- учебный комплекс (учебник, рабочая тетрадь, книга для учителя, сюда также могут входить медиасредства с сопроводительными дидактическими материалами), это также может быть чисто виртуальная информационно-образовательная среда, то есть портал, в котором размещаются все необходимые учебные материалы для отдельного курса²;

- компьютерные и технические средства обучения, в частности, медиасредства: видео-, аудио-, DVD- интерактивные доски, TV, в том числе спутниковое;

- библиотека для чтения;

- энциклопедии, грамматики, языковые словари;

- Интернет, поисковые системы;

- контакт с учителем, наставником, коллегой;

- информационная среда в виде участия в реальных и виртуальных занятиях, конференциях, дискуссиях, мастер-классах, публикациях, электронных рассылках и т. д. По такому принципу строятся интегративные ресурсные центры, виртуальные сайты непрерывного открытого образования – ресурсные центры в Интернете, как, например, Кембриджского университета (международный проект «Сократ» под эгидой Европейского совета), из отечественных – ресурсные центры ведущих вузов Москвы, Новосибирского технического университета.

Все большей популярностью пользуются такие лингвистические ресурсы, как словари, конкордансы, энциклопедии. В 1980-х годах начался и до сих пор продолжается настоящий словарный бум. На таких разработанных в лексикографическом отношении языках, как английский, немецкий, французский, в меньшей степени русский, появляется огромное количество самых разно-

¹ Девель, Л. А. Учебный двуязычный словарь как специализированный компонент справочно-информационного блока в макромодели обучения дистанционного образования / Л. А. Девель // Сборник статей II Международной научно-практ. конференции / Отв. ред. А. Л. Назаренко. – М.: МГУ, 2006. – С. 262.

² Педагогические технологии дистанционного обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. В. Моисеева, А. Е. Петров [и др.]. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – С. 127.

образных словарей. Без них невозможно себе представить, к примеру, работу переводчика в переводческом бюро или отделе компании.

Работа переводчика – это весьма сложная и многоаспектная деятельность, сочетающая в себе как непосредственную работу над переводом, так и решение юридических, экономических и других проблем. Для первого вида деятельности переводчику необходимы как конкретные программные продукты (автоматизированные системы перевода, словари, тезаурусы, глоссарии, энциклопедии, корпуса текстов и т. п.), так и информационные ресурсы; для второго вида деятельности можно говорить пока только об информационных ресурсах сети Интернет (различные переводческие сайты, рассылки, подписки, форумы, конкурсы).

При работе с технологиями неподготовленный переводчик сталкивается с двумя проблемами:

1) незнание самих программных продуктов и их возможностей;

2) неумение работать в тандеме с машиной, то есть выполнять квалифицированное постредактирование и, главное, предредактирование, которое при работе с машиной включает в себя такие операции, как, например, настройка спецификаций и профилей программ, создание пользовательских словарей, работа с терминологией (создание собственного глоссария), настройка принципов перевода имен собственных, аббревиатур и т. п.³. Проще говоря, такой переводчик не понимает, что делать с программой (знает одну-две операции), и не знает, что делать с текстом, чтобы сократить время на постредактирование. Все это, несомненно, должно быть включено в программу подготовки переводчиков.

Как показывает практика, в программу обучения необходимо включить и такие элементы, как приемы эффективного поиска в сети, работа с Интернет-словарями и программами-переводчиками, использование возможностей языка запросов.

Особое внимание следует уделить технологиям поиска различных типов: поиску терминологии (поиск толкований через быстрый поиск глоссариев, использование специализированных сайтов); поиску переводных эквивалентов через проверку вариантов, предлагаемых словарями; поиску двуязычных текстов (фрагментов текстов), содержащих искомые термины; поиску акронимов через специализированные сайты, образцов переводимых документов, шаблонов и других документов с готовыми юридически грамотными формулировками; информационному

поиску, направленному на получение фоновых знаний о тематике перевода.

При использовании лингвистических ресурсов в учебных целях, на наш взгляд, необходимо ставить вопрос об автоматизированном рабочем месте (АРМ), или «workstation», применительно к обучению – учебном месте, где обучаемый использует определенный набор реальных и виртуальных ресурсов, учебных материалов. Это в основном печатные и по выбору виртуальные учебные материалы, а также, при наличии, подготовленная учебным учреждением информационно-образовательная среда. Обучению может способствовать правильная комплектация учебного места и позиционирование в нем, прежде всего, двуязычного учебного англо-русского словаря – самого распространенного средства декодирования окружающей действительности. Опыт создания таких программ уже имеется в ведущих российских вузах.

Практика убеждает нас в том, что со словарями, которыми обыкновенно пользуются при изучении иностранных языков, дело обстоит плохо. В основном это переводные словари. Переводный словарь – первый и постоянный словарь для изучающего язык. От этих переводов учащиеся зачастую получают самые фантастические понятия о значении иностранных слов. В этой связи представляется актуальной мысль, давно высказанная Л. В. Щербой об использовании словарей учащимися. Он говорил о том, что «всякий опытный педагог советует своим ученикам, как можно скорее переходить к одноязычным толковым словарям». Кроме того, он говорил о необходимости использовать «наряду» с переводными словарями толковые словари⁴.

В современной реальной и виртуальной учебной аудитории на экзаменах все чаще используют словарь, что раньше повсюду было строго запрещено. Если учебный процесс и предполагал использование двуязычного учебного словаря, то никогда не ставил вопроса правильного его выбора, отработки техники использования словаря, перехода на использование одноязычного, месте двуязычного учебного англо-русского словаря.

Сейчас преподаватели, работающие на первом курсе языкового вуза, приходят к выводу, что в учебном процессе желательно использовать толковый словарь английского языка как минимум на промежуточном уровне «Intermediate». Важно использовать одноязычный словарь изучаемого языка наряду с двуязычным и желательно с одноязычным толковым словарем родного языка. Сочетание словарей в виде двуязыч-

³ Масалова, М. В. Информационные технологии при подготовке переводчиков / М. В. Масалова // Сборник статей II Междунар. научно-практ. конференции / Отв. ред. А. Л. Назаренко. – М.: МГУ, 2006. – С. 66.

⁴ Щерба, Л. В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – М., 2002. – С. 26.

ных, обеспечивающих двусторонний перевод, и толковых словарей как на переводимом, так и на переводящем языке позволяет подобрать и слова для перевода, если он нужен, и познакомиться с толкованием слова в различных контекстах.

Отдельного внимания со стороны профессиональных лингвистов, и в частности переводчиков, заслуживает сейчас одна мощная тенденция в современном словарном деле. Словари теперь все чаще издаются не только в книжном формате, но и на компакт-дисках (CD), как, например, система электронных словарей «ABBYY LINGUO 12; Большой англо-русский, русско-английский словарь» (2000); семейство электронных словарей «МультиЛекс»; словари «Контекст» (Context) фирмы «Инфор-матис».

Электронные словари удобны по нескольким причинам:

1) потому что включают в себя на одном и том же компакт-диске и большой общезыковой словарь, и, как правило, несколько отраслевых словарей;

2) благодаря системе компьютерного поиска в них легко отыскать примеры на конкретное словопользование, причем как при переводе с одного языка на другой, так и обратно;

3) эти словари легко использовать при работе на компьютере;

4) один компакт-диск заменяет несколько громоздких книжных томов⁵.

Так, благодаря электронной версии энциклопедии «Британика» пользование ею значительно упрощается, облегчаются различного рода глобальные тематические поиски в той или иной сфере знания.

Словари и энциклопедии, доступные и в Интернете, позволяют следить за оперативными лексикографическими обновлениями изданий, тем более что на электронных энциклопедиях в самом программном обеспечении, установленном на компакт-диске, как правило, есть специальная гиперссылка на соответствующий «материнский» сайт в Интернете. Записанная на диск информация может быть автоматически обновлена или дополнена с учетом изменений, произошедших в соответствующей сфере знания или общественно-политической жизни.

Среди электронных энциклопедических словарей следует еще упомянуть словари фирм «Microsoft» (Encarta, Bookshelf) и «Dorling Kindersley – Multimedia» («Encyclopedia of Nature»). Периодически полезно заходить на сайты крупных словарных издательств: www.longman-elt.com/dictionaries; www.oup.com и др.

Справедливости ради, необходимо отметить, что одноязычные Интернет-словари еще не получили широкого распространения среди пользователей в России. Объясняется это, прежде всего, стереотипом и недоверием по отношению к информации, выставленной в сети Интернет. И, действительно, любой даже не сведущий в лингвистике и лексикографии человек может создать авторский словарь и опубликовать его в глобальной сети. Более того, пользователи могут поучаствовать в составлении словаря, если автор предоставил к нему открытый доступ. Зачастую подобные проекты, без сомнения, интересные и творческие, грешат неточностями и не могут послужить достоверным источником информации⁶.

Однако практически все авторитетные издательства размещают электронные версии своей лексикографической продукции в сети Интернет. В качестве этих словарей и достоверности данных в них сомневаться не приходится, поскольку за ними стоят десятилетия традиций, кропотливой работы, поиска оптимального сочетания формы, содержания и функциональности. Полученная положительная практика была подкреплена последними достижениями в информационных технологиях.

В этой связи приведем пример наиболее известных толковых британских учебных словарей, которые представляют последние издания своих печатных аналогов.

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Online// dictionary.cambridge.org/ [CALD]

2. Chambers 21st Century Dictionary Online// www.chambersharrap.co.uk/ [CCD]

3. Longman Dictionary of Contemporary English Online// www.ldoceonline.com/ [LDOCE]

4. Macmillan English Dictionary Online// [www.online, macmillandictionary.com/](http://www.online.macmillandictionary.com/) [MED]

5. Oxford Advanced Learner's Dictionary Online // www.oup.com/elt/catalogue/teachersites/oald7/ [OALD]

Доступ ко всем словарям открытый, регистрация требуется только в одном случае (MED): необходимо иметь печатную версию, чтобы ответить на все вопросы в регистрации и указать номер ISBN. По прохождении всех ступеней пользователю будет присвоен пароль, открывающий доступ к словарю. В случае с OALD необходимо отметить, в какой стране проживает пользователь.

Все словари представляют собой традиционную Интернет-страницу, за исключением MED, который, скорее, повторяет версию издания на CD. Это открывает больше поисковых воз-

⁵ Тюленев, С. В. Теория перевода: учеб. пособие / С. В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – С. 292.

⁶ Петросян, И. В. Интернет-словари английского языка / И. В. Петросян // Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов. – Вып. 3. – М.: Центр. учеб. фильм, 2008. – С. 267.

возможностей: при необходимости можно задать фильтр по варианту английского языка (British/American), по дополнительной семантико-функциональной характеристике входных единиц (не отображать все категории, чтобы словарная статья была максимально лаконичной).

В CALD и CCD дается выбор предложенных словарей (одноязычный/двухязычный, для общих/специальных целей, средний/продвинутый уровень и алфавитный/идеографический, лингвистический/энциклопедический соответственно).

По удобству и наглядности (минимум рекламы, четкое расположение материала) заметно выделяются CALD и MED, тогда как LDOCE, OALD и CCD предоставляют больше информации в различных сферах функционирования слов.

Дополнительные возможности. На сайтах расположены ссылки на богатую коллекцию обучающих материалов для преподавателей и справочной информации для лингвистов. Все словари содержат путеводители или упражнения (OALD) по оптимизации навыков пользования, которые можно делать как самостоятельно, так и в рамках занятий. Интернет-формат словарей позволяет чаще обновлять списки неологизмов, которые входят в состав английского языка:

CCD: churnalism (churn+journalism) is a part of journalism, where stories are churned out rather than properly researched.

MED: Pod slurping occurs when someone: uses a portable USB device (for example an MP3 player, PDA or memory stick) to download large amounts of information from a computer without the owner's consent.

OALD: mouse potato noun (disapproving, informal) a person who spends too much time using computer.

Стоит отметить, что помимо определения неологизмы получают исчерпывающее описание с точки зрения функционирования в речи (грамматика, стиль, прагматика), а также с точки зрения причин и обстоятельств (дата, источник, автор, история) появления этих слов в языке.

В разделе «Слово дня/недели» авторы словарей обращают наше внимание на слова, которые используются носителями языка в повседневной жизни и являются любопытными с точки зрения их семантики, истории появления и особенностей употребления:

OALD: e-sport noun [usually pl.] a computer game played in professional competitions, especially when it is watched by fans and broadcast on the Internet or on television.

CCD: bomb Explosive weapons are relatively modern inventions and the word bomb dates from the

16th century where it derived from French bombe, which probably originated via Latin bombus from Greek bombos meaning 'a humming sound'. Warfare was conducted by means of cannon and cavalry until fairly recently and it wasn't until the 20th century that the majority of idioms, compounds, and derivatives of 'bomb' were coined.

Макроструктура характеризуется богатством словарей (благодаря источникам – электронным базам данных), а также дидактической направленностью принципов отбора и построения. Метаязык словарей доступен даже не совсем опытному пользователю, поскольку в основу его были заложены дефинитивные вокабуляры, насчитывающие немногим более 2000 наиболее частотных и понятных слов (за исключением CCD, для эффективной работы с которым уровень знания языка у пользователя должен быть продвинутым).

В словарях OALD и MED подобный подход к лексике выходит за рамки метаязыка дефиниций: в них пользователю предлагается выучить наиболее употребляемые слова английского языка, следуя пометам (ключ и звездочки соответственно) посредством тематических списков слов и упражнений (OALD).

Микроструктура. С точки зрения графики словарные статьи в CALD и MED отвечают всем требованиям, которые предъявляются к учебным словарям. Однако в плане информативности наиболее преуспели составители словарей LDOCE и OALD⁷. Так, словообразовательные возможности, а также формообразовательная парадигма входных единиц наиболее удачно представлены в виде гнезда в OALD:

deny (WORD FAMILY: deny verb / denial noun/ undeniable adj.) (denies, denying, denied, denied).

Однако необходимо заметить, что в данном вопросе в словаре не наблюдается последовательность: не все слова получили такое наглядное описание.

В остальных случаях словоформы представлены в одной словарной статье (CALD) или вовсе не связаны друг с другом (MED).

Дефиниции варьируются по форме от синонима/антонима, словосочетания до предложения. Предложения видятся наиболее эффективным способом толкования слов, так как, во-первых, уже на этом этапе задается контекст; во-вторых, самого пользователя можно вписать в ситуацию общения, обратившись к нему напрямую:

OALD: a short period of time that you spend doing one particular activity that you enjoy, but often too much of it.

⁷ Петросян, И. В. Интернет-словари английского языка / И. В. Петросян // Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации: сб. научных трудов. – Вып. 3. – М.: Центр. учеб. фильм, 2008. – С. 270.

CIDE: a short period of doing a particular, usually enjoyable, activity much more than is usual.

MED: a short period that you spend doing only one activity, especially something enjoyable such as spending money or drinking alcohol.

LDOCE: a short period of time when you do a lot of one activity, especially spending money or drinking alcohol.

CCD: a period of fun, extravagance or excess, especially one that involves spending a lot of money or drinking a lot of alcohol.

Традиционно наиболее точно разграничиваются значения в LDOCE, но в разных случаях каждый из словарей предлагает какой-то особый, полезный для пользователя блок информации: прагматика, оттенок значения, семантическая сочетаемость, сфера употребления и т. д.

Понять до конца смысл слова невозможно без примера функционирования его в речи. В ряде случаев вербальная иллюстрация отсутствует (например, в CCD – в целом, а в других словарях – к наименее частотным словам). По форме она может быть словосочетанием или полным предложением. Наибольшее количество примеров наблюдается в LDOCE. Сложные слова и фразы в примерах перефразируются во всех словарях:

LDOCE: *Vets took precautions to prevent the spread of the disease.*

MED: *Doctors recommend taking precautions to protect your skin from the sun.*

OALD: *You must take all reasonable precautions to protect yourself and your family.*

CALD: *They failed to take the necessary precautions to avoid infection.*

В дефинициях и примерах можно наблюдать синтагматические связи слов. Но наибольшей обучающей ценностью обладают блоки лексической сочетаемости (OALD, LDOCE), в которых перечислен ряд коллокаций, рекомендуемых к изучению:

LDOCE: **food COLLOCATIONS;**

hot/cold/spicy/fatty/starchy food;

Italian/French/Chinese etc food;

fresh food frozen food processed food canned food also tinned food British English, etc.

Неотъемлемой частью учебного словаря являются **идиомы и фразовые глаголы**, поскольку именно эти лексические единицы вызывают наибольшие сложности у изучающих английский язык. Идиомы размещены в самой словарной статье (OALD, LDOCE, MLD, CCD) и в отдельной словарной статье, в которую пользователь попадает, выбрав идиому в списке полученных результатов поиска по ключевому слову (CALD). Прагматический и синтагматический аспекты описания идиомы не менее важны, чем оттенок значения:

put/stick your oar in BrE informal;

OALD: to give your opinion, advice, etc, without being asked and when it is probably not wanted;

CALD: to say or do something which annoys other people because they have not asked you to join their conversation or activity;

CCD: to interfere or meddle in it, especially by offering one's opinion when it is not wanted.

CCD выделяется из всего списка словарей тем, что включает справку о происхождении идиомы, что немаловажно для полного ее понимания – через историю, ассоциацию, мотивацию лучше просматривается и запоминается внутренняя форма:

pull the wool over someone's eyes colloq to deceive them – probably referring to pulling someone's wig over their eyes when robbing them.

Стоит отдельно упомянуть место **этимологии** в CCD. Помимо развития кругозора пользователя, стремления разъяснить внутреннюю форму слов, составители словаря дают бесценную информацию лингвисту-исследователю, указывая век первого упоминания лексической единицы в письменных источниках, например:

steppe ETYMOLOGY: 17c: from Russian .step lowland.

Во всех вышеперечисленных информационных категориях в той или иной мере присутствует **прагматическая информация**, которая жизненно необходима, если пользователь хочет преуспеть в процессе коммуникации с носителями языка. На примере слов «**man-eater**» и «**womanizer**» можно проследить многоплановость подхода к данному виду информации:

LDOCE: a woman who people think is frightening because she has many sexual partners – used humorously (**MED** – offensive).

MED: a man who has sexual relationships with many women. This word shows that you do not approve of men like this. (**CCD** – derogatory).

В каждом словаре по-разному видится степень эмоционального воздействия слова на реципиента, но в MED прескрипция наиболее эксплицитная и, как следствие, понятная.

Представление о мире изучаемого языка и его носителей было бы неполным без культурологической информации. Благодаря отдельному словарю биографий CCD дает исчерпывающую информацию о персоналиях (факты из жизни, достижения, цитаты). LDOCE, в свою очередь, предлагает лишь краткую справку, тогда как остальные словари вовсе не содержат подобной информации.

Интерес к языку у студентов невозможно поддерживать только за счет строго дидактических методов и обилия «полезной» информации. Проанализированные словари предоставляют массу возможностей оживить процесс изучения языка. Наиболее оригинальным и творческим, на наш взгляд, является интерактивный словарь Gig-glossary, в котором пользователи дают шуточные дефиниции привычным словам:

computer an electronic time-saving device that

is commonly used for time-wasting activities (Warwick Annear);

bagpipes – an instrument of torture used by the Scots against other nations (Andy Cole);

cat a partially domesticated animal who keeps you as a pet (Peter Allen).

Словарь в сети Интернет позволяет изучать языковой материал в режиме онлайн; одновременно работать с несколькими словарями, не загромождая ими рабочее место; не листать страницы в мучительном поиске нужного слова. С другой стороны, конечно, печатные словари обладают большим объемом и многообразием информации. У пользователя, привыкшего только к

Интернет-словарям, теряется культура общения с Книгой.

Несомненно, компьютерные программы, информационно-образовательные среды, автоматические словари или словари, составленные чисто «машинными» средствами, не могут послужить исчерпывающими средствами обучения из-за неготовности человека к работе с технологиями. Однако разумное сочетание традиционных и инновационных словарей в учебном процессе вполне возможно: каждый из этих типов призван решать свой комплекс задач в зависимости от вида деятельности, уровня владения языком и конкретной ситуации.

РАЗДЕЛ III

Проблемы отечественной лингвостилистики и лингвистического образования

Парцеллированные конструкции в тексте

Явление парцелляции – одна из актуальных проблем синтаксиса в связи с изучением текста, способов его членения и организации. Термин «парцелляция» восходит к французскому слову «parceller», означающему «делить, дробить на части», и применяется для обозначения способа членения текста. При этом, как отмечает большинство исследователей, парцелляция относится к области экспрессивного синтаксиса. Изучение текста в этом аспекте опирается на теорию актуального членения, суть которой состоит в следующем: текст делится на значимые смысловые части – тему (то, что уже известно из контекста) и ремю (то новое, что сообщается в предложении или тексте).

Парцелляция не имеет в лингвистической литературе полного и однозначного определения, что связано с многоплановостью этого явления и различием подходов к его изучению. Исследователи, изучающие парцеллированные конструкции в коммуникативном аспекте (такие, как О. В. Александрова, Ю. В. Ванников, Г. А. Золотова, Е. А. Иванчикова и другие), отмечают, что парцелляция – это прием, заключающийся в членении высказывания на несколько интонационно-обособленных частей в целях создания определенных стилистических эффектов¹. Лингвистический энциклопедический словарь трактует ее как «способ речевого представления единой синтаксической структуры предложения несколькими коммуникативно-самостоятельными единицами – фразами»².

Парцеллированная конструкция состоит из базовой части и отчлененного сегмента (парцеллята). Парцеллят отделяется от базовой части в первую очередь интонационно, на письме это выражается точкой, реже – запятой. Причем парцеллят может находиться как в контактной, так и в дистантной позиции по отношению к базовой части. Например:

(контактная позиция) *«Этого только и не хватало. Но именно этого только и не хватало. Не хватало. Этого. Только»* (В. Токарева).

(дистантная позиция) *«С кем-то выясняла отношения. Конечно же, с мужчиной. Поэтому и плакала, когда сидела в углу и слушала музыку»* (В. Токарева).

Существенным является вопрос о сфере функционирования парцеллированных конструкций. Одни исследователи считают парцелляцию речевым явлением, говоря о парцелляции высказывания, другие же ограничивают сферу парцелляции предложением. На наш взгляд, парцелляция является речевым явлением благодаря своей интонационной обусловленности. Вместе с тем «зафиксировать» ее в процессе коммуникации невозможно, так как именно знак препинания в тексте, а не пауза в речи является абсолютным признаком парцелляции³. Не менее важен вопрос об отграничении явления парцелляции от других явлений экспрессивного синтаксиса – в частности, от явления присоединения. Парцелляция, выделенная из более широкой системы присоединения, не получила в лингвистике четких дифференцирующих признаков, что позволяет ряду синтаксистов (Н. С. Валгина, Г. С. Шалимова и др.) считать эти явления тождественными. Другие (например, Л. Ю. Максимов, Е. А. Иванчикова) разграничивают эти явления по принадлежности к определенному типу речи, определяя парцелляцию как прием книжной речи, а присоединение – как явление живой устной речи⁴. Наиболее убедительной кажется следующая точка зрения: парцелляция – это разделение единого высказывания на части в один из этапов процесса мышления, отчленение фрагмента от базовой части; при присоединении же новый фрагмент добавляется к уже сформулированной, автосемантической структуре в качестве добавочного суждения.

При таком подходе парцелляцией будет считаться конструкция, отчлененный компонент которой беспрепятственно соединяется с базовой частью, например: *«Он ее обнял. И умер»* (В. Токарева). Присоединительными будут считаться конструкции, в которых воссоединение базовой части и парцеллята не выглядит естественным, «где части не умещаются в одну смысловую плоскость, логически не объединяются в целостное, хотя и сложное представление»⁵, например: *«Пусть будут неприятности: разрыв с семьей, потеря привычного бытия. Но только рядом»* (В. Токарева). Но, несмотря на различие парцелляции и присоединения, в ряде случаев не-

¹ Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О. В. Александрова. – М., 1984. – С. 68.

² Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 482.

³ Зеленукин, Р. О. Парцелляция в прозе В. Токаревой / Р. О. Зеленукин // Русская речь. – 2007. – № 2. – С. 36.

⁴ Максимов, Л. Ю. Присоединение, парцелляция и текст / Л. Ю. Максимов // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 81.

⁵ Там же. С. 83.

возможно однозначно отнести синтаксические конструкции к одному из этих явлений. В связи с этим мы оцениваем парцелляцию и присоединение как родственные синтаксические приемы, различие которых трудноуловимо, так как проходит на этапе между формированием мысли и коммуникацией⁶.

Парцелляция не может рассматриваться вне текста. Более того, парцеллированные конструкции обладают основными признаками текста (такими, как связность, целостность, модальность, экспрессивность, информативность), поэтому мы можем рассматривать их как микротексты в составе макротекста. Парцеллированные конструкции играют важную роль в тема-рематическом членении текста. Парцеллят всегда выступает в качестве акцентированной ремы. Однако парцеллирование ремы не исчерпывает актуального членения парцеллированного высказывания, которое имеет многоступенчатый характер. Базовая часть, являясь темой для ремы парцеллята, сохраняет внутри себя собственную тема-рематическую структуру, актуализированную благодаря финальному знаку препинания, например: *«По дороге купили молодую морковь и антоновку. Для витаминов»* (В. Токарева). При этом в парцеллированном сложноподчиненном предложении парцеллят реализует и собственную тему за счет наличия предикативных отношений⁷, например: *«Значит, ты живешь не своей жизнью. Поэтому ты ворует»* (В. Токарева). Создание и акцентуация нового рематического центра в высказывании и является основной функцией парцелляции в тексте. Кроме этого, парцелляция имеет ряд других, факультативных, функций. К ним относится изобразительная функция, которая используется для выделения, «укрупнения» отдельных деталей, для усиления изобразительного контраста, создает эффект неожиданно наступившего действия, указывает на «процессуальность» высказывания, то есть с

помощью интонационной и структурной паузы отражает этапную последовательность смены действий, например: *«Марина резко встала. Подошла к столу. Пригубила. Поддержала во рту»* (В. Токарева). Еще одна функция – характерологическая, она заключается в имитации речевой манеры субъекта речи в диалогах, монологах и особенно – в изображении внутренней речи, ее дискретности и слабой синтаксической организованности, характеризуя тем самым состояние субъекта, например: *«Он мчался, не разбирая дороги... Пот заливал глаза. Успеть. И не разбить кинокамеру. Быстрее!..»* (А. Вайнер, Г. Вайнер). Также к факультативным можно отнести эмоционально-выделительную функцию, которая выявляется при использовании парцеллированных конструкций для усиления эмоциональной стороны высказывания или его оценочного содержания, выраженного имплицитно, например: *«“Я? Вам? Дал телефон? Что за ерунда!” – ничего не понимая, сказал Никитин»* (Ю. Бондарев). И, наконец, экспрессивно-грамматическая функция, заключающаяся в модификации или изменении связей между компонентами предложения: с помощью парцелляции могут сниматься отношения однородности, заключительный член однородного ряда может выделяться как обобщающий и т. д. Например:

«Надо ехать, следить за порядком в роте, заботиться о подчиненных, готовить себя и их к войне. Словом, не отвлекаться» (О. Смирнов).

Следует отметить, что все эти функции являются речевыми, поскольку они обусловлены не моделями парцеллированных предложений, а условиями их употребления (контекстом)⁸.

Таким образом, парцелляция как прием коммуникативного синтаксиса используется для увеличения экспрессивных и функциональных возможностей текста, употребляясь главным образом в художественных и публицистических текстах.

⁶ Зелепукин, Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р. О. Зелепукин. – М., 2007. – С. 8.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Сковородников, А. П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке / А. П. Сковородников // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 86–91.

РЕЧЕВОЙ ПОВТОР КАК СТИЛЕВАЯ ДОМИНАНТА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И. А. ИЛЬИНА (на примере очерка «Творчество И. С. Шмелева»)

Блестящий русский философ, публицист, редактор, педагог Иван Александрович Ильин позже других стал известен современному российскому читателю. К сожалению, знакомство с творчеством Ильина до сих пор ограничивается в основном его философскими и политическими взглядами, хотя большое место в его творческой биографии занимает литературно-критическая деятельность, которая в настоящее время по-прежнему мало изучена.

Фундаментальным трудом литературно-критического плана в творчестве Ильина является работа «О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелев» (написана в 1939 году, опубликована в 1959-м). Книга состоит из трех очерков – «Творчество И. А. Бунина», «Творчество А. М. Ремизова» и «Творчество И. С. Шмелева», которые подчинены единому художественно-критическому и идейному замыслу. Однако каждый из трех очерков книги может рассматриваться и как самостоятельное законченное произведение.

Для анализа мы выбрали очерк «Творчество И. С. Шмелева», который состоит из десяти глав (частей), поэтапно отражающих внутреннее движение мысли автора, ее поступательное развитие в пределах данного конкретного текста.

Одним из ведущих приемов повествовательной манеры Ильина является повтор, который служит выделению и акцентированию наиболее значимых моментов и звеньев предметно-речевой ткани произведения. Среди разновидностей повтора можно выделить прямые или буквальные повторы, «полуповторы», вариации, дополняющие и уточняющие напоминания об уже сказанном.

По составу и форме у Ильина встречаются повторы частей слов, отдельных слов, словосочетаний, фраз и целых синтаксических конструкций.

Часто в тексте можно встретить повтор значимых частей слова (морфем), в частности,

приставок *сверх-*, *много-*, *полу-*, *пере-*¹, а также слов и их частей, написанных Ильиным через дефис: *более-чем-*, *не-до-*, *не-сразу-*, которые выполняют в тексте функцию выделения важных элементов речи. Так, используя приставки *сверх-* и *много-* в словах «сверхнациональный» и «многонациональный», критик тем самым выделяет критерий абсолютной значимости и признания художника².

Среди отдельных слов наиболее часто употребляются такие слова, как «дух», «душа», «духовность», «русскость», «молитва», «инстинкт», «скорбь», «художество», «национальный» и др. Повторы отдельных слов образуют в тексте сложную, достаточно разветвленную систему.

Основными формами повтора отдельных слов в тексте выступают семантический, точный лексический, синонимический и корневой повторы.

Семантический повтор – это повтор слов, содержащих одинаковые семы, в том числе ассоциативные, которые актуализируются в контексте³: «Он [Шмелев] воспринимает все – и бытовую обстановку, и человеческую внешность, – **чувством**: то любовью, то умилением, то изумлением, то скорбью, то молитвою, то благодарением, то негодованием, то отвращением, то ужасом» [361]. Такой длинный ряд слов с общей для них семой «чувство» призван привлечь особое внимание читателя к данной характеристике творчества Шмелева.

Точный лексический повтор: «**Юмор** Шмелева бесконечно разнообразен: **иногда** острый, сдержанно-горький; **иногда** нещадный, отчаянный как **юмор** висельника; **иногда** – нежный, тонкий <...> Этот **юмор** редко иссякает у Шмелева <...> Это не **юмор** авторских описаний <...> **Юмор** у Шмелева идет как бы из самих вещей...» [336].

Синонимический повтор: «В этом языке [языке Шмелева] звучит и поет **открытость** русской души, **простота** и **доброта** русского сердца, **эмоциональная подвижность** и **живость**

¹ Темным везде выделено мной, курсив – И. А. Ильина. – М. Г.

² Ильин, И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелев / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 335. (Далее очерк цитирую по этому изданию с указанием страниц в тексте.)

³ См.: Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2003. – С. 53.

воображения, присущая русскому народу. И вдруг этот столь добродушно-разливчатый, сочный язык становится **жестким, сосредоточенным**, приобретает **крепость, ядреность, гневность**, идет **бросками, швырком, свайкой, режет, колет** и одним ударом **загоняет** в душу точные, беспощадные формулы...» [347–348]. Нанизывание синонимов, обозначение какого-либо понятия или качества не конкретным словом, а целым рядом слов с тождественными или близкими значениями является одним из излюбленных приемов повествовательной манеры Ильина.

Корневой повтор, то есть повтор в тексте или его фрагменте однокоренных слов. На базе корневого повтора могут возникать и разворачиваться текстовые словообразовательные гнезда, сквозные для произведения в целом⁴. И. А. Ильин многократно прибегает к этому художественному средству: «...она живет ими, дышит, поет, стонет, **молится** и созидает через них...» [334]; «...прожигать свое страдание огнем **молитвы**»; «Россия «омаливала» свою жизнь и свою культуру...» [336]; «...потомственно **намоленные** в душе религиозные сокровища духа» [337]; «...остается окрашенным в **предмолитвенные** или **послемолитвенные** тона» [382]. «У каждого народа есть в **душе** таинственная, подпочвенная глубина – последний источник его творчества и его **духовности**» [334]; «...**религиозные сокровища духа**» [337]; «Шмелев «пишет Россию» <...> в ее **душевной** чуткости...» [342]; «...за этим величайшим, непосредственным **простодушием**...» [348].

Корневые повторы у Ильина выполняют функцию усиления и утверждения какой-либо мысли. Так подчеркивается в Шмелеве национальный характер его творчества, его русскость: «...свое, глубокое, предметно-выстраданное и непреходящее слово говорит о **русскости русского** народа искусство Шмелева. Шмелев есть прежде всего **русский поэт** <...> он – **певец России**, изобразитель **русского**, исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть **русский** человек и **русский** народ <...> Это **русский** художник пишет о **русском** естестве. Это **национальное** трактование **национального** <...> в этих узренных **национальных** образах раскрывается та **художественно-предметная глубина**, которая открыла Шмелеву доступ почти во все **национальные** литературы... Это естественно и закономерно: только через **национальное** служение дух может достигнуть **сверхнацио-**

нальной значительности и **многонационального** признания» [335]. Настойчивое утверждение одного и того же качества через два корня (**-рус-**, **-наци-**) максимально концентрирует внимание читателя на этой характеристике творчества Шмелева.

В отдельных случаях целые абзацы пронизаны чередой однокоренных слов, вследствие чего образуется важное для данного фрагмента словообразовательное гнездо с вершиной в определенном слове: «инстинкт», «скорбь», «страдание» и т. п. Так, в пятой главе очерка многократно встречаются слова с корнем **-чув-**, так что вся она подчиняется одной мысли – о способности Шмелева чувствовать и творить сердцем: «Художественный акт Шмелева есть прежде всего и больше всего **чувствующий** акт <...> **чувство** остается основополагающим всегда <...> Создания Шмелева рождаются из **сердца**, из горящего и переполненного **сердца** <...> Творя и показывая, Шмелев **чувствует** сам; он **видит чувством**, **мыслит чувством**, **воображает из чувства** и **изображает, чувствуя**» [357–358].

Помимо основных форм повтора отдельных слов в тексте можно выделить несколько форм авторского повтора, например, дублирование автором собственных мыслей с помощью цитат и микроцитат из произведений А. С. Пушкина [360], Ф. И. Тютчева [380], но в большей мере И. С. Шмелева: «Шмелев хорошо знает, что значит “видеть **сердцем**” и “говорить от **сердца**” и что шепчет “голос, живущий в **сердце**”; он знает также, как страшен бывает человек, у которого “**сердце** ожесточилось” или у которого “Дух смерти вынул **сердце**”. В сердце он находит и свет разума <...> Отсюда он ведет и **свое искусство**: “**сердце** свое слушай”. Он творит, “принимая **сердцем**”, “запоминая **сердцем**” <...> Он “постигает глубинным каким-то **чувством**”» [358–359]. Все микроцитаты в указанном отрывке (фрагменте) имеют у Ильина ссылки на конкретные произведения Шмелева. Использование Ильиным многочисленных повторов одних и тех же слов в тексте, подчеркивание одних и тех же качеств акцентирует внимание читателя на том, что Шмелев, прежде всего, художник чувства и сердца.

Следует отметить, что у Ильина чувство является ключевым понятием для русского искусства и русской культуры в целом. “Русская идея есть идея сердца, – пишет он в работе “О русской идее”⁵, – эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположен-

⁴ См.: Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2003. – С. 54.

⁵ Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 2. – М., 1996. – С. 420.

ная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства...». «В основе всей русской культуры, – утверждает Ильин, – лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было – чувственным изображением нечувственно-узренных обстоятельств»⁶.

Другой формой авторского повтора отдельных слов в тексте является повтор имен собственных. Подчеркивая в Шмелеве национальный характер его творчества, его русскость, способность чувствовать и творить сердцем, Ильин тем самым ставил Шмелева рядом с Пушкиным, которого считал «путеводной звездой русской культуры»⁷. Имя Пушкина [340, 341, 359, 360, 377, 391, 393] многократно упоминается Ильиным в тексте: «Так было ведь и у Пушкина...»; «...нити, ведущие к образам Пушкина»; «Об этом-то богомолнии вздыхал Пушкин...». Не раз в тексте встречаются упоминания имен Ф. М. Достоевского [344, 352, 358, 359, 360, 364, 368, 369, 381, 401], Н. С. Лескова [349, 356, 368], Э. Т. А. Гофмана [345, 352] и др.

Еще одной формой авторского повтора отдельных слов в тексте является повтор частиц, союзов и союзных слов: «При этом **ни** эти слова, **ни** их ритмическая черед не терпят **ни** замены, **ни** подстановки, **ни** перестановки» [354]; «Все внешнее служит ему [Шмелеву] знаком, орудием, средством **или** отображением внутреннего – душевного трепета, **или** страдания, **или** блаженства, **или** гнева, **или** отчаяния...» [361]; «Шмелев дал несколько таких образов. **Таков** старичок-иконописец Арефий..., **таковы** Семен и Миша..., **таков** Степан-Новый..., **такова** “старинная” няня, Дарья Степановна Синицына... и **таков** старый плотник Михаил Панкратыч Горкин...» [381].

Нередко у Ильина можно встретить повтор таких словосочетаний, как «художественный акт», «художественный образ», «художественный предмет», «духовное обстояние», «эстетическая материя», которые являются ключевыми в эстетике и творчестве Ильина. Все они являются сквозными и встречаются у Ильина постоянно. Например, размышления о **художественном акте**⁸ можно найти в статье Ильина «Одинокий художник»⁹, в лекциях «Современная русская художественная литература»¹⁰, «Достоевский как художник»¹¹, во введении к книге «О тьме и про-

светлении» [195, 197, 200], в очерках «Творчество И. А. Бунина» [216, 219, 222, 224, 231, 240, 249, 251, 265, 269], «Творчество А. М. Ремизова» [301, 304, 307, 308] и др.

Помимо частей слов, отдельных слов и словосочетаний Ильин воспроизводит и целые фразы. Одной из форм данного вида повтора является повтор эпитафия. Так, эпитафией к очерку стала фраза из романа И. С. Шмелева «Человек из ресторана» (1910): «И пришло это сияние через муку и скорбь...», которая отражает религиозно-философский смысл его творчества. Этот же эпитафий был использован Ильиным во второй части статьи «Творчество Шмелева»¹².

Часто в тексте можно встретить такую форму повтора, как синтаксический повтор, то есть повтор синтаксических конструкций одной структуры или их частей. Излюбленная синтаксическая структура Ильина – длинные, как правило, сложносочиненные или содержащие однородные члены предложения с постановкой главного слова на первом месте: «Стиль Шмелева привлекает к себе читателя с первых же фраз. Он **не проходит** перед нами в чинной процессии и **не бежит**, как у иных многотомных романистов... Мало того, он **не ищет** читателя, **не идет** ему навстречу... Он как будто даже **не обращает** внимания на читателя... Читатель мгновенно чувствует, что здесь не в нем дело, что он “не важен”: с ним **не заговаривают**... как бывало у Тургенева; его **не заинтриговывают**, как у Лескова; его **не поучают**, как любил Л. Н. Толстой; ему даже **не повествуют**, как делал Чехов» [345–346].

Кроме того, для повествовательной манеры Ильина характерен параллелизм синтаксических конструкций, то есть одинаковое или похожее расположение элементов синтаксической конструкции в пределах данного текста. Так, во второй главе очерка Ильин трижды использует одну и ту же синтаксическую конструкцию: Шмелев «**может писать только тогда**, когда в нем *созревает предметный замысел*, когда созревшее начинает облекаться в *образы*, когда одержавшие его образы начинают требовать *словесной записи*» [339]; «...**может писать только тогда**, когда “на него находит”, когда им овладевают... “неосознанные власти”... и далее ...**может писать только тогда**, когда его зовет созревшая

⁶ Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 2. – М., 1996. – С. 422.

⁷ Ильин, И. А. Гении России / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 3. – М., 1997. – С. 213.

⁸ Под художественным актом И. А. Ильин понимает «творческую установку», «внутренний строй и уклад человека: его способ чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать», «самобытный способ творить искусство».

⁹ Ильин, И. А. Художник и художественность / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 2. – М., 1996. – С. 352–357.

¹⁰ Ильин, И. А. Гении России / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 3. – М., 1997. – С. 205–206.

¹¹ Там же. С. 308.

¹² Ильин, И. А. Творчество Шмелева / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 2. – М., 1996. – С. 116.

художественная “тема”, когда его “осеняет”, когда приходит вдохновение или когда он чувствует в душе некую... *духовную одержимость*» [340]. Первая часть данной синтаксической конструкции (**может писать только тогда**) – это прямой (буквальный) повтор, а вторая часть – это вариации на тему вдохновения (когда *созревает предметный замысел*, когда «на него находит», когда его «осеняет», когда приходит вдохновение...).

Мы рассмотрели повторы по составу и по форме, теперь рассмотрим их с учетом позиционных и метрических особенностей, а именно, по месту расположения в тексте. Прежде всего, по позиции повторяющихся слов в предложении можно выделить повтор-анафору и повтор-эпифору.

Анафорический повтор очень частое явление в очерке и, как правило, охватывает несколько предложений, достигая иногда шести-, семикратного повтора различных частей речи, например, местоимения: «**Он** [Шмелев] не примыкает ни к какому “направлению” – ни литературному, ни политическому. **Он** не может, не умеет, не смеет быть “партийным”. **Он** всю жизнь идет не за “лозунгами” и не за “программами”; **он** следует не за чужим и не за внешним, а за своим и за внутренним. **Он** повинуетя ночным голосам своего художественного видения <...> **Он** не выбирает самоуправно “тему” или “зерно” своего повествования... **Он** может писать только тогда, когда в нем *созревает предметный замысел*, когда созревшее начинает облекаться в *образы*, когда одержавшие его образы начинают требовать *словесной записи*» [339]. Анафора в данном случае выполняет функцию связывания (текстообразования), формируя тем самым целостность текстового отрезка.

Исследователи отмечают, что повтор и его виды являются одним из наиболее эффективных средств выделения, в связи с чем его основными функциями признаются функции выделения, усиления и связывания (текстообразования), о которых мы уже сказали выше. Однако перечисленные здесь функции повторов ни в какой степени не ограничивают потенциальных возможностей этого приема. Как и всякое средство, рассчитанное на эмоциональный эффект, это средство полифункционально. Им также реализуются экспрессивно-эмотивная, акцентологическая и риторическая функции.

Экспрессивно-эмотивная функция. Довольно

часто в повествовании Ильина бросается в глаза многосоюзие, что делает высказывание более экспрессивным: «...дело, требующее **и** любви, **и** огня, **и** прозорливости, **и** особого, неописуемого “медиумизма”: срастворения **и** самоотречения, бессознательной рассредоточенности **и** повышенной предметной чуткости; **и** конечно, вдохновения...» [335]. Эмоциональная экспрессивность повторения слов здесь основана на соответствующем интонационном оформлении высказывания.

Акцентологическая функция служит для расстановки автором акцентов на ключевых и значимых понятиях в очерке: «дух», «душа», «духовность», и это не случайно, потому что И. А. Ильин не просто духовен: его дух укоренен в православии, что определяет его место в контексте исконной русской культурной традиции.

Риторическая функция чаще всего проявляется в повторах вопросов, на которые Ильин не дает ответов, но которые заставляют читателя задуматься: «О подмосковных ли болотных пнях говорит заглавие “На пенях” или о срубленной России и о снесенной безбожниками мировой культуре? И что это за “Няня из Москвы”? Не всерусская ли это Няня? Не воплощение ли православной и национальной совести, священно-простонародной традиции русского народа? Не домашняя ли сивилла? Не всемирная ли это Няня, смятенно созерцающая мировое смятение наших дней?» [363–364].

Таким образом, в очерке представлена система повторов, позиции и сочетания которых определяют стилистические особенности произведения в целом. Это повторы частей слов, отдельных слов, словосочетаний, фраз, синтаксических конструкций и т. д. Система повторов у И. А. Ильина выполняет функции усиления, выделения и связности текста, служит формированию целостности произведения. Кроме того, она является средством создания стилистической организации текста, воплощения в произведении представлений об особенностях творчества И. С. Шмелева. С читательской позиции система повторов является ключом к пониманию философской картины мира творчества Шмелева. Обилие повторов, вариантов, параллелей становится тем художественным приемом, который во многом определяет индивидуальную стилистическую манеру И. А. Ильина.

Суггестивная функция языковых средств в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»

Художественный текст является своеобразным средством общения между читателем и его создателем. Своеобразие этого общения состоит в том, что автор мог создать свое произведение в далеком прошлом, а читатель может изучать его сейчас и удивляться тому, как проблемы прошлого понятны, близки и актуальны сегодня.

Художественный текст «всегда является творимым произведением речевой деятельности мастера слова, сложной системой взаимосвязанных и целенаправленно организованных языковых элементов, отбор и расположение которых строго определены авторским видением мира, его точкой зрения на явления действительности»¹.

Любой текст художественного произведения содержит определенную автором прагматически и эстетически маркированную информацию. Так, текст произведения Ф. М. Достоевского «Идиот» сообщает нам о событиях, которые произошли с жителями Петербурга. Мы узнаем их имена, род занятий, социальное положение. Феерия Ф. М. Достоевского сообщает нам о нравственно-психологических проблемах и коллизиях, связавших этих людей между собой. В то же время это художественная речь, вызывающая в читателе определенные чувства, эмоции, ощущения, желания, которые связаны с теми событиями, о которых он узнал из текста. Об этом обычно не думают, а лишь ограничиваются оценкой прочитанного на уровне «как в жизни», «как в кино», «так не бывает» и т. д.

Обычно замечается лишь то, что текст написан грамотным, выразительным, литературным и т. п. языком. И только специальное исследование может выявить, какие языковые средства, приемы и т. п. и как использованы писателем для создания своего произведения – яркого, самобытного, правдивого. Художник слова не прямо отражает действительность, не непосредственно передает реальные картины жизни, а перевоссоздает их «в особую эстетическую реальность»², которая соответствует художественному произведению как произведению искусства, призванного вызвать у человека необходимое (каждый раз конкретное) эмоциональное состояние.

Составом отобранных языковых средств, их

синтаксически-композиционной и стилистической организацией произведение художественной литературы всегда вызывает у читателя эмоционально-оценочное отношение, волюнтаривно-экспрессивную реакцию на то, о чем повествуется или что изображается в тексте. Так, «благие» поступки князя Мышкина сначала не убедили детей: *«Дети надо мной сначала смеялись, а потом даже камнями в меня стали кидать, когда подглядели, что я поцеловал Мари. А я всего один раз поцеловал ее... Нет, не смейтесь, – поспешил остановить князь усмешку своих слушательниц, – тут вовсе не было любви. Если бы вы знали, какое это было несчастное создание, то вам бы самим стало ее очень жаль, как и мне»*³ [95]. Потом под воздействием реальных дел героя дети изменили к нему свое отношение: *«Я им рассказал, какая Мари несчастная; скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало-помалу мы стали разговаривать, я от них ничего не тайл; я им все рассказал. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалеть Мари. Иные, встречаясь с нею, стали ласково с нею здороваться: там в обычае, встречая друг друга, – знакомые или нет, – кланяться и говорить: “здравствуйте”* [99]; *Когда я уже отправлялся на дорогу, все, всю гурьбой, провожали меня до станции <...> Они удерживались, чтобы не плакать, но многие не могли и плакали в голос, особенно девочки <...> иной вдруг из толпы бросался ко мне среди дороги, обнимал меня своими маленькими ручонками и целовал...»* [102].

Художественная речь содержит информацию, которая реализуется как наши представления, окрашенные эмоциональной оболочкой прекрасного. «Если художественную речь можно назвать реализацией художественного текста, то эстетическая реальность возникает только абстрактно в сознании читателя в процессе чтения и обдумывания прочитанного, обмена мнениями о прочитанном с окружающими» [Шанский, Махмудов; 1999: 66].

Слова, мысли, поступки в художественном тексте пропитаны особым настроением. Роман «Идиот» начинается так: *«<...> В одном из ва-*

¹ Шанский, Н. М., Махмудов, Ш. А. *Филологический анализ художественного текста: пособие для студентов филологических факультетов педагогических вузов* / Н. М. Шанский, Ш. А. Махмудов. – СПб.: Специальная литература, 1999. – С. 61–62.

² Там же. С. 65.

³ Здесь и далее цитируется по книге: Достоевский, Ф. М. *Идиот* / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1981. – 638 с.

гонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира – оба люди молодые, оба почти налегке, оба не щегольски одетые, оба с довольно замечательными физиономиями и оба пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор <...> Один из них был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами. Нос его был широк и сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку <...> Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте надучую болезнь. Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досиня иззябшее» [29–30].

Здесь прослеживается стремление автора положительно настроить читателя по отношению к человеку «с большими, голубыми и пристальными глазами», «приятным тонким и сухим лицом», «взглядом тихим, странным, тяжелым».

Эти слова, имплицитно выражающие определенное авторское отношение к сообщаемому (персонажу), заставляют читателя адекватно воспринимать и оценивать все дальнейшие слова и поступки князя Мышкина. Такую «способность художественного слова внушать читателю те или иные эмоционально-психологические ощущения и представления называют поэтической суггестивностью»⁴.

Доказано, что язык в его речевой форме может воздействовать на человека. Если подобное воздействие на мысли, чувства и волю адресата происходит на сознательном уровне, мы говорим об экспрессивной функции языка. В то же время язык обладает суггестивной функцией, заключающейся в воздействии на подсознание человека, на его психологическое состояние.

Уже первое знакомство с князем Мышкиным дает возможность читателям представить внешний облик персонажа и его душевные качества. Эти представления, которые у большинства читателей совпадают с авторской интерпретацией соответствующих фактов (из Швейцарии, где

был спокоен и счастлив, возвращается в Россию по неотложным делам Лев Николаевич Мышкин, обедневший князь из древнего знатного рода. Внешне идеальный герой Достоевского бледен, болезнен, странен; лицо как бы лишено красок, бесцветно. Смешно и нелепо смотрятся заграничные «штиблетки»... Но тихий голос князя, подкупающие откровенность и чистосердечие, радужная готовность удовлетворить любопытство всех и каждого, то особенное внимание, с каким он слушает рассказы других, располагают самых разнообразных собеседников: купца Рогожина, камердинера Алексея, семейство Епанчиных), вызывают положительные эмоции (оценки).

Суггестивный текст отличает: а) многократное повторение одного и того же сочетания звуков в составе различных слов; б) наличие лексических повторов, использование общезыковых и окказиональных синонимов; в) преимущественное использование частиц, существительных и глаголов; г) насыщенность текста окказионализмами разного характера (окказиональными метафорами, сравнениями), а также другими способами образного представления реалий действительности; д) реализация синтаксического параллелизма, выполняющего архитектурную функцию и др.⁵.

В понимании именно художественного, поэтического текста реализуется суггестивная функция. Для ее выполнения необходимо направить внимание читателя на содержание произведения, поступки героев, совершаемые во временно-пространственном настоящем, то есть в рамках эмпирического пространства и времени (то, о чем «рассказывается» в художественном произведении, должно восприниматься как явление, происходящее в момент воспроизведения [чтения]).

Этой задаче способствует и языковая организация описания: отсутствие косвенной речи, своеобразное использование видовременных категорий глагола, наличие наречий и местоимений, указывающих на время и место действия. В этот ряд можно поставить и соотносительно-указательные частицы местоименно-наречного происхождения: «**вот**», «**тут**», «**как**», «**что**», которые помогают читателю представить события, отраженные в произведении, происходящими в данный момент, сейчас, внушить мысль о реальности их бытия, то есть выполняют **суггестивную функцию**.

Частица «**вот**», располагаясь в начале связанного контекста, относится к целой фразе,

⁴ Шанский, Н. М. Филологический анализ художественного текста: пособие для студентов филологических факультетов педагогических вузов / Н. М. Шанский, Ш. А. Махмудов. – СПб.: Специальная литература, 1999. – С. 67.

⁵ Марченко, С. В. Экспрессивность и суггестивность художественного текста / С. В. Марченко // Русский язык вчера, сегодня, завтра: Материалы российской конференции, посвященной 40-летию кафедры русского языка Воронежского государственного университета и 75-летию со дня рождения И. П. Распопова. – Воронеж, 2000. – С. 109.

выделяя ее и тем самым привлекая внимание к ее содержанию. Анафорическое употребление частицы способствует подчеркиванию активного характера совершаемых действий. Например: «**Вот** кто была причиной смерти этой почтенной женщины <...> **Вот** она стоит перед вами и не смеет взглянуть <...> **Вот** она босая и в лохмотьях <...>» [97].

Частица «**вот**», имеющая указательное значение, помогает оживить повествование, приблизить его, сделать реальным, представить в настоящем: «**Это вот** как вышло. Мне захотелось что-нибудь сделать для Мари; ей очень надо было денег дать, но денег там у меня никогда не было ни копейки. У меня была маленькая бриллиантовая булавка, и я ее продал одному перекупщику... [97]; <...> Одним словом, чем дальше время идет, тем больше думается <...> **И вот**, наконец, привел бог к концу <...> **И вот** в это самое мгновение <...> провожает ее с поверхности земли русским элементом зарубежных ругательств за погибшую миску! [177]; **А, вот** эта улица! **Вот**, должно быть, и дом, так и есть <...> [255].

Частицу «**вот**» можно встретить и внутри контекста. В этом случае указательный оттенок подвергается нивелировке, и частица «**вот**» начинает функционировать с ослабленной усилительной семантикой: «Знаешь ты, говорит, что такое папа римский?» – «Слыхал», говорю. – «Ты, говорит, Парфен Семеныч, истории всеобщей ничего не учился» – «Я ничему, говорю, не учился» – «Так **вот** я тебе, говорит, дам прочесть: был такой один папа <...> «А о чем же ты теперь думаешь?» – «А **вот** встанешь с места <...> я на тебя гляжу и за тобой слежу <...>» [235–236]; «...Обе они теперь <...> проживают уже в – ской губернии (**вот** не знаю только, живы ли теперь?) <...>» [561]; <...> ему как-то в глаза бросилось, что со времени переселения от них генерала Иволгина, **вот** уже три дня, Лебедев очень дурно повел себя [548]; <...> Вы **вот** думаете, что я семьдесят пять тысяч получу <...> [151]; «**Это**, господа, сто тысяч <...> **вот** в этой грязной пачке. Давеча **вот** он закричал как сумасшедший, что привезет мне сто тысяч <...> начал с восемнадцати тысяч <...>, а потом **вот** и эти сто [188]; – Да садись же подле меня, князь <...> **вот** так, а **вот** и вино несут, поздравьте же, господа! [194]; **Вот** и сижусь, а невтерпёж станет, так тайком да крадучись мимо дома ее по улице и хожу или за углом где прячусь» [234].

К словам, способным выполнять суггестивную функцию, можно отнести и частицу «**что**»: <...> «**Что**, если бы не умирать! **Что**, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! <...>» [88]; – **Что же** ты, Рогожин? Собирайся, едем! [197]; – <...> мне даже кажется, что помере-

щилось <...> – **Что ж**, может, и померещилось <...> **Что ж**, опять за границу, что ли? [230]; – О, **что** за день! <...> [257].

Суггестивная функция находит выражение и в активности частицы «**какой**»: «**Какой тут** жених, когда просто приехать боится? [234]; **А какое** симпатичное, **какое** милое лицо у старшей дочери Лебедева <...> **какое** невинное, **какое почти** детское выражение и **какой почти** детский смех!» [253].

В проявлении суггестивной функции участвует и частица «**как**», способная передавать различные значения: усиления, максимальной экспрессии, эмоциональности, неожиданности совершения действия, замедления и др.: «**Как** вы здесь очутились? [480]; **Как** решилась она ей писать <...> **Как** могла она об этом писать, и **как** могла такая безумная мечта зародиться в ее голове? [477]; – Ну, **как** я рад! <...> [469]; – Ах, Лебедев, **как** это скучно! <...> [469]; – **Как** вы поблуднели! <...> [461]; – **Как** могла такая грязная мысль зародиться в вашем <...> сердце? [456]; **Как** это странно!» [253].

Частица «**тут**» помогает увидеть события прошлого в настоящем и локализует место действия персонажа: «<...> но... **тут** вышла особенная история; **тут** вступились дети <...> [97]; – **А тут** вдруг наутро приходят и говорят мне, что Мари умерла. **Тут** детей и удержат нельзя было <...> [100]; <...> Ну, **тут**, натурально, объятия и взаимная борьба великодушия [122]; ...**И** в ту самую минуту, как я вам дверь отворил, я о вас тоже думал, а **тут** вдруг и вы [133]; – **Н**-нет, у нас так не будет... **тут**... **тут** есть обстоятельства <...> [149]; – Иные уверены были, что у ней **тут** какой-нибудь особый расчет [170]; <...> **А тут** приедет вот этот: месяца по два гостил в году, опозорит <...> уедет, – так тысячу раз в пруд хотела кинуться <...> [198]; **Тут** она вдруг остановилась, испугавшись сама того, что сказала [578]; – Я не знаю, право, Аглая Ивановна, как вам ответить; **тут**... **тут** что же отвечать! [535]; **Тут** вдруг Аглая начала ужасно приставать к Коле, чтоб он ей сейчас же продал ежа <...> но **тут** вдруг оказалось, что он вовсе не их <...>» [531].

Таким образом, частицы, участвующие в проявлении суггестивной функции, используются в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» для оживления картин прошлого, чтобы «нарисованные» художником слова картины давно прошедшего времени воспринимались как явления настоящего.

Повторяющиеся частицы создают ретардацию, то есть помогают акцентировать внимание слушателя на наиболее значимых местах контекста, способствуют более глубокому пониманию содержания, обеспечивают стилистическую «нагруженность» речи.

Ретардационная функция частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»

Язык художественной литературы – это «язык искусства слова», главной функцией которого является функция эстетическая, «эстетическая мотивированность того или иного языкового средства, обеспечивающая индивидуальность выражения»¹. Для выполнения этой задачи в романе «Идиот» Ф. М. Достоевский использует всевозможные стилистические ходы, приемы, функции и, в частности, ретардацию (лат. «retardation» – замедление, задержка, удерживание, торможение) – композиционный прием в художественной литературе, состоящий в задержке повествования с помощью отступлений, рассуждений, пространных описаний, вводных сцен и т. д., торможение действия, имеющее целью усилить интерес читателя.

Ретардацию создают различного рода повторы: многократные повторения эпизодов, монологов, диалогов, синтаксических конструкций, слов, как знаменательных, так и служебных².

Например: «**Я** явился к нему, князь, сюда и признался во всем; **я** поступил благородно, **я** себя не пощадил; **я** обругал себя пред ним <...> мне непременно нужно хоть как-нибудь экипироваться, потому что **я** весь в лохмотьях <...> на место явиться невозможно, а не явись **я** <...> место займет другой, тогда **я** опять на экваторе <...> Теперь **я** прошу у него всего только пятнадцать рублей <...> больше не буду просить. **Я** слово сдержу. **Я** умею на хлебе с квасом целые месяцы просидеть <...> **Я** должен ему буду всего тридцать пять рублей...»³ [220]; – А теперь вы их опять свели? – Сиятельнейший князь, **как мог... как мог я не допустить?** – Ну довольно <...> где теперь она? У него – О, нет <...> Еще сама по себе. **Я, говорит, свободна <...> я, говорит, еще совершенно свободна!** – И теперь там? – Там <...> **Я, говорит, совершенно свободна; еще вчера <...> про свою свободу много хвалилась** [225]; Рогождин не поворачивал к нему головы и **как бы** и забыл о нем <...> Князь смотрел <...> Он сам опять начал дрожать, и

опять **как бы** вдруг отнялись его ноги <...> он прилег на подушку, **как бы** совсем уже в бессилии <...> прижался лицом к <...> лицу Рогожина <...> Каждый раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провести дрожащею рукой по его волосам и щекам, **как бы** лаская и унимая его [634]; – Слушай... – спросил князь, **точно** запутываясь, **точно** отыскивая, что именно надо спросить <...> [632]; – Но **согласись**, милый друг, **согласись** сам, какова вдруг загадка и какова досада слышать, когда вдруг **этот хладнокровный бесенок <...> этот хладнокровный бесенок** так вдруг и объявляет, с усмешкой, **что эта “помешанная” <...> что эта “помешанная”** забрала себе в голову во что бы то ни стало меня замуж за князя Льва Николаевича выдать...» [382–383].

Разные типы повторов – отдельных слов, словесных комплексов, союзов, частиц – создают в тесно связанном контексте романа «интонационную атмосферу эмоционального нагнетания, усиления, подъема»⁴, то есть участвуют в реализации ретардационной, эмоциональной, акцентирующей и других функций. Стилистический эффект, создаваемый повтором, обусловлен естественным характером повторяемого элемента. Контексты, насыщенные частицами⁵ «ведь» («ведь... же»), «вот», «даже», «именно», – **то** и др., отличаются особой «ударностью» их звучания.

Чаще всего замедление повествования создают десемантизированные частицы и частицы со слабой семантической наполняемостью. Их расположение может быть различно: в абсолютном начале, середине или конце тесно связанного контекста.

Ретардирующие анафорические частицы способствуют непрерывности повествования, обеспечивают плавность речи: «**Да** для чего же я себя так унизила пред ними? **Да** не ты ли же, князь, меня сам уверял, что пойдешь за мною <...> что ты меня любишь и все мне прощаешь и меня у... ува... **Да**, ты и это говорил <...> **Да**

¹Максимов, Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы: Анализ художественного текста / Л. Ю. Максимов. – М.: Наука, 1975. – С. 15.

²Миллер, В. С. Очерки русской народной словесности: былины / В. С. Миллер. – Т. 1. – М., 1897. – С. 45–46; Савельева, Л. В. Поэтические функции отрицательных конструкций в русской былинной поэме / Л. В. Савельева // Язык жанров русского фольклора. – Петрозаводск, 1979. – С. 28; Тарланов, З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: изд-во Петроз. гос. ун-та, 1981. – С. 98.

³Здесь и далее цитируется по книге: Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1981. – 638 с.

⁴Лежнев, А. З. Проза Пушкина [Текст] / А. З. Лежнев. – М.: Худ. лит., 1966. – С. 37.

⁵Иванчикова, Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е. А. Иванчикова. – М.: изд-во «Наука», 1979. – С. 214.

будь же ты проклят после того за то, что я в тебя одного поверила [594]; – **А знаете**, что мне не восемнадцать лет <...> **А знаете**, чего вы боитесь больше всего? Вы неискренности нашей боитесь больше всего <...> **А знаете**, на подушке мне много мыслей приходило [321]; – **А не лучше ли, а не лучше ли**, благовоспитаннейший князь, **а не лучше ли-с...** эфтово-с! [551]; – **Как** решила она ей писать <...> **Как** могла она об этом писать, и **как** могла такая безумная мечта зародиться в ее голове? [477]; – Да ведь не знаешь! – крикнул на него в нетерпении Рогожин. – **Ан** и знаю! – победоносно отвечал чиновник. <...> – **Ан**, может, и знаю-с! – тормозился чиновник <...> – **Ан** та самая Настасья Филипповна и есть <...> [36]; ... **Разве** это не простодушный, не вдохновенный юмор? **Разве** это не истинное добродушие? **Разве** такие слова могут выходить из уст человека... мертвого, с иссохшим сердцем и талантом? **Разве** мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обоились? **Разве** это не материал... для будущего, для надежд? **Разве** такие люди могут не понять и отстать? [573]; **Хоть** одна дочь, **хоть** Аделаида будет наконец пристроена. **Хоть** одну с плеч долой [352]; **И** совсем не хотел я сюда возвращаться теперь! **И** совсем, совсем не так думал с тобой встретиться! [246]; **Ведь** он же сам хотел давеча взять его за руку <...>? **Ведь** он сам же хотел завтра идти к нему <...>? **Ведь** отрекся же он сам от своего демона <...>» [257].

Языковеды по-разному квалифицируют единичные элементы. Так, А. А. Потебня при исследовании функций союзов «и», «а», «да» и других в древних источниках отмечал их особую роль, определяя как плеонастические эксплетивные частицы, заполняющие пробелы мысли⁶. М. П. Штокмар подходит к анафорическим частицам как к союзам, обращая внимание на то, что русской речи свойственно многосоюзие (полисиндетон)⁷. А. П. Евгеньева рассматривает плеонастические частицы и союзы как параллельно существующие языковые единицы, способные выступать и в качестве союзов, и собственно частиц и функционировать контаминированно⁸.

Ретардирующие начальные частицы выступают в роли акцентуаторов, поскольку имеют усиленный оттенок⁹.

Например: «**Именно**, **именно** так, – вскричал князь <...> **Именно** “от скуки, от нашей скуки”, не от пресыщения, а, напротив, от жажды...

не от пресыщения, вы в этом ошиблись!» [566]; – **Какая** прекрасная, **какая** святая душа!» [562].

Ретардацию создают не только частицы, повторяющиеся в начале связанного контекста, но и внутри его, замедляя повествование, заполняя паузы в разговоре, усиливая воздействующий эффект и др.

Например: «Встречаются **даже** странные случаи <...> иной честный человек готов решиться **даже** на низкое дело; бывает **даже** и так, что иной из этих несчастных не только честен, но **даже** и добр <...> содержит <...> **даже** чужих, не только своих <...> Для него нисколько не успокоительна и не утешительна мысль <...> **даже**, напротив, она-то и раздражает его: “**Вот**, дескать, на что ухлопал я мою жизнь, **вот** что связало меня по рукам и по ногам, **вот** что помешало мне открыть порох! Не было бы этого, я, может быть, непременно бы открыл, – либо порох, либо Америку <...> но только непременно бы открыл!” Всего характернее <...> что **именно** им так надо открыть и что **именно** они всю жизнь наготове открыть <...> [486]; – Я еду завтра, как ты приказал. Я не буду... В последний **ведь** раз я тебя вижу, в последний! Теперь уж совсем **ведь** в последний раз! [481]; – А я бы вам...я бы вам...если бы захотели, я бы вам кое-что <...> мог бы сообщить, к тому же предмету относящееся... [227]; – Я как **будто** знал, когда въезжал в Петербург, как **будто** предчувствовал <...> [240]; – Ну, мне **только** не растеряй, снеси, **хоть** и без почтительности, но **только** с уговором <...> до порога **только** и допущу <...> Дочь Веру присылай **хоть** сейчас <...> [281]; – Уверю вас, что Горские и Даниловы **только** случаи, а эти **только** ...ошибаются... **Только** мне бы не хотелось здесь, при всех <...> [283]; Келлер приготовился **было** говорить <...> но вдруг <...> объявил, что он до того **было** потерял “всякий признак нравственности” (**единственно** от безверия во всевышнего), что даже воровал <...> – <...> может быть, нарочно на себя наговариваете?– Вам, **единственно** вам одному, и **единственно** для того, чтобы помочь своему развитию! [333]; <...> когда-то вы говорили одно слово, одно **только** слово <...> Скажите мне **только**: разорви все, и я все порву сегодня же <...> В этом слове я спрашиваю **только** признак вашего участия и сожаления ко мне, – и **только, только!** <...> Пришлите же мне это слово сострадания (**только** одного со-

⁶ Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. / А. А. Потебня. – Т. 3. – М.: Просвещение, 1968. – С. 55.

⁷ Штокмар, М. П. Исследования в области русского народного стихосложения / М. П. Штокмар. – М.: изд-во АН СССР, 1952. – С. 42.

⁸ Евгеньева, А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX вв. / А. П. Евгеньева. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1963. – С. 34.

⁹ Порошина, В. А. Выделительно-ограничительные частицы и их стилистические функции в языке былин: дис. ...канд. филол. наук / В. А. Порошина. – Петрозаводск, 1984. – С. 135.

страдания, клянусь вам!) <...> [111]; <...> объясни мне **хоть** ты, Лев Николаич, **хоть** ты: как все это случилось <...> я отец; **все-таки ведь** отец **же**, потому я ничего не понимаю; так **хоть ты-то** объясни! [536]; <...> **Ведь** если господин Бурдовский окажется теперь не “сын Павлицева”, то **ведь** в таком случае <...> выходит прямое мошенническое <...> но **ведь** в том-то и дело, что его обманули <...> иначе **ведь** он тоже выйдет <...> мошенником. Да **ведь** я уже сам убежден, что он ничего не понимает» [30].

Частицы выражают и затруднение говорящего при выборе слов, что является отражением внутреннего состояния персонажа, характеристикой «усиленного психологизма», поскольку герои Достоевского, испытывая сильные, «потрясающие» чувства, как правило, мечутся, не находят нужных слов. Эмоции их захлестывают, бьют через край, не успевая облечься в словесную форму.

Например: «**Ведь** вот... Иван-то Петрович покойному Николаю Андреевичу Павлицеву родственник... Ты **ведь** искал, кажется, родственников-то... [560]; – Да как **же** ты... как **же** ты! – вскричал князь и не закончил [240]; – Да вы **точно** из-за границы? <...> он хотел, может быть, спросить: “Да вы **точно** князь Мышкин?” – Да, сейчас только... вы хотели спросить: **точно** ли я князь Мышкин? [43]; – О, я **ведь** не потому сказал, чтоб я... сомневался... и, наконец, в этом **разве** можно сомневаться (хе-хе!)... **хоть** сколько-нибудь! То есть **даже** **хоть** сколько-нибудь!!! (Хе-хе!) [562]; – Да-да; да-а, – качал головою князь, начиная краснеть, да, это **почти** что **ведь** так; и знаете, я действительно **почти** всю ночь накануне не спал в вагоне... [604]; – **Разве** не подсказал вам самим здравый смысл, чрез три месяца, в чем было дело? <...> **Разве** можно было опозорить другую, высокую и чистую девушку, унижить ее...? <...> Да **разве** можно, любя девушку, так унижить ее <...> И... и **разве** вы не обманули божественную девушку...? [605]; – Но не в том дело, милый князь, а в том, была **ли** тут правда, была **ли** истина в вашем чувстве, была **ли** натура <...> [604]; <...> она уже слышала, что в городе <...> действительно устраивается <...> шаривари, с музыкой и **чуть ли не** со стихами <...> и что все это **чуть ли не** одобряется и остальным обществом [615]; <...> Я хотел только изъяснить Аглае Ивановне... <...> что я вовсе не имел намерения... иметь честь просить ее руки... **Даже** когда-нибудь... [366]; – Ну, вы сделали так, что я теперь непременно “заговорю” и... **даже**... может быть... вазу разобью <...> [547]; <...> время тут ничего не значит... **даже** и для возмездия физического... <...>» [548–549].

Чаще всего повествование замедляют постпозитивные частицы с оттенком усиления (в том числе и несамостоятельные, входящие в устойчивые сочетания): «Ведь вы вот не оскорбляетесь

же <...> не все **же** понимать сразу, не прямо **же** начинать с совершенства! [575]; Ну **же**, ну! <...> да ну **же**! О, господи, каких бы я вещей на такой вопрос насказал! Да ну **же**... Пентюх **же** ты, князь, после этого! [132]; – Да как **же** ты... как **же** ты!.. <...> – Что **же** не доканчиваешь <...> а хочешь скажу, что ты вот в эту самую минуту про себя рассуждаешь: “Ну, как **же** ей теперь за ним быть?” <...> [240]; – Но позволите, как **же** это? – спросила вдруг Настасья Филипповна, – пять или шесть дней назад читала <...> **точно такую же** историю! Но решительно **точно такую же** <...> **точно так же** была вырвана сигара, **точно так же** была выкинута в окно болонка, наконец, **точно так же** и кончилось, как у вас» [138].

Частица «**же**» располагается после каждого слова, на которое следует обратить особое внимание. Ретардационная функция является отражением желания автора замедлить ход развития действия, указать на схожесть ситуаций, выразить противоречивость самой действительности.

Ретардационную функцию выполняют и другие постпозитивные частицы, например «-то»: «Это для тебя отступить-то? <...>! Князь-то замуж берет, а ты безобразничать явился! [195]; – Да что ты орешь-то! <...> Я не взяла еще с тебя денег-то <...> Это в этой-то пачке сто тысяч? <...> Да что ты плачешь-то? <...> Этак-то лучше <...> Да и как глупо-то <...> думаешь-думаешь, бывало-то... [198]; <...> Да ко всему-то в придачу, кроме позора-то ненавистную жену ввести в дом [137]; – А вот тут-то и расчет! Вы тут не все знаете, князь... тут... и кроме того, она убеждена, что я ее люблю до сумасшествия... [150]; – Не в насмешку? Не в насмешку? – То-то и есть, что нет; тем-то и странно [493]; – Что ж там – рады отцы-то? – спросил вдруг Ганя. <...> Я про теперешнее спрашиваю, теперь-то там как? <...>» [491].

Постпозитивная частица «-то» помогает «задерживаться» на наиболее важных местах (словах) контекста, усиливая и подчеркивая их значимость.

Ретардационная функция проявляется не только в эпизодах с интенсивным развитием действия, в высказываниях оценочного характера, но также и в статических описаниях: при обрисовке природы, среды, обстановки, настроения героев и др. Например: «Это уж низость, вот это так уж низость! Это уж подлость сознательная! Вот это так уж подлость сознательная! – повторил Лебедев [219–220]; И вдруг, так **же** как и давеча <...> то **же** видение <...>. Та **же** женщина вышла из парка <...> [481]; Встречаются **даже** странные случаи; <...> иной честный человек готов решиться **даже** на низкое дело; бывает **даже** и так, что иной <...> не только честен, но **даже** и добр <...> содержит <...> **даже** чужих... [486]; <...> мы вполне готовы разде-

лить и самое негодование, которое он возбудил к себе **даже** в друзьях своих. **Даже** Вера Лебедева некоторое время негодовала на него; **даже** Коля негодовал; негодовал **даже** Келлер <...> не говоря уже о самом Лебедеве, который **даже** начал интриговать против князя <...> и **даже** весьма искреннего [601]; <...> история нашего героя и <...> последнее приключение <...> обращаются в странный <...> **почти** невероятный <...> **почти** наглядный анекдот, распространяющийся <...> **почти** по всему городу и **даже** по окрестностям его. **Почти** все <...> принялись рассказывать одну и ту же историю <...> [597]; <...> он **почти** не мог понять, в чем дело <...> пробыл у Нины Александровны <...> **почти** вплоть до самого вечера. Он не принес **почти** никакой пользы <...> был **почти** трезв <...> не хотел уже отходить от Нины Александровны <...> (он **почти** с утра по ночи проводил время в их доме) [553]; **Разве** неспособен к свету Рогожин? <...> Рогожин за книгой, – **разве** уж это не “жалость” <...> **Разве** уж одно присутствие этой книги не доказывает, что он вполне сознает свои отношения с ней? <...> **И разве** одну только страстность внушает ее лицо? [254]; <...> стало заметно в семье, что

она **как-то** особенно возбуждена, **даже** взволнована. Стала **как-то** особенно странно заговаривать с дочерьми <...> **даже** поцеловала Аглаю и Аделаиду <...> **Даже** к Ивану Федоровичу <...> стала вдруг снисходительна [207]; Только улыбка <...> была **что-то** уж слишком тонка; зубы выставлялись <...> **что-то** уж слишком жемчужно-ровно; взгляд <...> был **что-то** уж слишком пристален и испытующ» [48].

Повторяемость частиц в близком контексте позволяет оживить повествование, воздействовать на читателя, вызвать у него интерес. Повторы-подхваты, часто эмоционально окрашенные, реализуют вместе с ретардационной функцией и функцию акцентирующую, поскольку «развитие мысли выражено в экспрессивной форме нагнетания вопросов-утверждений»¹⁰.

Таким образом, состав и частотность употребления ретардирующих частиц зависят от целеустановок автора, которые он решает в своем произведении. Замедляя повествование, частицы вместе с другими средствами способствуют усилению восприятия, повышению интереса слушателей к содержанию, обеспечивают плавность, мелодичность, экспрессию, эмоциональность речи.

¹⁰ Иванчикова, Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е. А. Иванчикова. – М.: изд-во «Наука», 1979. – С. 229.

Лексические сопоставления на занятиях по латинскому языку как фактор развития интереса к изучению истории и культуры античного общества

Подготовка высококвалифицированного специалиста в вузе реализуется путем гармоничного сочетания в учебном процессе практических и теоретических дисциплин. Среди последних особо выделяются общеобразовательные лингвистические дисциплины: курсы введения в языкознание, общего языкознания, истории лингвистических учений, латинского языка – причем латинский язык изучается не только теоретически, то есть с целью усвоения определенной суммы знаний о языке, но и практически, то есть с целью овладения коммуникативной деятельностью на этом языке. Как теоретическая дисциплина латинский язык служит для расширения лингвистического кругозора учащихся, развития у них абстрактного грамматического мышления и научного подхода к родному и изучаемым западноевропейским языкам.

Отбор лексического материала по латинскому языку при сжатых сроках обучения – задача трудная. Отобранная лексика должна содержать достаточный материал для иллюстрации закономерностей латинского языка, для объяснения некоторых языковых явлений, свойственных индоевропейским языкам, для проведения сопоставительного анализа. В чем состоит сущность обучения лексике? С позиции школы Г. В. Роговой¹ выделяются три компонента содержания обучения: лингвистический, методологический и психологический. Необходимо заметить, что, говоря о единице обучения лексике, мы не обязательно имеем в виду отдельные слова. Под лексической единицей подразумеваются и слова, и устойчивые сочетания, и идиомы. Их необходимый набор для решения речевых задач и составляет лингвистический компонент содержания обучения лексике.

Методологический компонент содержания обучения лексике включает необходимые разъяснения, инструкции по использованию печатных словарей, о способах реорганизации и систематизации изученной лексики. Это те знания и умения, которые позволяют студенту работать над лексикой самостоятельно и независимо от внешних условий. Этот вопрос очень важен. Традиционна практика ведения рабочих слова-

рей, которые лучше составлять по алфавиту. В словарь заносится слово с сопутствующими ему указаниями, то есть существительное – в форме Им. и Род. п. ед. ч., прилагательное – в форме трех родов, глагол – со всеми основными формами. Вместе с русским переводом в словарь нужно занести и русские заимствования и заимствования в изучаемых западноевропейских языках. Это помогает запоминать значения латинских слов. Например, ссылка на слово «аквариум» несомненно поможет запомнить латинское «aqua» (вода), ссылка на английское «long» – латинское «longus» (длинный) и т. д.

Психологический компонент содержания обучения лексике связан с проблемой лексических навыков и умений. Слова существуют в нашей памяти не изолированно, а включены в сложную систему лексико-семантических отношений, которая интегрирует два типа структурных отношений на уровне лексической единицы – парадигматические и синтагматические. Для формирования лексического навыка установление системных связей абсолютно необходимо, так как именно эти связи обеспечивают прочность запоминания, а значит, и мгновенно вызывают слово из долговременной памяти. Введение слова в определенную парадигму способствует установлению более прочных ассоциативных связей данного слова, а также повторению уже изученных слов, которые входят в эту категорию. Здесь имеется в виду семантизация с использованием известных способов словообразования и прежде всего – суффиксально-префиксального способа. Исключительно развитая в латинском языке система формо- и словообразовательных аффиксов, многие из которых оказались продуктивными для новых языков, причем сохранив не только свою форму (с некоторыми фонетическими изменениями в ряде случаев), но и лексическое значение, позволяет системно проводить сопоставительный анализ на материале трех языков (латинском, русском и изучаемом западноевропейском). Сравни: лат. «ab-sum» (отсутствовать), рус. «абсентеизм», англ. «absent»; лат. «publicus» – общественный, рус. «публичный», англ. «public» и др. Знание словообразователь-

¹ Рогова, Г. В., Верещагина, И. Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях / Г. В. Рогова, И. Н. Верещагина. – М., 1998.

ных моделей и лексико-грамматического значения аффиксов способствует более прочному усвоению обязательной лексики и расширению потенциального словарного запаса учащихся.

Развитие и жизнь латинского слова в новых языках несомненно представляет большой интерес с общелингвистической точки зрения. Навык проведения сопоставительного анализа развивает способность выводить значение латинского заимствования в новых языках на основе знания соответствующего латинского слова. Выделение слов общиндоевропейского корня показывает, что в индоевропейских языках существует значительный фонд однокоренных слов для обозначения одинаковых понятий, например: лат. «*nomēn*», англ. «*name*», рус. «имя»; лат. «*novus*», англ. «*new*», рус. «новый»; лат. «*non*», англ. «*no*», рус. «нет» и т. п.²

Систематически проводимые лексические сопоставления призваны показать студенту, что заимствование латинской лексики новыми языками продолжалось на протяжении всего периода их формирования, когда латынь, перестав быть языком живым и разговорным, еще долгое время оставалась языком церкви и связанной с ней школы, языком литературы и науки, что обусловило особо важную ее роль в формировании интернациональной лексики, в частности, общественно-политической и научной терминологии, которая и в наши дни во многих случаях создается на базе древнегреческих и латинских словообразовательных элементов³.

Одним из критериев отбора лексических единиц для включения их в рабочий словарь с целью проведения лексических сопоставлений являются в первую очередь служебные слова, образовавшиеся от общих индоевропейских корней и вместе с тем оказавшиеся продуктивными для западноевропейских языков (например, предлоги: лат. «*in* – *in scholam*», «*in aquam*» – в школу, в воду; лат. «*ex* – *ex libris*» – из книг; «*post factum*» – после свершившегося и т. п.).

Среди знаменательных слов особую ценность представляют слова, которые дали наибольшее количество лексических параллелей. Подавляющее большинство слов, отвечающих этому показателю, относится к числу наиболее употребительных и, как правило, обладает словообразовательной ценностью внутри латинского языка. Так, ни один язык, кроме латинского, не выработал лучшего названия для обозначения немонархической формы правления, чем «*Res Publica*» – участие народа. Устройство большинства современных республик поддерживает-

ся, как и в Древнем Риме, при помощи сената. Слово «*senatus*» образовано от слова «*senex*» – старейшина. Другие римские названия чиновничьих должностей изменили свои функции с течением времени. Неограниченная власть «*dictator*» – диктатора, временно назначаемого во времена кризисов, часто вызывала тревогу, но у самого слова не было отрицательной окраски, которая появилась уже в XX столетии. Республика управлялась президентами, хотя *praesidens* не были важными римскими чиновниками, а обычно это слово применялось к человеку, который стоял во главе небольшой колонии. Слово «*praesidium*» – президиум относилось к небольшому гарнизону граждан, который помогал президенту управлять колонией. «*Colonia*» – это ранние поселения римлян на захваченных территориях в Италии. Современные итальянцы используют это слово, чтобы назвать отдых на берегу моря в различных лагерях или на временных стоянках. Современная территория как заморская территория, зависимая от основного государства, называется «*provincia*» – провинция.

Учебные тексты на латинском языке могут относиться к различной тематике (например, из жизни римлян: о римских богах, римском войске, римском доме, о должностных лицах, рабах и свободных гражданах и др.), и поэтому семантическая ценность слова по отношению к отобранной теме предполагает включение в рабочий словарь учащихся слов, необходимых для понимания культуры римлян, их мировоззрения, государственного устройства. Так, основанное на классическом латинском языке римское право устанавливало прочную связь между провинциями великой империи. Принципы римского права в большей или меньшей степени существуют в большинстве правовых систем различных стран мира. Классические латинские выражения, такие, как «*de iure*», «*ipso facto*» – «в силу самого факта», «*in perpetuum*» – «до сих пор», используются в речи юристов. Слова «справедливость» и «несправедливость», «законность» и «незаконность», основанные на «*ius*» и «*lex*», существуют уже очень долго, и не появились лучшие принципы, которые смогли бы регулировать общественный порядок или вытеснить эти понятия. Ценность текстов на латинском языке о римских магистратах, военных наградах, календаре, системе имен и других – не только в информативности, но и в ознакомлении учащихся с латинской терминологией из области материальной и социальной жизни Древнего Рима.

² Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М., 1938.

³ Кацман, Н. Л., Покровская, З. А. Латинский язык: учебник для вузов / Н. Л. Кацман, З. А. Покровская. – 6-е изд. – М., 2001.

Достаточно полно в курсе латинского языка может быть представлен аспект «*proverbia et dictiones*» – пословицы и поговорки, которые в сжатом, концентрированном виде донесли до нас мудрость древних, их этические нормы и эстетические вкусы, их философские и религиозные взгляды. *Proverbia et dictiones* широко употребительны среди образованных людей всего мира, являются образцами подлинной латинской речи. При этом учащиеся знакомятся не только с теми высказываниями древних, в которых заключены идеи, разделяемые нашим временем и нашим обществом, ибо «сохранить одни лишь те изречения, которые пережили античное мировоззрение, значило бы это мировоззрение представить односторонне и, следовательно, исказить его»⁴. Иначе говоря, воспитывать следует не только на положительных, но и на отрицательных примерах, раскрывая учащимся связь того или иного изречения, пословицы, крылатого выражения с историческими условиями, в которых они возникли, и с первоисточником, когда это возможно. Сравни «*Homo homini lupus est*» (из «Плавта») – «Человек человеку волк»; «*Donec eris felix, multos numerabis amicos*» (из «Овидия») – «Не сосчитать друзей, пока твое благоденствие длится» и др.

Весь сопоставительный материал из новых языков, а также различные общеязыковые явления и понятия, служащие для расширения кругозора учащихся, вводятся постепенно в связи с существующими темами по грамматике и приводят к формированию навыка узнавания слова, определения его формы как в знакомом, так и в незнакомом контексте, к способности привести одну-две лексические параллели из русского и западноевропейских языков, указав (если это возможно), от какой основы образовано данное слово. Например: лат. «*ago*», «*ēgi*», «*actum*», «*agēre*»; рус. «*акт*», «*акция*», «*агент*»; англ. «*action*» и др. Исторические параллели и экскурсы помогают обнаружить причинные связи между различными явлениями и раскрыть многие языковые закономерности⁵.

В наше время, когда человеку необходимо уметь оперативно усваивать и применять на практике новые знания, решающее значение в процессе обучения приобретает умение научить студентов логике мышления, развивать у них способности ума, научить учиться, а эта способность очень хорошо развивается при изучении латинского языка. Перефразируя известное выражение, можно сказать: «*Linguae Latinae studere – cogitare (est)*» – «Изучать латинский язык – значит мыслить».

⁴ Соболевский, С. И. Учебник латинского языка / С. И. Соболевский. – М., 1953.

⁵ Кацман, Н. Л. Методика преподавания латинского языка / Н. Л. Кацман. – М., 2003.

Средства организации репродуктивного регистра в поэтическом тексте

Коммуникативные регистры речи отражают языковое видение мира человеком. Прикрепленность к коммуникативным ситуациям речи обусловлена позицией автора текста, его индивидуальным отношением к содержанию текста. Автор (говорящий или пишущий) определяет языковые средства выражения ситуации текста, временное и пространственное содержание, отраженное в тексте.

Лингвистика текста в последнее время определяет позицию говорящего лица или наблюдателя в пространстве. Говорящий может «видеть» события или знать о них, не наблюдая непосредственно. От пространственно-временной позиции говорящего зависит коммуникативный тип текста¹.

Изучение языковых средств, служащих для выражения и разграничения коммуникативных регистров речи, помогает выявлять, какие коммуникативные типы используются в разных речевых сферах. В языке художественной литературы преимущественно используются репродуктивный и информативный регистры.

Коммуникативный регистр реализуется в определенном фрагменте текста как модель речевой деятельности с точки зрения автора и его коммуникативных намерений посредством определенных языковых средств.

Репродуктивный регистр как фрагмент текста отражает прямое, сенсорное восприятие действительности. В этом фрагменте текста присутствует наблюдатель, который переносит читателя в свой «наблюдательный пункт» и вовлекает его в совместное видение рисуемой картины. Описание предметов и явлений, признаков и действий происходит посредством конкретной лексики, определенных грамматических форм и определенных моделей предложений. Поэтические образы природы, лирических героев, воспроизводимые наблюдателем, вызывают различные эмоции, а предметы существуют в пространственных связях и во времени. В репродуктивном регистре можно наблюдать описание свойств, качеств, отношений, а также совмещение описания и повествования, когда сообщается о действиях и состояниях².

Описание явлений действительности в репродуктивном фрагменте происходит посредством конкретных наименований предметов и явлений:

1. Мой старый клен с могучею листвою,
Еще ты густ, и зелен, и тенист.
А между тем чуть видной желтизною
Уже слегка озолочен твой лист.
(К. Случевский «Осенний мотив»)
2. Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая студеная весна
Налившиеся почки убивает.
(А. Ахматова «Майский снег»)
3. На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу.
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
(А. Ахматова)
4. На ней был креп, – прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвевял на мгновенье,
Но на лице и в ярком свете глаз
Я уловил былое оживленье.
(И. Бунин)

В данных фрагментах репродуктивного характера дается описание природы (1, 2) и человека (3, 4) посредством конкретных наименований предметов (клен, лист, дерн, руки, лицо и т. д.) и явлений действительности (пелена, весна, ветер, свет и т. д.). Описательные тексты в основном оформляют предметные имена, а также имена качества и состояния.

Сообщения о качествах, признаках, состояниях природы и человека составляют статическую часть текста. Автор показывает окружающий его мир в статике, состоянии неактивном.

Репродуктивный регистр в поэзии может быть представлен в двух подтипах – изобразительно-повествовательном и изобразительно-описательном:

¹ Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: УРСС, 2001. – С. 5–15.

² Золотова, Г. А., Ониненко, Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова [и др.]. – М., 1998.

1. Утро. В парке – песнь кукушкина,
Заперт сельтерский киоск,
рядом – памятник Пушкина,
У подножья – пьяный в лоск...
(С. Черный «Ранним утром»)

2. Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны, в виде спирали.
(М. Цветаева «Бабушке»)

3. Переулоч. Снег скрипит. Идут обнявшись.
Стреляют. А им все равно.
Целуются, и два облачка у губ дрожащих
Сливаются в одно.
(И. Эренбург «В переулке»)

4. Кавалер по кабинету
Быстро ходит горд и зол,
Не напудрен, без жилету
И забыт цветной камзол.
(М. Кузмин «Кавалер»)

В приведенных примерах дается описание явлений и предметов в статике (1, 2) и описание с динамическими значениями (3, 4).

В данных текстах важную роль играют видо-временные формы глаголов. Выбор глагольных форм зависит от типа речи, позиции автора-наблюдателя, его месторасположения по отношению к происходящему, от его перемещения во времени событий, изменения способа восприятия. При помощи глаголов автор создает временное пространство текста, текстовое время. Определенные глагольные формы создают различные типы текста³.

В текстах описательного характера видо-временные формы глаголов, создавая темпоральную организацию текста, имеют значение настоящего, имперфекта и аориста. Наиболее продуктивны в изобразительно-описательных фрагментах формы настоящего актуального:

1. На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.
(К. Фофанов)

2. Тишина золотовейная в осеннем саду,
Только слышно, как колотят белье на пруду.
Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
Да как шепчется чье-то сердце тихо с сердцем моим.
(Н. Минский)

Текстовое время соединяет читателя и автора в одномерное пространство: они становятся свидетелями ситуации. Состояния природы (1), окружающей среды происходят в реальном пространстве, мы их видим и слышим.

В изобразительно-повествовательном регистре чаще всего используются формы настоящего актуального и имперфекта:

1. С какою нежностью покоит на руках
Она свое дитя в задумчивом молчании!..
На сомкнутых губах лежит печать страданья,
И ласка тихая в опущенных глазах...
(Г. Галина «Мать»)

2. По дороге взлетая, разносится пыль;
Даль синее, и солнце печет;
Колокольчик лепечет мне старую быль,
Замолкает и снова поет.
(П. Соловьева «Колокольчик»)

3. Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
(В. Соловьев)

4. Близился сизый закат,
Воздух был нежен и хмелен,
И отуманенный сад как-то особенно зелен.
(И. Анненский «Сизый закат»)

Описательную функцию глаголов несовершенного вида имеют глагольные формы, которые сообщают о действиях (1, 3), состояниях (2, 4), занятиях субъектов (1).

Глаголы прошедшего времени совершенного вида репродуктивных отрезков текста фиксируют переход от действия к состоянию:

1. Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река – сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
Сады похабно развалились в июне.
(В. Маяковский «А все-таки»)

2. Зажглась звезда, поднялся ветерок,
Склонялся день за горы Дагестана.
(Н. Минский «На корабле»)

Видо-временные формы глаголов репродуктивного регистра служат также показателями локально-временной характеристики текста (Бондаренко, 1971):

1. Леса сосновые. Дорога палевая.
Сию я в ельнике, костер распаливая.

³ Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола / А. В. Бондарко. – М., 1971. – С. 10–15.

Сижу до вечера, дрова обтесывая...
Шуршит зеленая листва березовая...
Пчела сердитая над муравейниками,
Над мухоморами и над репейниками
Жужжит и кружится, злом обессиленная...
Деревья хвойные. Дорога глиняная.
(И. Северянин «Лесной набросок»)

2. Смерть и время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

(В. Соловьев)

В одном текстовом фрагменте (1) представлены конкретные единичные действия и состояния, в другом – отвлеченные от конкретного времени состояния, постоянные, вневременные признаки.

Синтаксические модели предложений в условиях контекста имеют регистровую обусловленность. В изобразительно-описательном типе репродуктивного регистра используются односоставные именные и безличные предложения:

1. Темно, темно! На улице пустынно...
(К. Фофанов «Под музыку осеннего дождя»)

2. Жарко. Пыльные бульвары.
Лимонад. Влюбленных пары.
Дети, тачки и песок.
Голубей глухие стоны,
Липы, солнце, перезвоны,
Одуванчика глазок.
(П. Соловьева «Городская весна»)

3. Стаи птиц, дороги лента.
Повалившийся плетень.

С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.
(К. Бальмонт «Родная картина»)

Синтаксические модели (1, 2) представляют признаки хронотопа, окружающего наблюдателя в момент речи.

Для изобразительно-повествовательного типа репродуктивного текста свойственны безглагольные модели предложений⁴:

1. По зорям – все краснее
Долинная река,
Воздушной Пиренеи,
Червонной облака.
(З. Гиппиус «Крылатое»)

2. В тумане волн и брызги серебра,
И стертые эмалевые краски...
(И. Анненский «Гармония»)

В данных безглагольных конструкциях фиксированное значение настоящего времени объективной реальной модальности проецируется наблюдателем как происходящее на его глазах.

Изучение языковых средств, которые помогают разграничить коммуникативные регистры, позволяет выявлять особенности регистровой политики текста. Сочетание описательной и информативной разновидностей репродуктивного регистра – отличительная черта поэтических текстов. Средства организации репродуктивного текста являются и средствами его выразительности.

Формы речи зависят от того, каким способом выражается мысль и каковы коммуникативные намерения автора.

⁴ Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка / А. П. Сковородников. – Томск, 1981.

Категория смысла в когнитивном обучении

Когнитивный подход в обучении русскому языку и методике его преподавания предполагает развитие интеллектуальных способностей в процессе освоения языка, так как просто знания языка недостаточно для его правильного использования. Необходимо сформировать у учащегося такие интеллектуальные способности, которые будут способствовать активным познавательным действиям в процессе отбора языкового материала для формирования, выражения и сообщения мысли на уровне осмысления высказывания в конкретной ситуации. В каждой ситуации порождения высказывания при таком подходе формируется дискурс, речь, наполненная смыслом, относящим высказывание к реальным фактам действительности. И в любой части дискурса план выражения и план содержания имеют конкретное смысловое наполнение, связанное и с предыдущими, и с последующими сегментами дискурса. В дискурсе все предложения связаны живыми смысловыми отношениями. Задача преподавателя, владеющего методикой когнитивного обучения, – научить учащегося из всего репертуара языковых средств сознательно, в соответствии с конкретным коммуникативным намерением (речевой ситуацией) формировать высказывание, дискурсивно обусловленное (то есть имеющее реальное смысловое содержание, соответствующее ситуации). Когда высказывание наполнено смыслом, возможностей плана выражения больше, и зависит это во многом от того, как организует наша мысль смысловые отношения между частями высказывания.

Такой подход к обучению русскому языку связан с основными положениями когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика созвучна тем направлениям в лингвистике, которые основаны на «грамматике смыслов»: лингвистическая семантика, функциональная и коммуникативная грамматики. Функционалисты сосредотачивают свое внимание на взаимодействующих коммуникативных факторах, которые влияют на структуру языка, а когнитивисты – на факторах мыслительной деятельности. Когнитивная грамматика предполагает, что язык не

может быть описан без ссылки на когнитивные процессы, то есть не может не учитывать основных положений когнитивной психологии.

Цель когнитивной лингвистики – понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией.

Объектом когнитивной лингвистики является язык в действии. Когнитивисты считают речь первичным фактором. «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)»¹. «<...> Речь дается нам как непосредственно наблюдаемый и, следовательно, первичный факт, а язык мы выделяем из речи посредством абстрагирования, почему и оказывается допустимым и даже необходимым характеризовать его как вторичное явление»².

Но верховным принципом для речи является не язык с его «нормами», а смысл, который, в свою очередь, есть представитель интересов главного руководителя всей этой деятельности – мысли. Собственно, параметрами мысли или смысла измеряются категории и единицы речи. Одним из такого рода параметров – и притом наиболее существенных – является законченность смысла. А она самым тесным образом привязана к конкретной ситуации, о которой идет речь. Вот эти два момента – законченность смысла и привязанность к ситуации – и являются определяющими для предложения. Все же остальное в нем – от языка, то есть от некоторой упорядочивающей абстрактной системы, которая может строиться неоднозначным образом и в одном случае давать систему членов предложений, в другом – систему частей речи, в третьем – систему формальных классов слов и т. д. Все они пригодны, и все они более или менее пересекаются друг с другом.

«...Смысл псевдопредложений фактически искусственно синтезируется, а смысл предложений порождается естественным образом – мыслью. По-другому можно сказать, что смысл псевдопредложений есть порождение языка, а смысл

¹ Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. В кн.: Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – Ч. 1. – М., 1964. – С. 90–91.

² Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М., 2007. – С. 175.

предложений – речи»³. С понятием «смысл предложения» самым непосредственным образом связано понятие «пресуппозиция» – совокупность условий, которые необходимо выполнить, чтобы: а) сделать уместным употребление данной структуры высказывания; б) данное коммуникативное намерение было эффективно воплощено в конкретном высказывании; в) высказывание было правильно понято в своем прямом смысле⁴. Все эти условия определяют в предложении категорию смысла, соотнесенность высказывания с реальным фактом действительности. Это положение когнитивной лингвистики является ведущим в процессе порождения речи.

Когнитивная лингвистика – это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации.

Следовательно, центральной проблемой когнитивной лингвистики является построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями. Именно когнитивная методика позволяет объяснить некоторые мыслительные процессы через наблюдения над усвоением языка детьми: складывается впечатление, что дети каким-то единообразным способом приходят к овладению своим родным языком и что этот универсальный «алгоритм» овладения языком состоит во введении новых правил во внутреннюю грамматику ребенка. Обобщая наблюдения, исследователи пришли к выводу о том, что эти правила очень похожи на все, что управляет и неречевыми видами деятельности и выглядит иногда как произвольное, неконтролируемое поведение, отражаясь на структуре восприятия, памяти и даже на эмоциях. Основанная на подобных соображениях когнитивная методика близка по духу деятельности лингвиста, интерпретирующего текст и анализирующего причины правильности и осмысленности предложений.

Когда мы говорим, что некоторое предложение обладает определенным смыслом, то имеем в виду, что его содержание соотнесено с фактом реальной действительности. Но мы ничего не говорим относительно того, как говорящий или слушающий должен практически поступить, чтобы построить такое высказывание. Эти вопросы

(порождение смысла в высказывании) подлежат разрешению в когнитивной теории. Без их рассмотрения не обойтись современной методике преподавания русского языка. Учитель, преподающий русский язык, должен четко представлять – *чему он будет учить*: только ли знанию языка? Важнее научить пониманию целесообразного применения языка в речи. Несомненно, одно без другого не существует (знание и понимание). Но часто бывает, что знание правил языка не влечет за собой умения владеть языком. Например, выполняя задания тестов (ЕГЭ), ученик справляется с заданиями А и В, но не может связать двух слов по заданию С (хотя бы передать содержание текста без рассуждения об основной мысли).

Главная задача обучения русскому языку, построенного на положениях когнитивной лингвистики, научить школьника формулировать и выражать мысли на уровне понимания смысла. «Мысль – не языковая категория, но в деятельности общения она передается посредством языковых единиц. Вот эти языковые единицы, из которых “строится” мысль, имеют для всего языка в целом свою ценность постольку, поскольку они являются носителями некоторого языкового значения (смысла). Вот почему значение (смысл) является центральным понятием для языка, и языковым можно признать лишь то, что тем или иным образом связано со значением»⁵.

«В лингвистической действительности <...> каждое проявление языковой компетенции при порождении предложения есть употребление. И, в частности, порождение смыслового содержания предложения, так же, как и его понимание, осуществляется не по рецептам собственно языкового знания, а с учетом всех тех многообразных условий, в которых выступает употребление и которые объединяются в совокупности коммуникативной компетенции»⁶.

Методика обучения русскому языку с позиций когнитивного подхода обеспечивает когнитивный уровень понимания языка. Когнитивное обучение в методике преподавания русского языка способствует пониманию смысла, порождаемого речью. Не всякое высказывание, построенное по законам данного языка, будет обладать смыслом, то есть соотнесением с фактом действительности. (Ср. *Мы пошли в лес собирать ягоды, а Миша – на реку кататься на коньках.*)

³ Понятие «смысл предложения» трактуется по-разному. «Смыслом мы будем называть такое информационное образование, которое направлено на определенный предмет действительности» [Жинкин, Н. И. Интеллект, язык и речь. В кн.: *Нарушения речи у дошкольников*. – М., 1972. – С. 13 и 20]. «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл. Если такого согласования нет, то у предложения (точнее, псевдопредложения), хотя оно организуется по всем правилам языка, наличествует только псевдосмысл» [Звегинцев, В. А. Указ. соч. – С. 193].

⁴ Мартынов, В. В. Категории языка: Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – С. 112.

⁵ Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М., 1956. – С. 340.

⁶ Звегинцев, В. А. Указ. соч. – С. 38.

Лингвисты стремятся установить некоторую совокупность регулярностей (правил), которые были бы способны объяснить образование всех высказываний. Но не всякое высказывание, даже построенное по законам, по правилам данного языка, может считаться сообщением. Когнитивная лингвистика, являющаяся теоретической базой для когнитивного подхода в обучении языку, связывает порождающий процесс (формирование, выражение мысли) в сознании и речи говорящего с его ментальностью, с когнитивными процессами мышления (понимание, осознание и т. п.).

Единицами когнитивного уровня являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, систематизированную языковую картину мира. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека. Иными словами, это уровень знаний о мире носителя языка, уровень наивной языковой картины мира в его сознании, закрепленный в языковых структурах (идиомах, пословицах, поговорках, крылатых словах и т. п.), которые помимо языковой семантики несут более широкую информацию об устройстве мира.

Следует подчеркнуть, что изучение лингвистических дисциплин, составляющих основу лингвокогнитивного уровня, предполагает не обучение пониманию содержания, а обучение *когнитивному пониманию*, выводящему студента на формирование смыслов, зависящих от множества экстралингвистических факторов (базы знаний, ценностных ориентаций, картины мира и т. п.). Такая постановка вопроса предполагает рассмотрение соотношения понятий «понимание», «смысл», «значение» (в рамках лингвистического образования).

Когнитивный подход в лингвистическом образовании выводит языковую личность на понимание смысла изучаемой языковой единицы. Поскольку в нашей работе основное внимание уделяется обучению когнитивному пониманию, то взаимосвязь «понимания» и «смысла» пред-

полагает, что понимание определяется как процесс формирования знаний о смысле.

- С помощью каких языковых средств выражены смысловые различия в данных предложениях? (Мне не работается сегодня. – Я не хочу работать сегодня.)

- Выбор сказуемого определяется тем, какой отрезок действительности отражает предложение. Как изменяется смысл предложения при преобразовании сказуемого? (Он образованный человек. – Он кажется [считается, представляется] образованным человеком.

В данном случае мы имеем дело с концептуальным положением когнитивной грамматики как «грамматики смыслов».

Когнитивный подход в обучении русскому языку – это один из способов объяснения языковых явлений в аспекте развития речемыслительных способностей учащегося, его интеллектуальное развитие, основанное на лингвокогнитивном уровне развития его языковой личности.

Лингвокогнитивный уровень предполагает переход на уровень когнитивной структуры знания, то есть охватывает интеллектуальную сферу личности. На этом уровне формируются способности, ведущие через язык, через процессы говорения и понимания к знанию, осознанию, процессам познания в той области, в которой мы формируем профессиональные качества студента. Когнитивная лингвистика возвращается к важнейшей проблеме философии языка – взаимоотношению языка и мышления и решает эту проблему на очередном витке развития научной мысли, используя новейшие достижения современных лингвистических направлений и таких наук, как психолингвистика, логика, философия познания, теория коммуникации.

Процессы, связанные с движением к знанию через категорию смысла в работе с информацией, называются когнитивными или когнициями. «Когниция» – важнейшее понятие когнитивной науки. Оно сочетает в себе значения двух латинских слов: «cognito» – познание и «cogitato» – познавание, а также мышление и размышление. «Познание есть познавание», «мышление есть размышление» – эти постулаты как раз и определяют суть когнитивного обучения через категорию смыслов.

Жаргонная и арготическая лексика, ее стилистическое использование в произведениях Ю. М. Полякова

Осложнение экономической ситуации в последние десятилетия XX века в России отразилось на отношении к русскому литературному языку. С этого времени стало почти открытым пренебрежение нормами литературного языка, особенно в области лексики. Это коснулось средств массовой информации, отразилось в общении молодого поколения, нашло место в художественной литературе конца XX – начала XXI века. Началось массовое вхождение жаргонизмов и арготизмов в художественные произведения различных жанров. Произведения Ю. М. Полякова могут служить наглядным тому примером.

Кандидат филологических наук, главный редактор «Литературной газеты» Ю. М. Поляков является автором многих популярных произведений: «ЧП районного масштаба» (1985), «Сто дней до приказа» (1987), «Работа над ошибками» (1988), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1991), «Демгородок» (1993), «Козленок в молоке» (1995), «Небо падших» (1997), «Замыслил я побег» (1999) и др. Автор многих статей в прессе. По его сценариям поставлены фильмы.

В повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» Юрий Поляков, по его словам, «попытался взглянуть на нашу “совковую” жизнь объективно, но с юмором, и по возможности добрым».

Константин Григорьевич Гуманков – программист в вычислительном центре «Алгоритм». У него есть нелюбимая жена, любимая дочка и друг детства – Леонид Васильевич Пековский, с которым вместе учились в школе, в институте и даже после института вместе работали в «Алгоритме». Пековский еще в институте на последнем курсе женился на дочке крупного партийного босса. После чего вне очереди получил трехкомнатную квартиру, служебную дачу, присваивал туристические путевки. Наконец возмущенный коллектив проголосовал за то, чтобы отдать путевку во Францию Косте. Константин полюбил Аллу Муравину, побывавшую вместе с ним в Париже, но в «известных традициях» тургеневских романов проявил слабохарактерность, не смог удержать любимую, которая осталась с Пековским.

В романе «Козленок в молоке» рассказывает о жизни страны в период горбачевской перестройки, о литературном сообществе, о судьбах талантливой молодежи и о тех, кто эти судьбы контролировал. Наряду с вымышленными персонажами автор повествует о людях, реально

живших как в литературных, так и в политических кругах. По мнению автора, сейчас «ничего писать не надо, текст не имеет никакого значения... можно вообще не написать ни строчки и быть знаменитым писателем! Тебя будут изучать, обсуждать, цитировать...». Автор претворяет эту мысль в действие. Он готов взять первого встречного человека, не имеющего о литературе никакого представления, и за месяц-два превратить его в знаменитого писателя, в реальность. И читатель знакомится с будущим всемирно известным лжеписателем Виктором Акашиным.

Одно из знакомств привело В. Акашина на телевидение. Плохо ориентируясь в происходящем (глава 19 «Катастрофа в ночном эфире»), молодой «гений» «вывалил в прямой эфир: – говно!», так он ответил на вопрос о методе социалистического реализма и своем к нему отношении, таким образом неосознанно бросив вызов всем писателям, использующим данный метод, и «дав погремущку гласности» народу.

В последующих главах описывается реакция общественности на происшедшую «катастрофу», сначала отрицательная, а затем представление В. Акашина «как зеркала русской революции».

На протяжении всего романа рассказчик повествует о своей любви к дочери своего знакомого – Анке. Счастье главного героя не зависит от политических и общественных перемен, от успешного финансового положения или социального статуса, его счастье состоит в благополучном союзе с любимым человеком и возможности заниматься своим любимым делом.

Эти два произведения объединяет интерес писателя к судьбе российской интеллигенции: технической – в романе «Парижская любовь Кости Гуманкова» и творческой – в повести «Козленок в молоке». Он отвечает на вопрос, почему эта интеллигенция, «совесть народа» – как о ней говорили, сыграла такую неприглядную роль в новейшей истории России.

Повесть «Небо падших» написана в 1997–1998 годах. В ее основу легли материалы, предоставленные автору президентом концерна «Авиатика» И. Пьянковым.

Ю. Поляков высказался о ней так: «Моя повесть о любви. Страстной, трагической, изломанной... Эти люди замысливали свою жизнь иначе – хотели быть учеными, военными, изобретателями, художниками. Радикальные реформы направили их пассионарную энергию по

другому руслу. Им сказали: “Обогащайтесь!” – и они обогатились. Но у многих в душе остались боль и горечь от того, что в сегодняшней России предприимчивый человек может добиться благополучия, лишь обворовывая своих соотечественников и разрушая собственную страну... В этих людях при всем внешнем блеске что-то непоправимо сломалось. И даже великий дар любви...» («Подмосковные известия», 1998, 25 декабря).

В повести Ю. Полякова «Сто дней до приказа» описывается служба рядового Куприяшина и связанная с ней проблема неуставных отношений. Главный герой рассказывает о ней сам. Хотя из службы Куприяшина взято всего несколько дней, его образ получился полным и реальным. Действие повести основано на конфликте между «стариками» и молодыми солдатами. Вот как отвечает замполит Осокин, прошедший службу в Афганистане, на замечание, что «дедовщина» – это просто прекрасная традиция: «Нет, это не забавная традиция, не веселая игра... Это ржавчина, разъедающая армию изнутри... Без армии нет России, а без дисциплины нет Армии! И ничего так не разъедает дисциплину, как неуставные отношения!».

В этих произведениях подняты проблемы нравственные, социальные, гражданские. Публицистика обращала внимание на острые углы современности, но именно художественные произведения оказались способными представить проблемы во всей глубине и полноте. Эстетические средства часто оказывают более сильное воздействие, чем рациональное суждение, вызывая потрясение, сопереживание, отклик, непосредственный и живой.

В данной статье анализируются жаргонная и арготическая лексика, ее стилистическое использование в произведениях «Парижская любовь Кости Гуманкова», «Сто дней до приказа», «Козленок в молоке», «Небо падших». С помощью этих языковых элементов автор разворачивает картину реальной российской действительности.

А. Т. Липатов в статье «Русский сленг в его соотносительности с семантико-понятийной дихотомией “арго-жаргон”» отмечает, что в лексикографической практике по-прежнему сохраняется понятийная неопределенность, в условиях которой лексикографы склонны отказываться от термина «сленг», предпочитая вместо него «арго», «жаргон», «просторечие», «разговорная речь».

Он же отмечает: «В отличие от жаргона, а тем более арго, русский сленг представляет собой комплекс – вокабуляр экспрессивов, лишенных

обнаженно прямой, а порой и неприкрытой пейоративности; ему чужда ориентация на грубость и цинизм, чего не избегают ни арго, ни жаргон»¹. Не отказывает в выразительности автор этого высказывания и жаргону.

Мы считаем, что жаргонная лексика – это социально ограниченная группа слов, находящаяся за пределами литературного языка, принадлежащая какому-либо жаргону, а жаргон – разновидность разговорной речи, используемая определенным кругом носителей языка, объединенных общностью интересов, занятий, положением в обществе. Исследователь И. Р. Гальперин не допускает существование сленга в качестве отдельной самостоятельной категории, предлагая термин «сленг» использовать в качестве синонима, английского эквивалента «жаргона»².

Мы будем придерживаться мнения о тождестве двух понятий – «сленг» и «жаргон».

Жаргонная разновидность языка преступного мира определяется термином «арго». Арг – засекреченный, искусственный язык уголовников (блатная музыка), известный лишь посвященным и бытующий также лишь в устной форме, а слова, входящие в его состав, – арготизмы.

В наше время многие лингвисты отмечают проникновение арготизмов в жаргоны солдат «в связи с увеличением количества военнослужащих с уголовным прошлым»³. За счет этого граница между жаргоном и арго оказывается все более размытой.

В произведениях Ю. М. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова», «Сто дней до приказа», «Козленок в молоке», «Небо падших» представлено 447 языковых единиц исследования. Более 60 языковых единиц, относящихся к жаргонной и арготической лексике, появились в результате аффиксации, то есть созданы по существующим словообразовательным моделям русского языка.

Из них наибольшую часть представляют имена существительные, образованные путем суффиксации. Для создания модификационных существительных, то есть слов, отличающихся от базовых экспрессивной окраской, широко используются специфические суффиксы. Например:

1. Суффиксы **-аг**, **-юг** и **-ар** придают грубую насмешливость.

[Зубов Цыплакову] *Я тебя, сыняра, спросил, что было после письма?* (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 86).

Военнослужащий, отслуживший более шести месяцев (сын – сыняра).

2. Суффикс **-от (а)** используется для произ-

¹Липатов, А. Т. Русский сленг в соотносительности с дихотомией «арго-жаргон» / А. Т. Липатов // Слово в словаре и дискурсе. – М., 2006. – С. 311.

²Гальперин, И. Р. О термине «сленг» / И. Р. Гальперин // Русская речь. – 1999. – № 6. – С. 44–49.

³Грачев, М. А. Как появляются арготизмы в нашей речи / М. А. Грачев // Русская речь. – 1996. – № 4. – С. 67–72.

водства существительных со значением собирательности.

[Шарманов] *Обычно такие гаденыши устраивают своим блестящим папашам общенациональные скандалы с наркотой* или какой-нибудь выбросившейся из окна малолетней проституткой (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 36).

Наркотики (наркотик – наркота).

3. Суффиксы **-ух**, **-ач** образуют слова с экспрессией грубости, пренебрежительности.

[Гуманков] *Хоть убей – не могу вот так, с ходу определить, кто из собравшихся в комнате стукач, а кто собирается соскочить* (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 250).

Доносчик, осведомитель (презрит.).

4. Суффикс **-аж** образует существительные от глагольных основ, наименования действий и состояний, придает слову экспрессию грубости, пренебрежительности.

[Шарманов о Кате] *Конечно, она – гений охмуряжа и может замурлыкать кого угодно* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 53).

Обольщение, завлечение (охмурить – охмуряж).

5. Суффикс **-ни(е)** обозначает действие или результат действия.

[Гуманков] *Страна в то время переживала эпоху всеобщего «асучивания», и казалось, наконец-то найдено совершенное и безотказное средство против нашего неодолимого бардака: мол, ЭВМ не обманешь!* (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 227).

Асучивание – от АСУ – автоматическая система управления (асучивание – осучивание – игра слов).

6. Суффикс **-щик** (иногда вместе с приставкой) используется для создания арготизмов, которые создают сложный подтекст.

[Гуманков] *Засыная, я думал о том, что, не дай Бог, Спецкор соскочит к своей Мадлен, и тогда глубинщики меня затаскают...* (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 286).

Глубинщик – от КГБ: 1) контора глубокого бурения; 2) Комитет государственной безопасности (игра слов).

[Писатель] *Разговором с Иваном Ивановичем я остался доволен: он и его заединишки если и не помогут Витьку, то мешать, по крайней мере, не будут* (Поляков Ю. М. Козленок в молоке. С. 122).

Люди, осуществляющие совместную антиобщественную деятельность.

Несколько жаргонизмов образованы сложением корней, целых слов или сформированы по аналогии с другими словами. Например:

[Гуманков] *Всем видом он так напоминал творческого работника, что я сразу догадался: из торговли. Я записал в блокноте: «4. Торго-*

навт» (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 248).

По аналогии с космонавтом – космический путешественник; торгонавт – путешествующий торговец.

[Кипяткова] *Кипяткова вдруг с тревогой спросила:*

– А ваш молодой друг, случайно, не женоненавистник?

– Нет, он – женоненасытник...

– Ах, шалун! – она засмеялась...

(Поляков Ю. М. Козленок в молоке. С. 150).

Женоненасытник – любитель женщин.

[Шарманов] *Папаша мой, поисковик-женильщик, как «оборонку» прикрыли, без работы остался, а кушать-то хочется* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 57).

О мужчине, который часто женится.

В словообразовании жаргонизмов активны приставки, продуктивные и в литературном языке. Например:

Приставка **-за**:

[Гуманков] *Для них это – просто звучный символ, таинственное место вроде Беловодья или Шамбалы, где посетители никогда не допивают до дна, давая возможность липовым бомжам поправиться и захорошеть* (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 233).

Похмелиться (хорошеть – захорошеть).

Приставка **-раз**:

[Шарманов] *Народ уже разныкал – и был готов пить даже грузинский чай, лишь бы не турецкий* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 21).

Обнаружить, понять, узнать (ныкать – разныкать).

Второе место после аффиксации (более 50 единиц) занимает лексико-семантический способ, то есть переосмысление значения общенародного слова. Например:

[Шарманов] *Заказали, пришили, забили стрелку* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 8).

1. Прикрепить шитьем.

2. Арг.: то же, что убить.

[Писатель] – *Так получилось.*

– Плохо получилось. Могут антисоветскую пропаганду пришить. С использованием средств информации. А тебя за подстрекательство пристегнут! (Поляков Ю. М. Козленок в молоке. С. 216).

1. Прикрепить шитьем.

2. Ложно приписать что-либо, обвинить в чем-либо.

[Шарманов] *Брат не брат, а глазки – папины. Поступил: «пятерка» – штука, «четверка» – пятьсот баксов* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 35).

1. Отдельный предмет из числа однородных, считаемых.

2. Жарг.: тысяча долларов.

[Гуманков] ...Я поначалу **не въехал**, что в данном конкретном случае сказанное относится непосредственно ко мне (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 308).

1. Едучи, попасть куда-либо.

2. Жарг.: начать понимать, вникнуть.

[Шарманов] И в бизнесе то же самое – у меня уж столько друзей **грохнули** (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 60).

1. Бросить, уронить с шумом.

2. Арг.: убить.

Представленные в художественных произведениях Ю. Полякова жаргонизмы и арготизмы называют конкретные действия, абстрактные понятия, связанные с бизнесом, деньгами, выгодой, наименования людей с различиями по полу, роду деятельности, национальной принадлежности, сроку службы, наименования предметов одежды, различных вещей, оценочных прилагательных, добавочных действий и др. Например:

[Шарманов] Так вот, весть о том, что Шарманов **гребет бабки** совковой **лопатой**, овладела массовой (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 56).

Иметь большой доход, получать много денег.

[Писатель об Арнольде] Он уже несколько раз пробовал перебраться в столицу, даже фактивно женился, а потом выяснилось, что она и сама **лимитчица**, прописанная в городе Орле (Поляков Ю. М. Козленок в молоке. С. 26).

Человек, получивший разрешение на работу и прописку по лимиту.

[Шарманов о Гоше с Тенгизиком] Нет, они же обыкновенные **бомбилы!** (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 52).

Рэкетир.

[Гуманков] ... одет он был всегда изрядно, даже под брюками в морозы носил не темно-синие **треники** (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 235).

Тренировочные брюки.

[Шарманов] Ну, давай показывай, где тут твой **траходром?** (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 11).

Кровать.

[Букин] Я не имею в виду «трёшку», купленную вами в обход всех списков (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 238).

Трехкомнатная квартира.

[Куприяшин Елину] Скоро мы уволимся, полгода «**скворцом**» побудешь, а там уже и дембельский альбом готовить надо (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 61).

Военнослужащий, отслуживший более шести месяцев.

[Гуманков] К тому же гражданка Муравина – мать-одиночка, а Пековский смолodu специализируется на **брошенках**: никаких ревнивых недоразумений и слезы благодарности по утрам (Поляков Ю. М. Парижская любовь Кости Гуманкова. С. 249).

Разведенная с мужем женщина.

[Куприяшин] В прошлом году один «старик» получил от своей **телки** письмо, прочитал, разорвал и выбросил в «очко» (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 67).

Молодая девушка.

Жаргонная и арготическая лексика в исследуемых произведениях выступает в качестве приметы «современного стиля», речевого обычая, средства создания колорита социальной среды, о которой рассказывает автор – Ю. М. Поляков. Например:

[Куприяшин] Я уже чувствую острый, волнующий запах «**гражданки**», и просыпаться, наоборот, в последнее время стал так рано, чтобы со вкусом помечтать о ней (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 35).

Жизнь невоенных, гражданских людей.

[Уваров Осокину] Я считаю так: если «неуставняк» существует, значит, это нужно армии как живому организму (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 72).

Неуставные отношения.

Анализ жаргонной и арготической лексики, используемых в повестях Полякова, показал, что в повести «Сто дней до приказа» представлена в основном специфическая лексика солдатского жаргона, но почти нет арготизмов, которые нашли свое место во второй повести «Небо падших» на страницах, описывающих отношения в криминальной среде. Например:

1. Солдатский жаргон:

[Уваров Осокину] Товарищ майор, я же вам доложил, ничего не случилось, просто **молодые** устроили возню (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 72).

Военнослужащие, отслужившие более шести месяцев.

[Уваров Осокину] А «**старики**» полезли разнимать? (Поляков Ю. М. Сто дней до приказа. С. 72).

Военнослужащие, отслужившие более полутора лет.

2. Арготизмы:

[Шарманов] И в бизнесе то же самое – у меня уж столько друзей **грохнули** (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 60).

Убить.

[Шарманов] Заказали, **пришили**, забили стрелку (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 8).

Убить.

[Молчаливый бухгалтер Шарманову] **Счетчик включен**. Деньги через неделю в это же время (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 85).

Определен срок окончания выплаты долга, назначено наказание за просрочку.

Юрий Поляков чаще всего использует жаргонную и арготическую лексику для характеристики индивидуальной речи героев.

Молодой бизнесмен – Павел Шарманов

(главный герой повести Ю. М. Полякова «Небо падших») постоянно употребляет слова и выражения из жаргона торговцев и общеуголовного арго. Это речь человека, разуверившегося в возможности добиться благополучия в России, где приходится за все давать взятки и опасаться за свою жизнь и жизнь близких людей. Например:

[Шарманов] *Из-за Большого **Наезда**: не до дипломов было – еле жив остался* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 9).

Категорическое требование сделать, выполнить что-либо, шантаж.

[Шарманов] *Какая, в сущности, разница – **грабанул** ты банк или не вернул дяде Ване кредит?* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 52).

Ограбить.

[Шарманов] *Завтра начинается «**показуха**»* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 33).

Видимость благополучия, успешной деятельности: действия, рассчитанные на внешний эффект, на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на кого-либо.

Несмотря на употребление в речи этой лексики, Шарманов своей целеустремленностью (любовь к авиации: хотел стать летчиком, но не прошел медкомиссию; поступил в авиационно-технологический институт – не окончил из-за конфликта с преподавателем; открыл «Аэрофонд» – первая частная авиакомпания) вызывает у читателей определенную симпатию.

Главный герой повести Ю. М. Полякова «Сто дней до приказа» – рядовой Куприяшин употребляет слова и выражения из солдатского жаргона. Это речь человека, разуверившегося в возможности найти справедливость в армейских порядках. Например:

[Куприяшин] *Слава богу, командир взвода не видел нашей схватки, а то бы сидеть нам на «**губе**»...* (Ю. М. Поляков. Сто дней до приказа. С. 84).

Гауптвахта.

[Куприяшин] *Мне припомнилось, как год назад «старики» под председательством Мазаева судили одного «**лимона**» за то, что тот воровал из тумбочек жратву, а свалил вину на якобы всегда голодных «сынков»* (Ю. М. Поляков. Сто дней до приказа. С. 91).

Военнослужащий, отслуживший более одного года, но не менее полутора лет.

В воинской части, где служит Куприяшин, есть два рядовых (Зубов и Мазаев), которые отличаются особой жестокостью по отношению к молодым солдатам. Их речь изобилует жаргонизмами и арготизмами. Например:

[Мазаев] *Осокин может **лепить** все, что*

угодно – ему за это деньги платят и пенсию к сорока пяти годам дают (Ю. М. Поляков. Сто дней до приказа. С. 46).

Говорить.

[Мазаев] *В армии свои законы: год тебя **дрючат**, год ты **дрючишь**!* (Ю. М. Поляков. Сто дней до приказа. С. 46).

Бить, колотить.

В повести «Небо падших» тоже есть грубые, отрицательные персонажи из криминальной среды. Поэтому их речь изобилует арготической лексикой. Например:

[Молчаливый бухгалтер Шарманову] *Тебя **сдали*** (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 85).

Предать, выдать.

[Гоша] *Ладно, телка, **попасись** пока* (Ю. М. Поляков. Небо падших. С. 99).

Отдохни.

Вспоминая годы учебы, герои повестей используют слова из студенческого и школьного жаргона. Например:

[Писатель] *Когда мы в университетской **общаге** под гитару вполголоса пели эти баллады, то чувствовали себя страшными вольнодумцами, кого автор имеет в виду под «Зеленоглазой егозой принцессой»...* (Поляков Ю. М. Козленок в молоке. С. 86).

Общежитие.

[Шарманов] *Сначала я пытался учиться честно: каждому экзаменатору вручал конверт с баксами, а они мне **зачетку** с «пятеркой»* (Поляков Ю. М. Небо падших. С. 9).

Зачетная книжка.

Материалы нашего исследования показали, что жаргонная и арготическая лексика, наблюдаемая в произведениях Ю. М. Полякова «Сто дней до приказа», «Парижская любовь Кости Гуманкова», «Козленок в молоке», «Небо падших», отличается яркостью и оригинальностью использования, передает внутреннее смятение и волнение людей, попавших в трудные жизненные ситуации, характеризует страшные неуставные отношения в армии, индивидуализирует речь героев и помогает глубже раскрыть идею произведения. С помощью этих пластов лексики он вызывает антипатию к отдельным персонажам или заставляет сопереживать положительным героям.

В своих произведениях Ю. М. Поляков выступил против дедовщины, бюрократизма, засилья криминала. Отвечая на некорректную критику языка своих произведений, автор писал, что нет правды мобилизующей, равно как нет правды очерняющей. Есть просто правда. Эта правда открывается иногда с помощью прямого, грубого смысла табуированного слова.

РАЗДЕЛ IV

Актуальные проблемы журналистики

Любовь как способ преодоления одиночества в прозаических произведениях журнала «Числа»

Журнал (а точнее, «сборник» – именно так он именовался в выходных данных) русской эмиграции «Числа» выходил в Париже с февраля 1930 года по июнь 1934-го, когда увидел свет последний, десятый, номер. Первые четыре номера редактировались совместно известной теософкой И. де Манциарли и Н. Оцупом, остальные – только Н. Оцупом.

К особенностям сборников можно отнести, во-первых, сам их внешний вид: они имели солидный объем (до 300 страниц), печатались на качественной бумаге, с большим количеством иллюстраций и репродукций, в том числе и цветных. Внимание в «Числах» уделялось прежде всего литературе и искусству, как эмигрантским, так и зарубежным, и советским.

«Числа», с их декларируемой «аполитичностью», проблемными публикациями, их вниманием к авангарду, культурной жизни СССР, считающегося тогда в эмигрантской среде «несуществующим государством», привлекали к себе интерес эмигрантского читателя и вызывали много споров. В истории литературы «Числа» остались как журнал, вокруг которого в основном сложилась так называемая «парижская нота» – не оформленная организационно поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявляемые поэзии Г. Адамовичем. Именно в «Числах» сотрудничали главные идеологи «парижской ноты» (по свидетельству В. С. Варшавского) – Г. Иванов, Г. Адамович и сам Н. Оцуп.

Однако основными сотрудниками журнала стали «молодые» (то есть начавшие свою литературную деятельность уже в эмиграции в отличие от писателей «старшего поколения») прозаики и поэты русского зарубежья. Нужно сказать, что в отличие от разделов критики и поэзии, в которых писатели «старшего» и «среднего» поколений принимали активное участие, самый обширный в «Числах» раздел прозы практически полностью состоял из произведений младемигрантов.

Одной из основных тем прозы «Чисел» можно назвать тему любви – любви как телесной, так и духовной. Цель данной статьи – дать понятие о

реализации темы любви в прозе журнала «Числа» как способа преодоления метафизического одиночества.

В своей статье «Вокруг “Чисел”», опубликованной в десятом номере сборников, Б. Поплавский говорил о том, что для русского эмигранта, силой судьбы оторванного от Родины, лишенного какой бы то ни было возможности работать для ее блага, Россия воплощается в русской женщине – и вся его любовь к России переносится на «воплощенную родину»¹, «магический кристалл родины и жизни»². При этом «значение любимого существа сразу удесятерится и отношения перенесутся в религиозный план»³. В качестве примера литературных произведений, в которых видно такое отношение к женщине, Б. Поплавский называет прежде всего прозу С. Шаршуна и Ю. Фельзена.

Действительно, говоря о метафизическом значении любви в произведениях «младшего» литературного поколения, Б. Поплавский выделяет одну из основополагающих черт младемигрантской прозы. Выше нами уже было сказано о том, что любовь в произведениях «числовцев» выступает как способ преодоления одиночества – одиночества тоже не столько реального, сколько метафизического. Только любовь способна разрушить ту самую незримую стену, которая стоит между героем и другими. Через любовь к человеку герой способен слиться со всем миром, ощутить некое мистическое единство с ним, почувствовать ту *истинность*, ту полноту бытия, к достижению которой он стремится и нехватку которой мучительно ощущает. Именно поэтому тема любви в творчестве «числовцев» оказывается неразрывно слита со стремлением к истине.

Вот как, например, описывается момент переживания любовного чувства у С. Шаршуна: «Преграда, изолировавшая его [Долголикова. – Н. З.] от всего, что не он – растаяла. Он приблизился, дошел, до постороннего существа: коснулся женского тела...»⁴. Миг соединения героя с любимым человеком оказывается в то же самое время мигом его растворения в мире.

Сходным образом воспринимает любовь и ге-

¹ Поплавский, Б. Вокруг «Чисел» / Б. Поплавский // Числа. – 1934. – № 10. – С. 206.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Шаршун, С. Долголиков / С. Шаршун // Числа. – № 1. – 1930. – С. 125.

рой «оптимистического рассказа» В. Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека» (№ 2–3). Все «бесстыдство» героя, по сути дела, заключается лишь в том, что он полностью разочаровался в жизни, а точнее, в своей возможности познать ее истинную суть, увидеть реальность, а не «раскрашенную, призрачную и тонкую перегородку, за которой пустота, ничего нет»⁵. И вот герой внезапно обретает возможность этого познания – даже не в любви, а только в воспоминании о любви. Одна только мысль – «...меня любила живая женщина», меняет его отношение к окружающему. Для него, точно так же, как и для героя С. Шаршуна, наступает время соединения с миром и время осознания его смысла:

«Я <...> видел, что огромное пространство, отделявшее меня от других людей и жизни, исчезло и совсем близко было такое хорошее и любимое лицо Марии. <...> Мне показалось, что мое сознание, которое обыкновенно мучительно не могло представить даже двух глав прочитанного учебника, даже двух шахматных ходов, вдруг стало ясным и вместило виденье не только всей моей жизни, встреч с Марией и всего того, что я когда-либо знал, но и всего мира по всей его бесконечности во времени и пространстве. Произнося эти слова: “меня любила живая женщина”, я все вспомнил и понял, и, задыхаясь в воскресшем запахе прошлого, слился со всем окружающим меня миром, который из страшного, футуристического натюрморта, из какой-то не имеющей ко мне отношения мертвой механической системы призрачных геометрических фигур и тел, превратился в сверкающее течение жизни»⁶.

Несмотря на то, что этот миг обретения истинного видения мира длится лишь мгновение, мы можем предположить, что он стал переломным для мировосприятия героя.

Несколько иначе воспринимает любовь и Вильгельм Гуськов, герой повести того же автора «Уединение и праздность» (№ 6). Название повести, по сути дела, представляет собой характеристику не только самого героя, но и всего его поколения – уединение, но не добровольное отшельничество аскета, а мучительное разъединение с другими, с Родиной, с миром и праздность, так же, как и в приведенной выше цитате из статьи Б. Поплавского, отсутствие возможности как-либо полноценно действовать, применить свои силы. Вильгельму, как и герою «оптимистического рассказа», в юном

возрасте довелось испытать разочарование в любви, после которого он так же «почувствовал усталость и нежелание участвовать в этой жизни»⁷. Так же, как и он, Вильгельм постепенно разуверяется в реальности этого мира: «...он подумал, что все простерто над пустотой и что эта стена нигде не находится и мужик, проехавший на телеге среди облаков и звезд, проехал в несуществующем пространстве»⁸; и точно так же испытывает мучительное желание прикоснуться к истинной реальности, уничтожить эту «власть обмана и небытия»⁹. Однако воспоминания о прошедшей любви неспособны его утешить; напротив, он мечтает любви грядущей, о приходе той женщины, что спасла бы его и показала бы ему дорогу в реальный мир. Вместе с тем разум Вильгельма отрицает саму возможность такой любви: «...это было такое же ни на чем не основанное пустое сердечное ожидание, как всегдашнее, несмотря на всю непреложность доводов разума, упорно в нем живущее убеждение, что он станет человеком высокого роста и не может умереть; и так же хорошо, как то, что он умрет и не станет вдруг высоким он сознавал, что эта женщина не существует»¹⁰. Однако она появляется; к Вильгельму приходит любовь, но, так же, как и в «Записках бесстыдного молодого человека», на этом переломном для души главного героя моменте повесть обрывается.

Пожалуй, более всего «философия любви» развита в прозе Ю. Фельзена. Для его героев любовь становится не только способом преодоления одиночества и мучительной разобщенности героя с миром, но и, как в приведенной нами цитате из статьи Б. Поплавского – главной жизненной силой, движущей этот мир. Юрий, герой «Неравенства», делит все человечество на «плохо любящих» и «людей любовного склада». Первые, будучи неспособны к внутренней, любовной жизни, вынуждены искать утешения, своего рода сублимации в других родах деятельности – политике, литературе и т. п., при этом им всегда приходится жить и действовать по чужим правилам, «принимать извне <...> начатую кем-то борьбу, “идеи”, стать на чью-то сторону...»¹¹ С другой стороны, люди любовного склада, к которым Юрий относит и себя, действуют всегда в согласии с некоей своей *внутренней правдой*, ко-

⁵ Варшавский, В. Из записок бесстыдного молодого человека (оптимистический рассказ) / В. Варшавский // Числа. – 1930. – № 2–3. – С. 69.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Варшавский, В. Уединение и праздность (повесть) / В. Варшавский // Числа. – 1932. – № 6. – С. 55.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Фельзен, Ю. Неравенство / Ю. Фельзен // Числа. – 1930. – № 1. – С. 113.

торая заставляет их постоянно организовывать и переделывать этот мир.

Нужно отметить, что Ю. Фельзен – один из немногих «числовцев», обращающийся в своей прозе к «политической» теме; но данная тема у него рассматривается прежде всего через призму вечных ценностей. Именно любовь, способность к любви становится для Ю. Фельзена главным критерием, по которому оцениваются процессы, происходящие в России и за рубежом. В «Письмах о Лермонтове» его безымянный герой специально оговаривает, что само понятие любви стоит для него гораздо выше злободневных политических проблем, «потому что Россия и все в ней теперь происходящее – временное, личное, непрощаемое, а любовь, дружеская и любовная <...>, поэзия человеческих отношений – в этом какое-то биение вечности, нам недоступной, но присутствующей и примиряющей»¹². И именно то эмигрантское поколение, к которому он принадлежит, по мнению героя, способно противостоять культивируемой в Советском Союзе ненависти, потому что оно может «с *непритязательной искренностью* [курсив мой. – Н. З.] – пускай без Бога и неба – любить, по-скромному, не отвлекаясь, искать и что в этих неразбрасывающихся своих поисках может оказаться оно удачливым»¹³. Советский Союз потому и обречен – если не материально, то духовно, обречен потерпеть поражение как идея – что любовь всегда стоит безмерно выше ненависти: «ведь без любви, до любви нет ни живой жизни, ни возможного ее оживления, а есть лишь поза и внутренняя риторика»¹⁴.

В «Возвращении» Ю. Фельзена (№ 10) герою, по сути дела, очень схожему с героем «Писем о Лермонтове», приходится отстаивать свою точку зрения на «политику» в споре с молодым эмигрантом, считающим, что одни только экономические успехи советского народа уже говорят о жизнеспособности этого строя. В конечном ито-

ге оба героя остаются при своем мнении, будучи не в силах понять друг друга. Просоветски настроенный молодой человек, для которого превыше всего стоит «простой здравый смысл», не понимает мысли героя, что государство, построенное на ненависти, не способно жить, ведь оно лишено движущей силы любви; герой «Возвращения» твердо убежден в том, что «нельзя в то же время любить и ненавидеть»¹⁵.

Так же через любовь познают мир и герои других опубликованных в «Числах» прозаических произведений: «Неравенства» (№ 1), «Писем о Лермонтове» (№ 4, 7–8, 9) и «Счастья» (№ 6) Ю. Фельзена, «Долголикова» С. Шаршуна (№ 1, 4, 6, 9, 10), «Из записок бесстыдного молодого человека» (№ 2–3), В. Варшавского, «Как дым» А. Ладинского (№ 4), «Операции» Л. Часинга (№ 4), «Зеленого колокола» Л. Кельберина (№ 6), «Живой улики» И. Демидова (№ 9), «Шторма» Е. Бакуниной (№ 10).

Таким образом, рассмотрев, как трактуется понятие любви в прозе «Чисел», мы можем сделать следующие выводы: любовь в «числовской» прозе чаще всего представляется как метафизическое средство от одиночества или гибели. В этом отношении половая любовь к конкретному человеку в представлении «числовцев» способна преобразить его внутренний мир, вывести его на другой уровень познания истины, дать ощущение желанного слияния со всем миром. Для этого любовь совсем не обязательно должна быть взаимной (что вообще очень редко встречается в прозе «Чисел»). Более того, возможность такого преобразования способна дать даже не сама любовь, а лишь воспоминания о ней. Как правило, именно способность любить (и жалеть) в прозе «числовцев» отличает главного героя от окружающих; часто его одиночество и трагичность любовных отношений связаны как раз с тем, что близкие ему люди неспособны испытывать эти чувства.

¹² Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – 1930. – № 4. – С. 77.

¹³ Там же.

¹⁴ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – 1933. – № 9. – С. 93.

¹⁵ Фельзен, Ю. Возвращение / Ю. Фельзен // Числа. – 1934. – № 10. – С. 177.

«Новый американец» Сергея Довлатова: история создания

Творчество Сергея Донатовича Довлатова (1941–1990) – своеобразное явление конца XX столетия. За двенадцать лет, вплоть до смерти в нью-йоркской машине «скорой помощи», Довлатов написал около десятка книг, в числе которых циклы рассказов «Чемодан» (1986), повести «Заповедник» (1983), «Иностранка» (1986) и другие. Все они в той или иной степени отражают историю жизни Довлатова до и после эмиграции. Американскими критиками ему отведено место среди «фантастов и юмористов».

Несмотря на то, что наследие этого писателя невелико по объему и представлено пятью томами прозы, его писательская манера отмечена особым вниманием как со стороны читательской аудитории, так и со стороны отечественной и зарубежной критики. Показательна и сама реакция в современном культурном пространстве на имя Довлатов: «Ни о каком другом русском писателе довлатовского поколения не пишется сегодня столько студенческих работ и научных диссертаций – не только в России, но и в США, Канаде, Англии, Германии, Японии»¹.

Такое вполне соразмерное достоинствам писателя внимание обусловлено несколькими причинами: масштабом его художественного дарования, стилевым своеобразием произведений, оригинальностью авторской позиции.

Начало 70-х годов характеризуется ростом возможностей для потенциальной эмиграции и расширением возможностей для выезда евреев, армян, греков. Тогда в поисках свободы творчества, а также по принуждению из России выехало немало талантливых людей. В их числе был и Сергей Довлатов.

В 1976 году некоторые рассказы Довлатова были опубликованы на Западе в журналах «Континент», «Время и мы», за что он был исключен из Союза журналистов СССР. В 1978 году Довлатов эмигрировал в Вену, а затем поселился в Нью-Йорке. «Представьте себе, – иронизировал по поводу своего отъезда Довлатов, – в Ленинграде ходит такой огромный толстый дядя, пьющий. Печатается в “Континенте”, в журнале “Время и мы” (журналы русской эмиграции). Участвует в

литературной жизни, знаком с Бродским. Шумно везде хохочет, говорит какие-то глупости, ведет вздорные антисоветские разговоры и настоятельно всем советует следовать его примеру. И если существовал какой-то отдел госбезопасности, который занимался такими людьми, то им стало очевидно: надо либо сажать, либо высылать. Они же не обязаны были знать, что я человек слабый и стойкий диссидент из меня вряд ли получится...»².

Довлатов писал: «У нас были серьезные претензии к советской власти. Мать страдала от бедности и хамства. Жена – единственная христианка в басурманской семье – ненавидела антисемитизм. Крамольные взгляды дочери были незначительной частью ее полного отрицания мира. Я жаловался, что меня не печатают. Потом меня неожиданно забрали и отвезли в Каляевский спецприемник. Я обвинялся в тунеядстве, притонодержательстве и распространении нелегальной литературы. В качестве нелегальной литературы фигурировали мои собственные произведения. Как говорил Зощенко, тюрьма – не место для интеллигентного человека» (II, 219).

По существу, Довлатов диссидентом никогда и не был, просто ему надо было печататься. Он хотел стать официальным писателем со своими книгами, хотел их друзьям дарить.

О Довлатове – советском журналисте можно сказать словами А. Гениса: «Он виртуозно владел особым, романтически приподнятым стилем той части газеты, которая писала про обычную, а не коммунистическую жизнь. Пробравшись на эту (обычно последнюю) страницу, автор, компенсируя идеологическую тесноту повышенной метафоричностью, воспарял над текстом»³.

Довлатов был всегда точен в изображении своих героев. Два-три штриха – и перед нами живой характер со всеми добродетелями и слабостями, со своим прошлым и будущим. Вот один из второстепенных персонажей повести «Компромисс» (1981): «Лицо умеренно, но регулярно выпивающего человека...» (III, 163). Сказанное следом почти ничего существенного не прибавляет, лишь закрепляет готовый портрет:

¹ Арьев, А. Ю. Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / А. Ю. Арьев // Итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения». – СПб.: изд-во журнала «Звезда», 1999. – С. 3.

² Довлатов, С. Собр. соч.: В 4 т. – СПб.: Азбука-Классика, 2000. – Т. 2 – С. 54. (В дальнейшем цитируется это издание с указанием в круглых скобках тома и страницы.)

³ Речь без повода... или Колонки редактора. – М.: Махаон, 2006. – С. 14. (В дальнейшем ссылка на это издание дается в квадратных скобках с указанием страницы.)

«В кино так изображают отставных полковников. Прочный лоб, обыденные светлые глаза, золотые коронки» (III, 163).

Бытовая и душевная неустроенность, заброшенность постоянно сопутствуют довлатовскому герою. Его жизнь никому не нужна и, по видимому, бессмысленна. Мотив одиночества присущ не только художественной прозе Довлатова, но и его публицистике. Книгу, в которой писатель обобщил свой журналистский опыт, Довлатов назвал «Марш одиноких», тем самым подчеркивая связь со своим литературно-художественным прототипом.

Однако персонажи лишь внешне похожи на того «маленького человека», который был болью и заботой классической русской литературы. Под пером Довлатова они вырастают в масштабные фигуры. Михал Иванович из «Заповедника» с его безграничным простодушием и неподражаемой речью, большой ребенок Рафаэль Гонзалес из повести «Иностранка», «городской сумасшедший» Эрик Буш в «Компромиссе» и многие, многие другие – все они живут в абсурдном, перевернутом мире, но другого и не знают.

Большинство писателей ехало на Запад, чтобы свободно печататься. Оставалось только решить вопрос – где? Довлатов с Евгением Рубиным, московским спортивным журналистом, и двумя коллегами из Ленинграда – Алексеем Орловым и Борисом Меттером решили выпускать русский еженедельник «Новый американец» (так в NYANA, нью-йоркской организации, принимавшей и опекавшей вновь прибывших, называли новых эмигрантов), который бы отразил интересы третьей волны эмиграции. На тот момент единственным и серьезным их конкурентом был еженедельник «Новое русское слово», выходивший уже около 70 лет. Редактор Андрей Седых решил не давать рекламу об открытии новой газеты, так как боялся конкуренции.

Коллега Довлатова по «Новому американцу» П. Вайль вспоминает: «В Штатах единственным источником информации по-русски была ежедневная газета “Новое русское слово”, где тон задавали первые две волны. В целом эмиграция идеологически представляла собой монолит не хуже советского, только с обратным знаком» [6].

В письме к Людмиле Штерн от 8 июня 1979 года. Довлатов излагает концепцию издания «Новый американец»: «Отвечаю на вопросы: 1. Газета – “Новый американец”. Само название о чем-то говорит. Еженедельник, 32 полосы. Газета американская, на русском языке. Сначала уточняли – для евреев. Сейчас пользуемся более общей формулировкой – для третьей эмиграции. Цель – содействовать

новому эмигранту. В бытовом, юридическом, социальном, культурном плане. Научить страховаться, есть, отдыхать, жить по-американски. Такой ликбез. И еще. Все русские газеты – печальны. Наша – оптимистическая. Есть раздел – чего не предпринимать в Америке. Называется – “Я тебя умоляю”.

2. Теперь о независимости. Газета – профитная (т. е. выгодная). Это наша собственность. Газета политически вялая. Умеренно либеральная, сахаровского тона. В равной степени избегаем коммунистической, антисемитской и фашистской пропаганды.

3. Стоит газета – 60 центов.

4. С бизнес-менеджерством такая история. Конечно, нужен американец. Но ему надо больше платить. Второе. У американца не поймешь, хороший ли он человек. И даже – умный ли. Наш друг и благодетель Стив кажется полным охлагоном.

5. Рекламу получить (американскую) трудно. Хотя деньги на рекламу и списываются. Тираж маленький. И все-таки. Эмигрантский рынок – скудный, однако – надежный. Нам все требуется.

6. Сейчас проблем – две. Хороший и дешевый бизнес-менеджер, плюс реклама. С рекламой дело подвигается. С первым – хуже.

Мои товарищи и коллеги – прелесть. Расскажу о них коротко. Боря Меттер – Остап, командор. Женя Рубин – Паниковский, я – Шура Балаганов. Алексей Орлов – Адам Козлевич. И “антилопа” есть»⁴.

Довлатов и его друзья мечтали свободно печататься. В подобном издании было решено помещать материалы «свободной» направленности, которые не могли увидеть свет в России. Первый номер «Нового американца» вышел 8 февраля 1980 года.

Довлатов писал: «Нас поддержали – “Континент” (“Континент” – российский литературный, публицистический и религиозный журнал, был основан в Париже в 1974 году как орган “свободной” русской мысли, российского и общеевропейского антикоммунистического “освободительного” движения), “Третья волна” (“Третья волна” – русское эмигрантское издательство, с середины 1970-х до конца 1990-х выпускавшее книги многих замечательных мастеров русской литературы, а также литературные периодические издания), “Русская мысль” (“Русская мысль” – еженедельная газета, издающаяся на русском языке во Франции с 1947 года. Ее страницы стали летописью жизни русской эмиграции во Франции, каталогом русской мысли, изгнанной из России)» [158].

В начале роли распределились так: Довлатов – литература, Рубин – спорт, политика, Ор-

⁴ Малоизвестный Довлатов. – СПб.: изд-во «Журнал “Звезда”», 1999. – С. 307–309.

лов – спорт и политика, Меттер – президент корпорации.

«Первый номер выглядел примерно так: “Газетная шапка, девиз, сопровождавший каждый новый выпуск: “Мы выбрали свободу, и теперь наше счастье в наших руках”. Обложки нет. На заглавной странице сразу передовая статья Бориса Меттера: “Наш еженедельник задуман как газета третьей эмиграции... Ведь покинутая родина – наша общая боль. Трагедия. Надежда... Мы стараемся показать не только “ЧТО происходит в мире, но и ПОЧЕМУ это происходит...”».

Там же, в первом номере, был опубликован рассказ Довлатова “Мой дед Исаак”, повествующий историю прадеда, крестьянствовавшего на Дальнем Востоке, статья Владимира Максимова “Литература против тоталитаризма”. В рубрике “История и религия” был напечатан очерк Бориса Хаскелевича “Первые евреи в Нью-Йорке” и интересная рецензия Нины Аловерт на популярный спектакль “Русская история” в одном из бродвейских театров, поставленный Симоном Кудровым, режиссером и исполнителем, талантливым мимом, ленинградцем. (Нина Аловерт вела в газете рубрику “Мир искусства”).»⁵

Однако между Рубиным и коллективом случился конфликт, и с Евгением Рубиным пришлось расстаться. Впоследствии Рубин начал выпускать ответвление от «Нового русского слова» – еженедельник «Новая газета». К сожалению, уловить суть конфликта достаточно тяжело, так как его участники о нем рассказывают очень туманно. Начиная с 14-го номера, на первой полосе появляется «Колонка редактора», под которой значится подпись: «Сергей Довлатов».

С появлением Довлатова в роли редактора меняется стиль газеты. Петр Вайль отмечал: «“Новый Американец” был довлатовской газетой. Он имел опыт газетной работы и в многотиражке в Ленинграде, и потом в Эстонии... Начинали читать “Новый Американец” с редакторских колонок Довлатова. И это были, конечно, временами маленькие эссеистические шедевры» [10].

«Новый американец» «разговаривал» с читателем по-дружески, на хорошем литературном языке. Все в газете писали на нормальном человеческом языке приятельского общения.

«В газете Довлатов, конечно, умел все, кроме кроссвордов. Он владел любыми жанрами – от проблемного очерка до подписи под снимком, от фальшивых писем в редакцию до лирической за-

рисовки из жизни русской бакалеи, от изящного анекдота до изобретательной карикатуры», – вспоминал А. Генис [18–19].

О работе в газете «Новый американец», где Довлатов являлся одним из основателей, написаны и противоречивые работы. Одна из них «Блеск и нищета “Нового американца”» А. Орловой и М. Шнеерсон⁶. В данной статье Довлатов предстает как честолюбивый человек и обманщик: «Навсегда расставшись с “Новым американцем”, Довлатов пытается создать легенду, будто прославленная газета была его творением, и только его. И после ухода своего создателя погибла. Попытка удалась, легенда эта бытует и по сей день»⁷. Свой тезис авторы подкрепляют тем, что газета продолжала выходить и после ухода Довлатова в течение нескольких лет.

«“Новый американец” не был халтурой, – вспоминает дочь писателя Катя Довлатова, – в моей памяти рождение “Нового американца” ассоциируется с огромным количеством телефонных звонков. Аппарат стоял в прихожей, которая была как бы продолжением гостиной, а перед ним кресло. И весь день папа был прикован к трубке – стоя, нервно подергивая ногой, мешая мне смотреть телевизор, который находился в гостиной. Вероятно, из желания занять меня делом, а заодно и отвлечь от передач с “записанным смехом” (папа не мог принять юмора, где зрителю диктуют, в каких местах смеяться), он предложил мне переводить телевизионную передачу для газеты. Каждую неделю после школы, я ездила в Манхэттен, в редакцию. Часто возвращалась домой с отцом. Годы “Нового американца” были последними, когда я принимала активное участие в делах родителей»⁸.

Денег газета практически не приносила, вероятно, потому что издавали ее бескорыстные и творческие люди. Авторам, которые были бывшими советскими гражданами, поначалу было невдомек как то, что они пишут, может являться «товаром». Многие деятели русской культуры XX века, такие, как В. Максимов, В. Некрасов, И. Ефимов, П. Вайль, А. Генис, печатались там за мизерные суммы или только за надежду на грядущие гонорары.

В «Новом американце» обращают на себя внимание не только довлатовская стилистика и юмор, но и история газеты, через которую четко прослеживается и история данного издания, и история эмиграции. Довлатов любил свою га-

⁵ Материалы сайта: <http://www.russian-bazaar.com> (10.06.09)

⁶ Орлова, А. Шнеерсон, М. «Блеск и нищета “Нового американца”» // Вестник. – 2002 // <http://www.vestnik.com/issues/2002/0515/koi/orlova.htm> (23.04.09).

⁷ Там же.

⁸ Бурмистрова, Ю. Сергей Довлатов. Колонки редактора // Электронное периодическое издание «ВЗГЛЯД.РУ» (20.04.09).

зету, работу главного редактора и все, что с этим было связано, очень ответственно относился к своим обязанностям. В «Новом американце» появились прообразы многих художественных персонажей Довлатова, которые вошли в ранние варианты его произведений. Впоследствии появились и сами главы этих произведений, хорошо известных российскому читателю, как «Зона», «Наши», «Невидимая газета» и «Филиал». «Сравнив литературное творчество с первоисточником, можно наблюдать эволюцию довлатовского слога, довлатовского стиля. Становится видно, какую работу он проделал, чтобы добиться отточности, того изящества, легкости и чистоты, которые ему были присущи как литератору. Но об этом пусть напишут профессионалы»⁹, – отмечала дочь Довлатова.

С самого начала своего существования «Новый американец» привлек к себе внимание. О нем писали в американской прессе, сняли передачу на американском телевидении. Возможно, это происходило потому, что Довлатов уже напечатался в престижном американском литературном журнале «Нью-Йоркер». На первом юбилее «Новых американцев» присутствовали около 1000 человек не только из Нью-Йорка, но и из других штатов Америки.

За 1980 год газета успела разрастись, поменяла адрес. Коллективом был снят просторный офис в центре Манхэттена, у некоторых сотрудников появились отдельные кабинеты. Однако деловой хватки не было, и при сильно возросшем числе подписчиков газета все равно оставалась в убытке. «Новое русское слово» шло на всевозможные уловки, чтобы усложнить жизнь конкурентам. Авторам ежедневной газеты запрещалось печататься в обоих изданиях, рекламодателям обещали всевозможные скидки.

В конце второго года работы в «Новом американце» разразился грандиозный скандал из-за разногласий с коллегами по поводу печатаемых там материалов, и Довлатову с частью коллектива пришлось уйти. Кроме того, Довлатову предложили выпускать свой еженедельник на более выгодных условиях. С учетом того, что «Новый американец» дохода практически не приносил, а

зарплата не выплачивалась, с новыми условиями трудно было не согласиться. Поэтому Довлатов начал выпускать «Новый свет». Еженедельник выходил всего два месяца и был закрыт по причине того, что новый хозяин Дескал, владелец «Руссики» (издательство и магазин), выкупил «Новый американец» и обещал на этот раз выгодные условия. Довлатов опять вернулся в свою любимую газету, но ненадолго. Усилилась цензура, газета начала выпускать материалы исключительно еврейского характера, и Довлатов был вынужден уйти навсегда.

В своей газете «Новый американец» он создал довольно жесткую словесную дисциплину, не давал никому из сотрудников «распускаться» ни в письме, ни в словах. Его мать и жена служили в газете корректорами. Свои сочинения Довлатов показывал коллегам лишь после того, как в тексте были исправлены все опечатки. «Новый американец» писатель превратил в подлинный центр эмигрантской, а потом и русской культуры. Благодаря усилиям Довлатова это издание стало пользоваться необычайной популярностью среди эмигрантов так называемой третьей волны, став, по существу, народной газетой. Авторы «Нового американца» изначально позиционировали свою газету как демократическую и представляли на ее полосах диаметрально противоположные мнения.

Сейчас все номера газеты бережно хранятся в семье Довлатова. Его родственники приняли активное участие в работе над новой книгой, которая недавно увидела свет в России. Издательство «Махаон» и Международный фонд Сергея Довлатова выпустили в России ранее не изданные материалы писателя. Книга, получившая название «Речи без повода... или Колонки редактора» (М.: Махаон, 2006), стала событием для ценителей творчества писателя. В этой книге впервые опубликованы произведения, совершенно неизвестные российскому читателю, созданные в период, который сам Довлатов назвал «лучшими днями моей жизни». Эта книга многомерна, многоплановая, многовекторна, как сама жизнь. Для российского читателя Довлатов-журналист и Довлатов-редактор – это тайна, загадка.

⁹ Бурмистрова, Ю. Сергей Довлатов. Колонки редактора // Электронное периодическое издание «ВЗГЛЯД.РУ» (20.04.09).

Отражение социальной сферы на страницах центральной прессы в 90-е годы XX – первое десятилетие XXI века

Проблемы социального характера, волнующие российское общество, всегда являлись предметом пристального внимания журналистов. Социальная журналистика как одна из отраслей журналистики сформирована давно, однако для того, чтобы достигнуть реальной результативности, журналисты, работающие в этой сфере, должны обладать определенным набором качеств, владеть конкретными методами, использовать в работе оптимальный стиль, позволяющий добиться эффективности того или иного материала.

В данной статье авторы анализируют публикации на социальные темы в газетах «Труд» и «Аргументы и Факты». Для анализа взяты два периода российской жизни – в 90-е годы XX – первое десятилетие XXI века.

В начале 90-х годов прошлого столетия руководству России предстояло продолжить курс на демократическое преобразование общества и создание правового государства. В числе первоочередных задач было принятие мер по выходу страны из экономического и политического кризиса, что способствовало изменению структуры общества, повлекшей ряд неразрешенных проблем и вопросов. Также демократическая Россия оказалась информационно бедной и экономически незащищенной – это привело прессу к погоне за аудиторией, к расширению тиражей или снижению стандартов качества, а, следовательно, появлялось много информации легковесной, рассчитанной на сенсации. В период после выборов 2000 года произошло новое падение авторитета СМИ, вызванное, с одной стороны, их политизацией и, с другой, их коммерциализацией.

Нам показалось интересным рассмотреть отражение социальной тематики в центральной прессе именно в эти периоды спада в развитии СМИ.

Данная выборка являлась систематической – изучались выпуски каждого срединного месяца сезона каждого третьего года с равным кластером величиной в неделю¹.

В статье делается акцент на сравнение тематики публикаций социального характера. Анализ проведен в отношении статей трех наиболее

часто встречаемых в выборке социальных проблем: бедность, охрана детства и наркомания. Выбор статей определялся стремлением выявить темы, наиболее типичные для каждого из анализируемых годов и периодов.

Материалом для анализа стали статьи в двух общероссийских **периодических изданиях**: «Аргументы и факты» – универсально-тематическая массовая газета, и «Труд» – общественно-политическое качественное издание. Выбор этих газет объясняется несколькими факторами:

- ареал распространения – общероссийские газетные издания играют большую роль в организации широкого информационного обмена между регионами страны;

- социальный адрес – относительно равномерное распространение в социальном пространстве;

- класс – эти издания можно охарактеризовать как газеты «для всех обо всем». Им свойственны обращенность ко всем, предназначенность для всех, доступность каждому. Их универсальность проявляется в полифункциональности – реализации всех базовых функций СМИ и информационном охвате всех сфер общественной жизни. Для отечественной журналистики издания с ярко выраженными чертами «газеты для всех» традиционны. Именно универсальность во многом обеспечивает их устойчивость на информационном рынке, особенно в условиях, когда низкий платежеспособный спрос населения диктует ограничения в выборе газетной и журнальной продукции.

По данным критериям можно судить о способности издания втягивать в информационный обмен все территориальные и социальные части общества и отражать их социальное бытие. Учитывалась и периодичность изданий. Газета «Труд» выходит ежедневно с двумя выходными днями (воскресенье и понедельник), «АиФ» – еженедельное издание.

Исследовав номера газет «АиФ» и «Труд» за 1990–1999 годы, можно констатировать, что политика и экономика являлись приоритетными темами этого периода. Всегда присутствует рубрика, освещающая как новости из зарубежных

¹ Krippendorff, K. *Content-analysis: An Introduction to its Methodology* / K. Krippendorff. – London: SAGE, 1980. – P. 53.

стран, так и рассказы о жизни их граждан. В начале 90-х постоянное место занимают вопросы экологии и охраны окружающей среды.

Проблемам бедности, уровня жизни населения и социальной защиты малообеспеченных слоев посвящена наибольшая часть среди появившихся в выборку публикаций. Так, за период 1990 года в свет вышли статьи, освещающие проблемы в области здравоохранения: о сокращении поставок необходимых лекарств; о чрезвычайно низком уровне стоматологических услуг, предоставляемых населению; о причинах ухудшения здоровья, которые обусловлены снижением качества условий охраны окружающей среды и условий труда на рабочем месте. Сама тема организации труда была актуальной и находила свое отражение в материалах, поднимающих проблемы разных групп населения (когда подросток не может найти работу², необеспеченность и вообще игнорирование инвалидов³).

Несколько публикаций было посвящено проблемам беженцев из союзных Армении, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана – условиям обеспечения их жильем, трудоустройством. В «Труде» освещение этой темы носит более систематический характер.

Встречена одна статья о миграции вьетнамских рабочих по городам страны и о новом соглашении, способствующем поиску разумного компромисса между экономической выгодой и социальной напряженностью, так как, по бытующему в то время мнению, «от приглашенных вьетнамцев, мол, одна головная боль: расходы на их размещение на новом месте, экипировку и профобучение, проблемы с авиабилетами, языковой барьер, скупка ими товаров на нашем и без того бедном потребительском рынке и т. п.»⁴).

Отмечено, что вопросы социальных групп населения освещаются чаще в те периоды, когда публикуются новые постановления или законопроекты, связанные с установлением новой заработной платы, пенсии, прав граждан.

Тема сиротства постоянно освещается на страницах газеты «Труд», тем самым подтверждая «статус» одной из проблемных тем общества. «На детях фокусируются наши беды и неурядицы. ... А пока... Пока только в России – 274 дома ребенка, где прибывают 20 тысяч детей⁵».

Остро ставится вопрос о нарушении законных прав стариков в домах-интернатах. «В Тихоновском интернате находилось лишь 70 из 246

женских пальто и 4 из 170 мужских, а в Каркалинском не было ни одного из 108 мужских...»; «В разных домах – разные приемы воспитания. Скажем, в Новогрудском доме-интернате Гродненской области санитарка С. Рымашевская помогала себе тростью – наотмашь хлестала ею по худым ногам старушек, смевших прекословить этой “сестре милосердия”⁶».

Обзор содержания газет «АиФ» и «Труд» за 1990 год показал, что социальная проблематика так или иначе присутствовала на страницах периодики, но частота, глубина, тенденция отслеживания судьбы освещенного однажды вопроса часто сводится к минимуму и не носит системного характера. Причиной тому, мы считаем, могли быть малое количество печатных полос, нехватка кадрового состава, незаинтересованность в более глубоком, тщательном и разностороннем освещении проблем социальной сферы.

В 1993 году к проблемам бедности, уровня жизни населения и социальной защиты малообеспеченных слоев относятся в основном официальные заметки о новых витках инфляции и о повышении размеров заработной платы, пенсии. Продолжается интенсивное освещение проблемы детей-сирот, списки которых пополняют «отказники» – те дети, от которых мать отказывается еще в роддоме.

«Труд» регулярно печатает заметки о новорожденных. Так, в городе Муром власти «стремятся улучшить положение детей. Все младенцы до двухлетнего возраста получают бесплатные витамины, а каждой маме ... вручается денежное пособие в размере 1000 рублей⁷».

Одной из наиболее часто встречаемых проблемных тем является *бедность*. Это могут быть сетования на общее бедственное положение вследствие сложной социально-экономической обстановки в стране. Несмотря на то, что вектор ответственности отсылает к политико-структурному уровню решения проблемы, в статьях не встречается комплексных аналитических обзоров темы бедности. Более того, пресса не пользуется такой терминологией, избегая именовать многих россиян бедными и подменяя выражения «обнищание» и «выживание» другими, более мягкими. «У нас официально было принято называть “малоимущими”⁸». Соотношение размеров заработной платы и пенсии изумляет академика Н. Рымашевскую: «Это нонсенс, когда средняя пенсия равняется средней зарплате.

² Сарыгулов, Б. Новое лицо преступности / Б. Сарыгулов // Труд. – 1990. – 10 янв. – С. 2.

³ См. об этом: Не хотим милостыни // АиФ. – 1990. – № 14 (апр.). – С. 5.

⁴ Журабаев, Е. Рабочие из Вьетнама / Е. Журабаев // АиФ. – 1990. – № 15 (апр.). – С. 3.

⁵ Климов, А. Сиротский дом / А. Климов // Труд. – 1990. – 19 окт. – С. 4.

⁶ Дмитриев, Ю. Почему старики плачут / Ю. Дмитриев, В. Свирин // Труд. – 1990. – 17 апр. – С. 4.

⁷ ИТАР-ТАСС // Труд. – 1993. – 20 апр. – С. 1.

⁸ Гришианов, В. По карману ли болезнь? / В. Гришианов // АиФ. – 1993. – № 15 (апр.). – С. 5.

... Ни в одной стране, кроме нашей, не существует такого положения»⁹. Н. Римашевская убедительно показывает, что экономика России пока не социально ориентированная, уровень жизни падает, и «если люди не голодают, то этим они обязаны только себе»¹⁰. В этих условиях специалисты Минсоцзащиты идут «на небольшие уловки»¹¹, в частности, появляется идея «адресной социальной защиты»¹². Так, вводится хлебная надбавка, или пособие на хлеб, в размере 1400 рублей в месяц (стоимость семи батончиков) самым малообеспеченным категориям.

В «Труде» появилась рубрика «Первый отклик» – отражение лишений общества «своими глазами». Первым опубликованным письмом стал рассказ матери девяти детей о трудовых буднях их большой семьи, о честном и добросовестном служении на благо государства и о том, что за последнее время их жизнь стала невыносимой в связи с нехваткой денег даже на самое необходимое¹³. Таких историй по стране были миллионы, но почему-то для их освещения не нашлось места на газетных полосах.

Информирование – вот так видит свою задачу пресса этого периода в освещении государственного реагирования на падение уровня жизни. Нам показалось, что в это время у журналистов не было веры в то, что своими публикациями они могут что-то изменить.

В 1996 и 1999 годах появляются острые и критические статьи. Пресса более активно и свободно вовлекается в обсуждение причин и обстоятельств падения жизненного уровня россиян.

Также за этот период в обоих изданиях прослеживалась тема фанатов как формирующаяся субкультура молодежи, и чаще рассматривалась с отрицательной стороны, а, в частности, акцентировалось внимание на безудержности, необузданности, самоубийствах поклонников ради достижения призрачной цели – внимания любимого артиста.

В нескольких статьях поднималась тема «липовых бедных». «В России сегодня сформировался социальный слой, наживающийся

на сострадании граждан»¹⁴, поверивших, что действительно перед ними находится действительно нуждающийся.

Несколько статей было посвящено проблеме лиц без определенного места жительства. Журналист В. Утц рассматривает бомжевание как итог различных жизненных обстоятельств¹⁵, В. Писанов говорит как о беде социальной, нравственной и духовной¹⁶.

Нерешенным остается вопрос беженцев. Есть ли у них будущее в России? «Беженцы – боль, беда, работа и ... обуза России?»¹⁷

Наркомания – не менее важная по значимости социальная проблема, освещаемая в проанализированной выборке. К 1999 году она была представлена как настоящее бедствие, и неслучайно. «В 1995–2000 гг. ... в России число больных наркоманией составляет около 3 млн. человек»¹⁸. Количество разнообразных статей о наркобизнесе, описание последствий, лечебных мер, реабилитационных возможностей, историй жизни больных наркоманией содержатся в обеих газетах, что свидетельствует о признании угрожающих размеров наркотизации населения России. Большинство публикаций имеет информационный и превентивный характер. В выборке статей за 1999 год половина посвящена рекламе реабилитационных центров и клиник, где наркозависимые могут получить помощь и попытаться спасти себя. Заголовки не обещают чуда: «Наркомания: хочешь жить – умей лечиться!»; «Ваша жизнь – в ваших руках». В «АиФ» дается реклама доктора Назаралиева, владеющего «уникальным методом» лечения наркомании.

Таким образом, газетные репрезентации *фиксируют специфику* социальной «интервенции» в наркотическую проблему. К концу 90-х годов при освещении данных проблем пресса все чаще выступает медиатором превентивных стратегий.

Статьи о проблемах «охраны детства» содержат материалы о многочисленных уязвимых местах в социальной защите прав ребенка. Приблизительная классификация анализируемых тем (естественно, что в реальности их больше, чем в нашей газетной выборке) может выглядеть так: социальная защита детей-сирот; проблемы интернатов и детских домов; благотворительные детские фонды; детская инвалидность; рождаемость и многодетность. Российская социальная защита детей, оставшихся без

⁹ Римашевская, Н. Чтобы кому-то дать, надо у кого-то взять / Н. Римашевская // АиФ. – 1993. – № 41 (окт.). – С. 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хлеба вместо зрелищ // АиФ. – 1993. – № 41 (окт.). – С. 6.

¹² Там же.

¹³ См. об этом: Бедняки на полуострове сокровищ // Труд. – 1990. – 14 янв. – С. 2.

¹⁴ Бояркина, Н. Крутые бабки / Н. Бояркина, Т. Виркунен // АиФ. – 1996. – № 41 (окт.). – С. 8.

¹⁵ См. об этом: Утц, В. Отверженные / В. Утц // Труд. – 1996. – 10 апр. – С. 6.

¹⁶ См. об этом: Писанов, В. И зовут его Барабашкой // Труд. – 1996. – 17 апр. – С. 3.

¹⁷ Смирнов, В. Инвалид и стаканыч / В. Смирнов // Труд. – 1996. – 16 окт. – С. 3.

¹⁸ Проблематика СМИ: Информационная повестка дня: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 249.

попечения родителей, качественно меняется в течение 90-х годов в связи с новой социальной политикой в данной области и импортированием некоторых технологий из-за рубежа. На вопрос корреспондента о том, отчего в России больше, чем в других странах, домов ребенка и детских домов, начальник Главного управления социальной защиты детства Минобразования России отвечает: «Основная причина в том, что родители бросают собственных детей, поскольку не в состоянии их прокормить, одеть, обути»¹⁹. Статья отражает стремление государства поддержать движение от оставления ребенка в детском доме к усыновлению в приемной семье.

Во второй половине 90-х годов вводится новая форма защиты детей, оставшихся без попечения родителей, – фостерные семьи. Альтернативы детским домам и усыновлению существовали и раньше в виде, например, семейных детских домов, однако быть приемным родителем не считалось профессией. В статье «Добровольные мамы беспризорников» рассказывается о детской деревне под Москвой, работающей при финансировании и по принципам австрийского фонда Германа Гмайнера «SOS-Kinderdorf International». В каждом доме живут «мама» (женщина, «свободная» от семейных уз, душевно и физически здоровая, без жилищных проблем) и семь-восемь детей разного возраста²⁰.

Особенность публикаций о детях заключается в том, что их проблемы редко освещаются эмоционально нейтрально. Это всегда трогательные истории, вызывающие чувство сострадания. Помещаются фотографии лиц детей – порой несчастных, порой счастливых.

Рождаемость – одна из болевых точек социально-демографических процессов в России – становится объектом повышенного внимания СМИ с середины 90-х годов. Борьба медиков за снижение младенческой смертности и за улучшение здоровья матерей оказывается неэффективной в период экономического кризиса (речь идет о государственном питании из детских молочных кухонь).

Очевидно, что многомерный характер и глубина проблем охраны детства требуют серьезного протекционизма в социальной политике. И пресса может вносить свой вклад, не только информируя и привлекая общее внимание к вопросу, но и используя свой акционистский потенциал.

Десятилетие, оказавшееся в фокусе исследования, дает богатый материал для изучения

первого опыта постсоветской социальной защиты. Российское общество столкнулось с многочисленными кризисными явлениями, которые инициировали новые социальные проблемы. В публикациях намечаются пути их решения.

Газетные репрезентации свидетельствуют о разной степени внимания к социальным проблемам. Одни проблемы (бедность, наркомания) приобретают угрожающий характер и становятся первоочередными, другие (алкоголизм, проституция) прежде нередко не принимались во внимание, да и сейчас не всегда признаются злободневными. Третьи (нарушения прав ребенка, инвалидность) остаются постоянно присущими социуму, однако дискурс их описания со временем меняется. Есть также группа проблем, интерес к которым пробуждается в определенный период (беженцы) или же они получают легитимный статус только к определенному времени (суициды, проблемы престарелых).

Начало нового тысячелетия ознаменовалось усилением внимания центральных и местных органов власти к социальной сфере. Власти стремятся разработать новые законодательные меры, чтобы быть в состоянии адекватно реагировать на «лихорадочные» изменения в политике и экономике. Акцент делается на выработку и обеспечение социальных гарантий «переходного» периода: льготы особым категориям граждан, пособия социально незащищенным, доплаты малообеспеченным, компенсации денежных потерь, вызванных инфляцией. Отсутствуют упоминания о потребительской позиции и о злоупотреблениях внутри и без того слабой системы государственной поддержки, которая все же пытается справиться с нехваткой материальных ресурсов, чтобы поддерживать гарантированный прожиточный минимум²¹.

Пресса как институт массовой информации также трансформируется. Советский стандарт прессы отходит в прошлое, новый не до конца определился. Большинство социальных проблем подаются читателям порой излишне осторожно, порой крайне небрежно. Идет процесс усложнения методов журналистской работы: авторы переходят к очеркам и компетентным интервью с использованием данных опросов общественного мнения, что позволяет освещать проблемы с разных сторон. Совершенствуется язык описаний: журналисты стали более чуткими в социальном отношении, а некоторые материалы профессионально социологичны. Газетные обозреватели ищут социальных экспертов и профессионалов,

¹⁹ Груничева, Л. Кукушонок ищет гнездо / Л. Груничева // АИФ. – 1993. – № 2 (январь). – С. 3.

²⁰ См. об этом: Никитина, В. Добровольные мамы беспризорников / В. Никитина // АИФ. – 1999. – № 15 (апрель). – С. 20.

²¹ См. об этом: Соловьева, Н. Поворот социальной сферы / Н. Соловьева // Труд. – 2000. – 12 апр. – С. 6.

обладающих «компетентным» знанием, способных предоставить расширенные комментарии по освещаемой проблеме.

В начале 2000-х активно стали печататься журналистские материалы на темы здорового образа жизни, поддержания физической формы, статьи о вредных продуктах и возможных последствиях после их употребления²², но корень проблемы не исследуется.

В 90-е годы проблемы наркомании носили сенсационный, «горячий» характер, аудитории требовались информационные тексты, рассказывающие о истории наркомании вообще и ее конкретных проявлениях, методах излечения от болезни, на заре 2000-х эта тенденция еще прослеживается: «По утверждению Медведева, нехирургические методы лечения наркомании дают эффект в 7 % случаев, хирургический решает проблему в 70 %»²³, но необходимо заметить, что публикации все больше начинают носить событийно-информационный характер. Преобладают первополосные сообщения о совещаниях, круглых столах, решениях, операциях по задержанию наркоторговцев и т. д.).

Не сходящей со страниц остается тема алкоголизации России. Проблематика вопроса находит отражение в материалах журналистов – от введения государством монополии на водочную продукцию до вопроса о результативности вытрезвительных учреждений. «Всех клиентов заносят в базу данных. ... За два попадания в вытрезвитель могут не дать разрешения на ношение оружия, иностранные посольства могут отказать в визе»²⁴. Вариации постановки алкогольной проблемы, предлагаемые журналистами, были различны, но результат на сегодняшний день очевиден. Возможно, нерезультативность материалов могла быть вызвана несколькими причинами – проблема не была остро поставлена на примере какого-либо случившегося общественного инцидента, следствием чего стали бы новые и новые статьи, что привело общество к невольному принятию проблемы.

Проблемы мигрантов, незаконно проживающих на территории государства, преступников и пребывающих в местах отбывания наказания иностранцев и прочие проблемы, с которыми столкнулось Российское государство, находят отклики на страницах газет, но совсем единичны материалы о взаимоотношениях граждан РФ и мигрантов, точках их соприкосновений и

разногласий, ведь нередко случаи убийств и тяжелых социальных расстройств из-за большого количества иностранных подданных, несущих в общество свои традиции, мораль или же просто хамское отношение к живущим на этой земле людям. «В России уже более 12 млн. мигрантов. ... Уже сегодня на роль добровольных “чистильщиков улиц” претендуют молодежные группы с нацистским уклоном»²⁵.

Одной из регулярно освещающих тем является тема детства. Газета «АиФ» организовала благотворительный фонд «Доброе сердце», действующий и по сей день. Как отклики на рассказы о жизни и болезни ребят были собраны средства на операции, реабилитационные центры для больных детей. «Труд», в свою очередь, печатает материалы как о насущных вопросах детства (образование, досуг), так и о неизвестной порой широкому кругу читателей стороне детской жизни – проституции; жестокому обращению в стенах учебного заведения как учителей к ученикам, так и наоборот – в 2005 году в России число нападения учеников на своих педагогов выросло на 30 %²⁶; о детях с синдромом аутизма, их невероятных способностях. Проблема сиротства не сходит с полос и становится, как и алкоголизм, «привычной» для читателя, но в последние годы наметился положительный сдвиг – газеты стали публиковать фотографии детей-сирот с небольшими историями или «легендами» о них, что способствует поиску потенциальных родителей для этих ребят и обретению ими семьи.

Проблемы брака и семьи не часто находят отражение на страницах газет, в то время как социологов волнуют многие проблемы, с которыми приходится сталкиваться супругам в их совместной жизни и которые влияют на отношения их между собой и с детьми. Так, одной из угроз обществу и институту семьи являлось то, что «каждая вторая женщина готова оставить мужа потому только, что не любит его»²⁷.

Вопросы пенсионного обеспечения не снижают своего «градуса значимости». Изменения в пенсионных расчетах и начислениях, право на получение пенсии и прочие вопросы, формирующие информационный голод в этом отношении, возникают в обществе в результате дополнений и изменений законов пенсионного обеспечения. «АиФ» реагирует на потребность общества в разумных разъяснениях нововведений и регулярно публикует материалы социальной поддержки²⁸.

²² См. об этом: Костинова, Г. Нитраты есть можно. Но в меру / Г. Костинова // *АиФ*. – 2000. – № 41 (окт.). – С. 17.

²³ Никитина, В. Чистка мозга / В. Никитина // *АиФ*. – 2000. – № 2 (январь). – С. 10.

²⁴ Чижев, М. Отрезвит ли вытрезвитель? / М. Чижев // *АиФ*. – 2003. – № 42 (окт.). – С. 8.

²⁵ Костинов, В. Мигранты: бить или не бить? / В. Костинов // *АиФ*. – 2006. – № 15 (апр.). – С. 8.

²⁶ См. об этом: Голов, Ю. Кислота в лицо учителю / Ю. Голов // *Труд*. – 2006. – 11 апр. – С. 3.

²⁷ Николаева, Ю. Семью отменяют? / Ю. Николаева // *АиФ*. – 2000. – № 15 (апр.). – С. 18.

²⁸ Как рассчитать пенсию // *АиФ*. – 2000. – № 16 (апр.). – С. 9.

В данном исследовании мы стремились показать динамику «газетных образов» социальных проблем на протяжении 90-х и 2000-х годов. Мы можем сделать вывод о том, что эти образы становятся более адекватными социальной реальности. Анализ временной динамики демонстрирует высокое число публикаций по следующим темам: в 1990 году – по охране детства; в 1993-м – по бедности и также по охране детства. Есть некоторая «сезонность» распределения в данной выборке. Так, в январе зафиксирован максимум публикаций по проблемам уровня жизни и наркомании. Апрель и июнь – «детские месяцы»: много статей о защите прав ребенка, детях-инвалидах. В октябре публикуются материалы о «третьем возрасте», об уровне жизни и социальной защите.

Выделено два типа объектов статей: в первом случае объектом публикации выступает отдельный человек или социальная группа; во втором – обезличенные социальные структуры – организации или законодательные инстанции. Во множестве статей объектом является человек из наиболее подверженной негативному воздействию (в связи с конкретными процессами в обществе) социально-профессиональной категории или группы; а также – организация или законодательство. Сами проблемы в газетах в определенном смысле «стратифицируются». Например, в категории «бедность» фигурируют «незащищенные» группы граждан, часто пенсионеры. Если речь идет о наркомании, то это уже подверженные наркологической зависимости люди, преимущественно молодые. Если темой являются проблемы детства, то чаще всего объектами публикаций становятся дети-сироты, в молодежных темах – делинквентные подростки. В публикациях о наркомании, об охране детства и жилищных проблемах дается информация о работе соответствующих учреждений, реабилитационных центров, социальных служб и т. д.

Анализируемые статьи отражают скорее ориентацию на решение проблемы, чем на изучение причин, а среди представленных решений большая часть относится к организационному уровню. Публикации 1990 года особенно редко были причинно ориентированными (в большинстве из них отсутствует упоминание причин). В 1993 году причины и решения наиболее часто оказывались отнесенными к политическому/структурному уровню. В 1999-м социальные проблемы ставятся и на организационном уровне (посредством конкретных сервисов) в значительном числе статей. Демонстрация индивидуальной природы социальной проблемы характерна для проблем наркомании и суицида, причины нарушения прав ребенка чаще ищутся в институциональных недоработках того или иного учреждения. Пути решения, к примеру, проблемы наркомании, показаны исключитель-

но на институциональном уровне, в частности, в расчете на помощь реабилитационных центров. В конце 90-х – начале 2000-х годов в газетах появляются профилактические антинаркотические материалы, включающие материалы по антинаркотической политике и практике, в том числе многочисленные сообщения об официальных решениях различных административных структур, ведомств и практической работе органов здравоохранения, образования, отдельных общественных организаций; освещение новостей, связанных с появлением новых законодательных актов по борьбе с наркоманией и наркобизнесом. Также публикуются заметки, а порой и большие статьи о преступлениях, совершенных в состоянии наркотического опьянения, о передозировках, преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Также не уходят со страниц материалы рекламного характера о тех или иных формах наркологической помощи: реклама платных медицинских реабилитационных центров и врачей; реклама услуг колдунов, магов, целителей; реклама многочисленных препаратов против наркомании. Находят место размышления о различных аспектах наркомании как социального явления и обращения к представителям молодого поколения врачей, учителей, а также приводятся аргументы в виде данных статистики и социологических исследований. Несколько материалов направлены на апелляцию к властям с требованием уделить острой проблеме больше внимания. В них отмечаются недостатки финансирования, подготовки кадров, работы и взаимодействия между собой отдельных ведомств.

Функции прессы в освещении социальной сферы сводятся, как показали полученные результаты исследования, к информированию населения, к созданию острых, проблемных репортажей, где в меньшей степени, но все же присутствует превентивная направленность. Социальные проблемы с равной вероятностью оказываются рассмотренными в личностном, нравственном, экономическом, юридическом и медицинском контекстах. Газетные публикации 90-х сфокусированы скорее на демонстрации решений и путей выхода из уже известных негативных ситуаций, в то время как с середины первого десятилетия XXI века материалы связаны с поиском причин возникновения социальных проблем.

Временная динамика репрезентаций социальных проблем в некоторой степени отражает трансформацию социальной реальности России изучаемых периодов. В 1990 году в газетном дискурсе еще можно найти отголоски прежних коммуникационных моделей: призывы и лозунги, замалчивание причин возникновения социальных проблем, отсутствие социальных факторов, лоббирующих проблему. В 1993-м – в

период пика социально-экономических преобразований, инфляции и безработицы, превалирующей социальной проблемой в газетах, попавших в нашу выборку, становится бедность, статьи носят проблемный и информационный характер, причины и решения ищутся на политическом и структурном уровнях. К 1999 году газетные репрезентации меняются качественно и количественно: повышается доля проблем, рассматриваемых в качестве угрожающих жизни общества, среди них такая, как распростра-

нение наркомании. В этот период возрастает доля превентивных материалов; учреждения социальной защиты показаны как более зрелые, профессиональные и способные поддержать незащищенные слои населения.

Проблемы-лидеры в данной выборке по своей социальной природе – проблемы разных уровней: макросоциального (бедность), организационного (охрана детства) и микросоциального (наркомания); соответственно, различаются и их образы в прессе.

Сведения об авторах

БОСАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры германо-романских языков Института филологии Сахалинского государственного университета. Окончила Днепрпетровский государственный университет в 1978 году. В настоящее время – аспирантка Иркутского государственного лингвистического университета. Тема научного исследования: «Феномен “русская душа” в английском и американском языковом сознании».

ВЕДНЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: детская литература, творчество Ю. Ковалю, русская литература рубежа веков, серебряный век, проблемы орнаментализма.

ГОЛЬБЕРГ МАРИНА СТАНИСЛАВОВНА – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета. Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент кафедры М. Р. Тарасова. Тема диссертации: «Стилевые особенности литературной критики И. А. Ильина». Научные интересы: литературная критика И. А. Ильина, особенности стиля его произведений.

ДОБРЫЧЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета. Аспирантка кафедры современного русского языка Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток). Научные интересы: стилиобразующие функции конструкций экспрессивного синтаксиса.

ДОЛГОПОЛАЯ МАРИНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема научно-исследовательской работы: «Терминосистема литературоведческого дискурса; просодическая организация речевого акта в английском языке».

ЖИВОГЛЯДОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета. Область научных интересов: стилистика английского языка, поэтическая ономастика, функции языка, текст как коммуникативная единица.

ЗИНОВЬЕВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры журналистики Института филологии Сахалинского государственного университета. С 2005 по 2008 год обучалась в аспирантуре на кафедре русской и зарубежной литературы по специальности 10.01.01 «русская литература». Тема диссертационного исследования: «Журнал “Числа”: литературно-эстетическая позиция и художественная практика». Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор В. В. Агеносов.

КАЗАКОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Южно-Сахалинского института экономики, права и информатики. Научные интересы: фольклор Сахалинской области, культурология.

КУЗОВОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры журналистики Института филологии Сахалинского государственного университета, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы. Тема диссертации: «Идейное содержание и художественное мастерство С. Довлатова-журналиста». Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор В. В. Агеносов.

МАШАРИНА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета. Область научных интересов: английская лексико-семантическая система в диахронном аспекте; социально-лингвистическая ситуация в англоязычных странах.

МЕЛЕЖИК КРИСТИНА НИКОЛАЕВНА – доцент кафедры английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема научно-исследовательской ра-

боты: «Грамматическая структура и семантика английского предложения; функциональные модели речевого общения».

МУМИНОВ ВЛАДИМИР ИСМАИЛОВИЧ – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы связаны с проблемами истории языка, стилистики, в частности, стилистические функции частиц в художественном тексте. Является автором более 100 публикаций, среди которых – научные издания, учебные и учебно-методические пособия, научные статьи.

ОРЛИН ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – старший преподаватель кафедры германо-романских языков Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема научно-исследовательской работы: «Лингвостилистика в текстовом пространстве немецких древних баллад».

ПОДКОЛЗИНА ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: методика преподавания древних языков.

ПОЗДЕЕВА АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института филологии Сахалинского государственного университета. Область научных интересов: новые педагогические технологии как средство мотивации в процессе профессиональной подготовки переводчиков.

ПОЛУПАН ЕЛЕНА БОРИСОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: экспрессивные отчлененные фрагменты текста в современном русском языке.

РУБЛЕВА ЛАРИСА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, проректор по учебной работе Сахалинского государственного университета. Научные интересы: русская литература XVIII века, творчество В. Т. Нарезного.

СИЧКАРЬ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат химических наук, доцент кафедры химии Сахалинского государственного университета. Председатель Координационного центра по взаимодействию Сахалинского государственного университета и Сахалинской епархии РПЦ МП. Научные интересы: взаимодействие вопросов литературоведения и православия.

СКИБИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института филологии Сахалинского государственного университета. Область научных интересов: проявление системности на различных уровнях языка.

ТАБАЧЕНКО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка; заведующая кафедрой русского языка; декан Института филологии. Приоритетные направления научной деятельности: когнитивный подход в современном лингвистическом образовании; формирование филологической компетенции в профессиональном образовании; актуальные проблемы когнитивистики.

ТАРАСОВА МАРИНА РОМАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: современный литературный процесс, русская критика, творчество И. А. Ильина.

ТИТЯЕВА ГЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – старший преподаватель теории и практики перевода Института филологии СахГУ. Область научных интересов: использование новейших информационных технологий в профессиональной подготовке переводчиков.

ТОЛСТОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института истории, социологии и управления Сахалинского государственного университета. Научные интересы: философская антропология.

УШАКОВА ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики Института филологии Сахалинского государственного университета. Директор издатель-

ства, ученый секретарь Сахалинского государственного университета. В 1978 году окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Основные направления научной деятельности: коммуникативная лингвистика, применение основных положений коммуникативной лингвистики в журналистике.

ФЕДОРОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета. Научные интересы: проблемы сакрального в литературе.

ФИЛИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – редактор по выпуску книжной продукции издательства СахГУ.

ЧИКОВА ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: история русского литературного языка, лексикология и лексикография, топонимика.

ЧУДИНОВА ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: русская литература XIX века, проблемы, традиции и новаторства, творчество А. П. Чехова.

ШУМИЛОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета. Научные интересы: русская литература XX века, русский авантюрный роман 20-х годов XX века.

Отпечатано:
типография СахГУ

693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./ факс (4242) 45-23-17.
E-mail: polygraph@sakhgu.ru

Цена свободная